

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. И. Герцена
Факультет иностранных языков

Studia Linguistica

**ЯЗЫК. ТЕКСТ.
КУЛЬТУРА**

XVI

Санкт-Петербург
2007

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А.И. Герцена
Факультет иностранных языков**

STUDIA LINGUISTICA
ЯЗЫК. ТЕКСТ. КУЛЬТУРА

XVI

Санкт-Петербург
Борей Арт
2007

Печатается по рекомендации Ученого совета иностранных языков
РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты: д. филол. наук, проф. **Т. А. Казакова**; д. филол. наук,
проф. **Н. А. Кобрина**

Ответственный редактор: д. филол. наук, проф. **И. А. Щирова**

Члены редколлегии: канд. филол. наук, доц. **К. И. Масленникова**;
канд. филол. наук, доц. **Ю. В. Сергаева**; канд. филол. наук, проф.
И. П. Шишкина

Технический редактор: **В. С. Федякова**

STUDIA LINGUISTICA XVI. Язык. Текст. Культура: Сборник. –
СПб.: Борей Арт, 2007 – 246 с.

В сборник статей *Studia Linguistica XVI* вошли исследования, направленные на решение актуальных научных проблем, в том числе исследования полемического плана, позволяющие составить представление о дискуссиях, которые ведутся сегодня вокруг организации языка, сознания и мира. Концептуальное наполнение сборника во многом определяется доминирующей в науке когнитивно-коммуникативной парадигмой и утвердившейся в её рамках системой понятий и методов исследования. В соответствии с названием издания – «ЯЗЫК. ТЕКСТ. КУЛЬТУРА», важным условием осмысления обсуждаемых вопросов признаётся их включение в широкий культурный контекст. Наряду с работами известных ученых, в сборнике *Studia Linguistica XVI* представлены работы начинающих авторов (раздел «Голоса молодых»).

Издание предназначено для филологов широкого профиля, аспирантов, магистров и студентов филологических факультетов, а также для всех тех, кого серьёзно интересуют сложные феномены языка, текста и культуры.

ISBN 5-7187-0810-X

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

И. В. Арнольд

О РОЛИ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Задача настоящей статьи в том, чтобы обратить внимание моих коллег – преподавателей английского языка – на некоторые особые возможности работы с толковыми словарями и вообще с лексикографией в процессе обучения английскому языку.

В обращении к лексикографии может быть две стороны: потребительская и творческая. Учащиеся могут быть не только пользователями, но и создателями, пусть не словарей, а словариков, или их отдельных словарных статей.

Начнём с того, что обратимся к термину. Само слово «толковый» предполагает две стороны, двух участников: того, кто толкует, т. е. объясняет, и того, кому что-то толкуют. Толковый словарь – словарь одноязычный, он позволяет понять значение того или иного слова при помощи определения, знакомит на примере с употреблением слова и позволяет показать его связи в языке и суть концепта, им выраженного.

Знаменитый создатель «Толкового Словаря Живого Великорусского Языка» В. Даль писал: «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значений слов и понятий, им подчинённых» [Даль, 1882]. И это написано за много лет до появления когнитивной лингвистики, которая претендует на открытие этой связи, т. е. говорит о том же самом, что и толковый словарь.

Толковые словари с теми же энциклопедическими задачами установления связи между языком и картиной мира существовали уже в Древнем Египте и Древнем Китае. Знание этой связи насущно необходимо человечеству, и оно остаётся таковым и в новое время.

П. Флоренский в книге «Имена» писал, что «научная речь, выкованная из повседневного языка, – орудие, при помощи которого мы овладеваем предметом познания» [Флоренский, 1998: 201]. Он же писал, что в построении терминологии заключается суть науки. Эта справедливая мысль, к сожалению, часто искажается псевдоучёными, которые претендуют на научность работ, просто заполняя их новыми терминообразными словами.

Однако и подлинное терминоведение развивается в настоящее время очень успешно, в частности, активно работает Международный центр в городе Омске под руководством Л. Б. Ткачёвой.

Но нас в этой статье интересует знакомство учащихся с лексикографией в её разных аспектах. Конечно, с двуязычными словарями учащиеся сталкиваются с самого начала изучения того или иного языка; а общее знакомство с лексикографией даётся в курсе лексикологии, но этого недостаточно.

Теорией лексикографии в том виде, как её разрабатывал Л. П. Ступин [Ступин, 1977], занимается его ученица О. М. Карпова [Карпова, 2002] в г. Иваново, где она создала даже соответствующую научную школу. Хотелось бы, чтобы этот опыт был заимствован и другими городами. Это важно для создания навыков пользования толковыми и другими специальными словарями не только для понимания отдельных слов, но и для усвоения передаваемых ими концептов. Концептуальный состав той или иной сферы знания учащиеся осваивают при правильном использовании, как учебников, так и лексикографических данных при обращении к словарям, будь то толковые, энциклопедические или специальные, бумажные или электронные.

Богатство английских толковых, энциклопедических и специальных словарей необозримо. Наиболее известными являются: Collins, Cambridge, Chambers, Longman, Merriam-Webster, Oxford, Random House и др.* Эти и другие словари переиздаются не один раз и имеют много вариантов. Пользуются этим богатством не только иностранцы, но прежде всего сами англичане. Хотя бы один толковый словарь есть в каждом английском доме. В Англии оценка социального статуса человека и его успех в жизни сильно зависят от того, как он говорит. Язык высших классов очень отличается от языка низов. При этом словари служат англичанам, не только обогащая словарный запас, но и для общего образования. Знаменитые словари выдерживали много изданий. Интересно, что 90-е гг. прошлого века отмечены как бы взрывом переизданий многих знаменитых словарей. Внимание к ним не ослабевает; они находят сбыт, несмотря на конкуренцию электронных вариантов.

Итак, толковые словари оказываются важной частью не только языковой, но и общеобразовательной системы, т. е. познания картины мира.

---

* Подробный обзор всего богатства английской лексикографии дан в книге О. М. Карповой. См.: О. М. Карпова. Словари современного английского языка. Библиографический справочник. СПб., 2002. Изд. Санкт-Петербургского университета.

О. М. Карпова в упомянутой выше работе пишет о возникновении научной темы «user's perspective» для изучения запросов различных пользователей словарей. Она при этом подчёркивает также и необходимость введения курса лексикографии на факультетах иностранных языков. Именно на этом вопросе перспективы пользователя и надо остановиться. Толковые словари представляют концептуальную картину мира, как она отражена во всех звеньях языка. Когнитивная лингвистика сделать этого не может, она даёт не сам материал, а рассуждения по этому поводу.

Заметим, что если представителям технических наук, двигая науку вперёд, надо всё время предлагать что-то новое, то нам, гуманитариям, необходимо искать и в прошлом. Неслучайно во многих лингвистических монографиях мы встречаем фразу: «Еще Аристотель...». Ю. С. Степанов совершенно справедливо отмечал, что уже в Средние века язык рассматривался как совокупность имён вещей, открывавшая путь к познанию их сущности [Степанов, 1985]. В подтверждение этому он ссылается на «Этимологию» И. Севильского – многотомный труд конца VI или начала VII в.

Попробуем перейти к конкретным предложениям о том, как же работать с толковыми словарями в процессе обучения языку. К сожалению, наши библиотеки не могут обеспечить студентов английскими толковыми словарями, но ведь можно дать студентам хотя бы копию отдельных страниц или статей, обсудить их, показать систему помет и предложить составить собственные пояснительные статьи на изучаемые слова вместо обычных двуязычных словариков, показать, как обработать примеры к новым словам, которые встречаются в тексте. Основная задача при этом – помочь студентам познать связь слов языка с той концептуальной системой, которую они отражают. Большинство студентов имеет при этом возможность обратиться к Интернету.

Начать следует с привычки давать примеры, иллюстрирующие значение новых слов и их определений. Это требует тренировки и является полезным приёмом для создания навыков активной речи. Очень важно овладеть системой помет, надо научить студентов не только понимать их, но и пользоваться ими. На первых порах полезно, чтобы студенты сделали себе список и затем читали бы ту или иную статью словаря, полностью расшифровывая сокращения. На следующем этапе можно, хотя это довольно трудно, воспроизводить прочитанную словарную статью по памяти, начав с самых коротких, и, наконец, самим составлять краткие описания новых слов. Наконец, можно предложить сравнивать статьи на одно и то же слово в разных словарях.

Как пример обращения лексикографов к интересам пользователя можно привести работу американских авторов. В предисловии к «The American Heritage School Dictionary» в разделе создания словаря они пишут, что совсем не пользовались уже существующими словарями, чтобы избежать ненужного. В ноябре 1967 г. они разослали работникам образования США предложение дать списки книг и другой печатной продукции, в том числе художественной литературы, которая используется в классах от 3 до 9. Было получено 107 списков. Эти списки содержали свыше 6000 названий книг. Из них была отобрана тысяча текстов, а из текстов – 5 млн. слов. При помощи компьютеров их расположили по алфавиту и по частотности, и над ними работали лексикографы. Полученный материал отразил концепты в объёме среднего образования, таким образом, связь языка и мышления получила новое, конкретное и достаточно полное отображение.

В заключение хочется пожелать коллегам, чтобы и их ученики становились немножко лексикографами.

***

ДАЛЬ В., 1882. Толковый словарь Живого Великорусского Языка в 4-х томах. М. – СПб.

КАРПОВА О. М., 2002. Словари современного английского языка. Библиографический указатель. СПб.

СТЕПАНОВ Ю. С., 1985. В трёхмерном пространстве языка. М.

СТУПИН Л. П., 1977. Словари современного английского языка. Л.

ФЛОРЕНСКИЙ П., 1998. Имена. М.

Е. А. Гончарова

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СИТУАЦИИ ПОРОЖДЕНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

В основе возникновения литературного текста лежит стремление автора не только к созданию – средствами языка – собственной, «авторской», картины Мира, но и к донесению своих представлений об изменчивых свойствах Мира до других. В круг этих «других» для автора входят прежде всего его потенциальные читатели, и дальнейшая продолжительность «жизни» литературного текста, его социальная востребованность, зависят от того, насколько точно автор определил для себя, по У. Эко, «некую модель возможного читателя [...]

который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал» [Эко 2005: 17].

В то же время общение, предполагаемое формой литературного текста, или *литературная коммуникация*, существенно отличается от взаимодействия между автором и читателем, возникающего на базе иных разновидностей текстов. Стало уже общим местом выделение двух видов коммуникации, осуществляемой при помощи литературных произведений. С одной стороны, это так называемая «реальная» коммуникация между автором художественного произведения и читателем, начинающим читать это произведение, и, с другой, общение между участниками изображаемых в произведении художественных событий, которые на самом деле не произошли, но «пропускаются» автором через себя и подаются читателю как реальные. Подобное «фикциональное», созданное творческой энергией писателя взаимодействие персонажей известно в теории литературного текста под названием «изображенная», или «фиктивная», литературная коммуникация (См., например, [Арнольд 1999: 269–290]).

Одной из характерных особенностей фикциональной литературной коммуникации следует считать ее абсолютную обусловленность *эмпатией* создателя литературного текста, т. е. способностью представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки. На уровне реальной литературной коммуникации авторская эмпатия обогащается (либо не обогащается) *симпатией* читателя, в зависимости, во-первых, от того, способен ли последний – в силу своего внутреннего состояния и жизненного и эмоционального опыта – «со-чувствовать» изображаемому и, во-вторых, от умения автора с помощью языкового кода выразить и донести до читателя все богатство существующих в его творческой фантазии образов.

Рассмотрение литературного текста как *объекта интерпретации* требует дальнейшего расширения понятия «литературная коммуникация» в связи с неизбежным обращением интерпретатора литературного текста (который должен обладать и всеми способностями «умного» читателя), во-первых, к известным ему документальным источникам об интерпретируемом тексте (т. е. к тому, что часто называется «макроконтекстом» литературного произведения) и, во-вторых, к мнениям иных исследователей (разных гуманитарных областей знания), связанным прямо или опосредованно с толкуемым текстом.

Иными словами, всякий литературный текст оказывается лишь одним из звеньев непрерывающегося социально-литературного дис-

курса и требует к себе подхода в логике дискурс-анализа. При этом наиболее адекватными литературному тексту как объекту интерпретации с лингвистических позиций можно считать следующие общие идеи о дискурс-анализе, высказанные Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен в их недавно переведенной на русский язык под аналогичным названием книге: «язык организован в соответствии со структурами, свойственными высказываниям людей в различных сферах социальной жизни» [Филлипс, Йоргенсен, 2004: 14]; дискурс есть «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [там же: 15]; подходы, которые можно считать основными для дискурс-анализа, «имеют общие ключевые предпосылки, заключающиеся в том, как следует воспринимать такие понятия как «речь» и «субъект» [там же: 16].

Важными являются и рассуждения названных авторов об *исследовательстве* в дискурс-анализе, который, на наш взгляд, также принадлежит к ментально-речевым «субъектам», играющим не последнюю роль в развитии литературного дискурса. Общий смысл этих рассуждений состоит в следующем: исследователь должен исходить из того, «что реальность невозможно рассматривать вне дискурса и, таким образом, именно сам дискурс непосредственно является объектом анализа. В дискурсно-аналитическом исследовании первоначальным является не классификация утверждений в эмпирическом материале относительно того, какие из них являются верными, а какие неверными. Хотя критическая оценка может быть выполнена на более поздней стадии анализа. Напротив, аналитик должен работать с тем, что фактически было сказано или написано, исследуя структуры дискурса вдоль и поперек, и определить все социальные последствия различных представлений о действительности, воссозданных в дискурсе» [там же: 42–43].

Таким образом, на уровне дискурса происходит обогащение текста (как естественной, так и литературной коммуникации) характеристиками, которые обусловлены экстралингвистическими факторами, усиливающими в первую очередь прагматическую открытость текста и превращающими процессуальность из имманентного признака текста в дифференциальную черту дискурса, так как в последнем текст выступает в качестве когнитивного и коммуникативно-действенного медиума между автором и читателем, обеспечивая их социально-психологическое взаимодействие и «включая в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки» [Дымарский, 2001: 45]. Именно это взаимодействие, «отягощенное» характеристиками реального времени и коммуни-

кативных обстоятельств, в которых находятся в качестве «языковых личностей» автор текста и его читатель/-и, превращают текст в когнитивно, психологически, социально, культурно и т. д. значимое «событие», иными словами, дискурс. Иначе говоря, дискурс – это текст как когнитивное событие (содержащее определенный «концепт действительности», систему «концептуально-смысловых установок», которые включают в себя и индивидуальные, и исторические, и общественные и др. знания) и, одновременно, коммуникативное событие, «погруженное в жизнь» и автора, и читателя, и общества в целом.

Для теоретического толкования обоих членов диады «текст – дискурс» в случае литературного текста особую роль, на наш взгляд, играет категория «стиль». При этом нельзя, однако, не отметить, что общее содержание триады «текст – дискурс – стиль», а также семантический характер и понятийный объем каждого из ее трех членов не являются абсолютно идентичными по отношению к естественной и литературной коммуникации. Это обусловлено прежде всего разными когнитивно-прагматическими и коммуникативными условиями их протекания: уже отмечавшегося ранее совмещения в последней параметров реальной и изображенной коммуникации, а также преобладания в ней индивидуально-творческого отношения адресанта и к содержанию, и к материалу изображения, включая язык. Здесь уместно сослаться на слова профессионального писателя Дины Рубиной, которая в одном из своих интервью определила стиль художественного произведения как «не только набор приемов», а как «манеру писателя двигаться в пространстве текста, то есть во многом – органику», причем «...бытие в большой мере определяет эту манеру двигаться» [Рубина, 2001: 567]. Для филолога-интерпретатора литературного текста это означает, что «сигналы» стиля следует искать на пересечении дискурсивных (макроконтекстных) и собственно текстовых, знаково определенных, параметров литературного произведения.

При определении особенностей «реальной» литературной коммуникации в условиях действия триады «текст – дискурс – стиль» требует уточнения и феномен *коммуникативная ситуация*, который также имеет здесь более сложный характер, чем в случае общения между автором и читателем на базе текстов в так называемой естественной, или «нехудожественной», коммуникации. Что же можно считать наиболее релевантными характеристиками коммуникативной ситуации общения, возникающего в процессе чтения литературного текста?

(1) В основе этого общения лежит *творческое когнитивно-коммуникативное действие*, с одной стороны, автора литературного текста, который реализует с помощью определенных языковых и кон-

текстуальных сигналов в создаваемой им текстовой структуре некую коммуникативно-прагматическую стратегию, а, с другой, – его читателя, который, являясь «одновременно и **объектом** воздействия литературы, и **субъектом** литературного процесса, «подстрекающим» началом искусства слова» [Прозоров 1987: 496–497], опирается на эти сигналы и, в свою очередь, реализует намерение наиболее адекватно «разгадать» эту стратегию с целью собственного рационально-чувственного обогащения.

(2) Коммуникативно-творческая деятельность автора литературного текста обусловлена, далее, его внутренней эгоцентрической позицией, которую можно считать импульсом любого творческого акта, поскольку каждое художественное произведение (будь то живописное полотно, музыкальная пьеса или скульптура) является отражением специфического эгоцентрического внутреннего состояния души художника, являющегося откликом на его особые отношения с Миром и «провоцирующего» творческую личность на материализацию этого состояния в системе знаков определенного семиотического кода (в нашем случае языкового).

(3) Вступление в «контакт» с писателем и продолжение этого контакта со стороны читателя, в свою очередь, обусловлено эгоцентрическим состоянием последнего, так как в зависимости от него читатель либо откладывает книгу в сторону, либо углубляется в ее чтение и воспринимает в дальнейшем сюжетные коллизии в фикциональном Мире художественного произведения и его словесную форму, не будучи до конца свободным от этого состояния.

(4) Автор и читатель литературного текста, как правило, оказываются более удаленными и друг от друга, и от событий, изображаемых в нем, как в чувственно-эмоциональном, так и во временном и в пространственном отношении, чем в случае текстов из иных сфер человеческой коммуникации. Это определяет специфический характер ментально-речевых действий автора в процессе создания композиции и структуры художественного текста и здесь, в первую очередь, поэтическое переосмысление традиционных языковых элементов с их неизбежными семантико-прагматическими модификациями и «приращениями» смыслов, что создает особый, литературный, вид речи, отличающийся от повседневных видов речи прежде всего более высокой степенью суггестии. От читателя же подобная дистанцированность требует максимальной ментальной и чувственной концентрации, чтобы оказаться способным для полноценного «общения» с автором и «вхождения» в созданный писателем Мир.

(5) «Реальная» литературная коммуникация не протекает тем не менее по правилам общения между физически и биографически «реальными» лицами. Точно так же как автор «общается» в процессе написания своего произведения с имплицитным, или, идеальным, потенциальным, абстрактным, читателем, так и читатель познает автора как некую *функциональную, деятельностьную*, категорию, проявляющую себя в отборе и структурно обусловленном сочетании элементов формы и смысла в их текстовом единстве. Это, как писал М. М. Бахтин, «активная индивидуальность видения и оформления, а не видимая и не оформленная индивидуальность» [Бахтин 1977: 160], воспринимаемая читателем как *метаобраз* текста, неизречаемый в одной языковой единице или многих языковых единицах, а «атомарно» заложенный в текстовых смыслах всех элементов семантической системы текста, в художественном содержании всех образов литературного текста.

(6) Выделяет литературную коммуникацию на фоне иных видов деятельности и общения людей и ее предметно-тематическая специфика. Предмет этой коммуникации – художественный текст обладает *абсолютной антропоцентрической* когнитивно-прагматической направленностью, определяемой тем, что в центре литературного изображения всегда стоит Человек, а образы персонажей как действующие лица фикционального мира художественного текста и квинтэссенция «авторской картины мира» представляют собой художественно обобщенные аналоги определенных форм его бытия, сознания, драматического действия и лирического переживания.

Из выше названных коммуникативно-прагматических особенностей литературного текста, а также его рассмотрения в логике дискурса-анализа вытекает и такое универсальное свойство художественного текста как *диалогизм*, плодотворнейшим источником дискуссий о котором, актуальных до сих пор, несомненно, являются идеи М.М. Бахтина, считавшего диалог внутренней движущей силой бытия мыслящего человека: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог в сущности и не должен кончиться. [...] Все – средство, диалог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [Бахтин, 1979: 294]. Как справедливо замечает М. В. Никитин, у М. М. Бахтина «вся освоенная и осваиваемая культура диалогична как результат осмысленных диалогов адресантов с адресатами, авторов с читателями, современников с предшественниками и потомками, диалогов с самим собой и, наконец, «диалогов» субъекта с миром – постольку, поскольку осмысление мира достигает ясности

и закрепляется в духовной культуре общества, получив знаковое выражение» [Никитин 2005: 115].

Художественная литература – существенная часть социальной духовной культуры, закреплённой в языковых знаковых кодах художественных текстов. Она немыслима без принципа *полифонического художественного мышления*, сформулированного М. М. Бахтиным: «мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера его бытия [...] не поддаются художественному освоению с монологических позиций» [Бахтин, 1979: 312].

Диалогизм пронизывает и охватывает все стороны литературной коммуникации и художественного текста как наиболее совершенной формы творческой ментально-речевой деятельности людей. Основным условием этой деятельности становится принцип *обратной связи*, распространяющийся – что уже неоднократно отмечалось выше – как на динамику когнитивно-прагматических взаимоотношений между творящим литературный текст и воспринимающим (и интерпретирующим) его субъектами, так и на воздействие результатов этих взаимоотношений на характер дальнейшего функционирования литературного произведения в культурном развитии и культурной памяти общества. Когнитивно-прагматическая суть всеобъемлющей «обратной связи» между всеми звеньями непрерывной цепи литературной коммуникации, иными словами, ее «диалогизм», состоит в следующем. Автор – субъект «произведения» художественного текста взаимодействует как «мыслящее человеческое сознание» (по Бахтину) с Миром (Других и своим собственным), получает в результате этого некие чувственно-рациональные импульсы и воплощает их в системной художественно-речевой форме текста, реализуя при этом особый характер своего *активного* отношения к языку и «преодолеваемая материал» через его усовершенствование в нужном писателю направлении (по Бахтину, там же). Внутри текста действуют персонажи, связанные между собой (и с автором), в свою очередь, определенной системой акционально-смысловых отношений. Читатель, в зависимости от собственных взаимоотношений с действительностью (и языком как частью этой действительности), воспринимает литературный текст, используя его как один из ориентиров в своих дальнейших отношениях с Другими (куда входят и разные ипостаси собственного Я читателя) и Миром.

Без учета диалогического взаимодействия между автором и читателем невозможно рассмотрение и такой – также универсальной – характеристики литературного текста как *суггестивность*. В значении самого слова (от лат. *suggerere* – внушать, «нашептывать») (мысль

и др.) уже заложена сема диалога сознаний, стремление (как осознанное, так и бессознательное) автора соединить собственное поэтическое переживание с воздействием на читателя, стимулируя последнего к сопереживанию, к размышлениям/рассуждениям определенного плана. Суггестивная диалогичность осложняет «чисто» сюжетную информацию литературного текста и, имплицитно постоянно присутствуя в ней, превращает ее в информацию художественную. Будучи активным участником суггестивного диалога, читатель – в зависимости от своей готовности и/или способности воспринять «суггестивно осложненную» текстовую информацию – по-разному «пропускает» литературный текст через себя и свои дальнейшие, также диалогические, отношения с Миром и Другими.

Диалогизм мыслящего сознания не может не сказаться и на отношении обеих сторон литературной коммуникации (автора и читателя) к слову – основе формальной стороны художественного текста. Уже в XIX веке А. А. Потебня, выдающийся отечественный филолог, многие идеи которого лежат в основе современных представлений о специфике словесного художественного образа и психологии художественного творчества, отмечал, что «при помощи слова человек **ВНОВЬ** (выделено нами – Е. Г.) узнает то, что уже было в его сознании. Он одновременно и творит новый мир из хаоса впечатлений, и увеличивает свои силы для расширения пределов этого мира» [2003: 148]. Бахтинская концепция диалогизма также акцентирует «связи между словом (шире – знаком), с одной стороны, и контекстом его употребления, высказыванием и текстом, смыслом и его порождением, так что в слове просвечивают его былые контексты, в высказывании – его связи с пред- и посттекстом. И слово, и диалог, и смысл «ведут диалог» со всей историей своего бытования, проявляя следы своей былой жизни в новых контекстах» [Никитин, 2005: 115].

Работу писателя над отбором и комбинацией слов, нужных ему для выражения неких концептуально-художественных смыслов, можно представить себе как внутренний «автодиалог» автора с собственным знанием и известным ему национально-социальным опытом использования соответствующих языковых знаков, в процессе которого он либо удовлетворяется узуальными словоформами, либо преобразовывает их семантически и морфологически в нужном ему русле. В то же время это не «чистый» автодиалог, так как в процессе создания своей «картины мира» автор может прибегнуть к словоупотреблениям, уже использованным в иных текстах другими творческими личностями, и, включая подобные слова-цитаты в свой текст, художник действует тем самым в ситуации «диалога» с иными «мыслящи-

ми сознаниями» и создает «интертекстуальные» смыслы, которые и для читателя расширяют горизонт его диалогического общения с собственным сознанием, Миром и Другими.

В теории диалогизма литературного произведения М.М. Бахтина особую значимость приобретают, далее, «индивидуализированное языковое сознание» и «воля» персонажа, способные создать в прозаическом литературном тексте «внутреннюю диалогичность слова». Именно использованием «внутренне-диалогизованного слова», т. е. такого слова, где «смешиваются ...два **индивидуализированных** сознания и две индивидуальных языковых воли: изображающее индивидуальное авторское сознание и индивидуализированное языковое сознание и воля изображаемого персонажа» [Бахтин, 1979: 171], по мнению М. М. Бахтина, «завоевывается новая авторская позиция, лежащая выше монологической позиции» [там же: 21]. Действительно, действующие лица изображаемого художественного мира, строго говоря, сочетают в себе характеристики и объекта познания (для автора и читателя) и субъекта «индивидуализированного» сознания, потому что, с одной стороны, автор не может создать характеры героев, целиком подчиненные его познавательной и коммуникативной субъектности и субъективности, так как, входя в систему отношений фикционального мира литературного текста, они, по выражению М.М. Бахтина, могут действовать по законам «упорствующей реальности», «неуправляемой объективности» [Бахтин, 1977: 156 и др.]. С другой же стороны, диалектика диалогических субъектно-объектных отношений между автором и персонажем определяется их прагматической направленностью от Я художника к Другому/-им (даже если этот Другой/-ие и наделен/-ы чертами самого автора), в мысленном диалоге с которым/-и автор решает актуальные для него познавательно-творческие задачи.

***

АРНОЛЬД И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сборник статей. СПб.

БАХТИН М. М., 1977. Проблема автора // Вопросы философии. – №7
БАХТИН М. М., 1979. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд., М.
ДЫМАРСКИЙ М. Я., 2001. Проблемы текстообразования и художественный текст. *На материале русской прозы XIX–XX вв.* М.

НИКИТИН М. В., 2005. Диалогизм vs. интертекстуальность: выбор плацдарма // Человек в пространстве смысла: слово и текст. *Studia linguistica XIV.* СПб.

- ПОТЕБНЯ А. А., 2003. Теоретическая поэтика. 2-е изд., М. – СПб.
- ПРОЗОРОВ В. В., 1987. Читатель и писатель // Литературный энциклопедический словарь. М.
- РУБИНА Д., 2001. «Ни жеста, ни слова...». *Интервью для журнала «Вопросы литературы», 5–6, 1999 год.* // Под знаком карнавала. Екатеринбург.
- ФИЛЛИПС Л., ЙОРГЕНСЕН М. В., 2004. Дискурс-анализ. *Теория и метод.* Пер. с англ. Харьков.

М. В. Никитин

О СООТНОШЕНИИ ЗНАКА И ЗНАЧЕНИЯ

В современной семиотике по вопросу, обозначенному в названии как тема наших рассуждений, существует широко распространенное и глубоко укоренившееся заблуждение. Это заблуждение вышло далеко за пределы самой семиотики и с удовольствием культивируется многими семиотиками, так как придает им веса в глазах представителей иных областей научного знания. Дело в том, что заблуждение это состоит в расширительном толковании предмета семиотики, что позволяет усматривать знаковую в природе множества разнородных явлений и подводить под общую крышу семиотики – так сказать, семиотически «крышевать», – разнообразные области научного, а нередко и псевдонаучного знания.

Расширяя свою экспансию, семиотика заявляет свои права на психологию, психопатологию и психоанализ; на идеологию, мифологию и религию; на лингвистику, литературоведение и теорию искусств (кино, театр, живопись, музыку, поэтику и пр.); на оккультизм и ясновидение; теорию личности и личностных интеракций; теорию коммуникации и теорию значения; феминизм, маскулинизм и теорию сексуальности; на структурализм, релятивизм, формализм, символизм и многие другие «измы». Однако собственный вклад в эти области семиотики бессодержателен и ограничивается навязыванием собственной фразеологии: все явления перекатегоризируются как означаемые и означающие. Семиотика такого рода не гнушается жить с чужих капиталов: весь реально содержательный анализ осуществляется помимо семиотики и беззастенчиво присваивается ею из позитивного багажа соответствующих научных дисциплин. Однако эти квазинаучные, спекулятивные игры семиотике этого рода нужны для того, чтобы второй раз на протяжении ее истории – после общей семантики

графа Альфреда Кожибского и его последователей – утвердить себя в статусе науки наук, реализуя тем самым скрытые амбиции одного из основоположников общей теории знаков – Чарльза Сандерса Пирса [Никитин, 1997].

Именно в Ч. С. Пирсе, его представлениях о знаках и их типологии лежит источник заблуждения, связанного с расширительным толкованием знака и ошибочным представлением о соотношении знака и значения. Как известно, Ч. Пирс включил в число знаков индексальные знаки. Тем самым все естественные связи и зависимости, когда на основе одного события или сущности (вещи или признака) интерпретатор импликационно заключает о другом и настраивает свое сознание на наличие этого последнего, оказались включенными в число ситуаций не только значимых (т. е. ситуаций со значением), но и знаковых. Импликатор имплицитует имплицит, и при этом имплицит является значением имплицита, а импликатор объявляется знаком индексального типа. Так, причины становятся знаками следствий, а следствия, поскольку они также вызывают в сознании мысль о вызывающих их причинах, – знаками своих причин. То же справедливо и о всех иных случаях, когда сущности или явления связаны не причинно-следственной, а какой-то иной зависимостью совместной встречаемости «если А, то В», обязательной или вероятностной (особенно сильно – вероятностной).

В ситуациях индексального типа действительно наличествует феномен значения, ибо значение вообще – это информационная зависимость двух концептов, когда один концепт актуализирует в сознании другой и настраивает сознание на этот второй как информационно важный. В целом есть два рода значимых ситуаций – импликационные (инференционные), о которых речь шла выше, и семиотические. Феномен значения присутствует и в тех, и в других, т. е. и те, и другие являются значимыми, но собственно знаковыми являются только вторые. Экстенционально знак и значение – понятия не равнообъемные. Нет знака без значения, но обратное неверно. Значение – понятие гораздо более широкого объема, чем знак. Оно наличествует и у живых существ, не оперирующих знаками и не располагающих языком. Значение являет себя повсюду и ежечасно в деятельности, поведении и реакциях живых систем, целесообразно взаимодействующих с окружающей средой и отвечающих на стимулы и «вызовы» внешнего мира, от простейших до высокоорганизованных организмов, даже если природа не наградила их сколько-нибудь развитыми знаковыми системами [Никитин, 1974, 1988, 1996, 1997, 2003, 2007].

Итак, если перевести проблему на уровень конкретных примеров, то она сводится к ответу на вопросы, вроде следующих: красный закат (импликатор) означает, что следует ожидать ветреной погоды (импликат-значение), но справедливо ли считать красный закат знаком ветреной погоды; сбивчивая речь свидетельствует (= означает) о волнении, но является ли она знаком волнения или только его свидетельством, т. е. признаком, но не знаком как таковым; листопад, конечно, означает наступление осени, т. е. имеет такое значение, но правомерно ли считать его знаком наступившей осени в строгом смысле слова; восходит солнце, и, значит, начинает светать, также и наоборот: начинает светать, и, значит, восходит солнце. «Значить, обозначать» – универсальная связка отношения значимости. Это отношение обратимо: причина (условие) и следствие (результат) могут при выражении меняться местами, выступая то в роли мысли-импликатора, то мысли – импликата. Заметим также, что в сложно-подчиненном предложении придаточное условия на деле выражает то условие (причину), то следствие (результат), т. е. на деле обозначает ни то, ни другое, а мысль-импликатор, равно как и главное предложение содержит не мысль о следствии, а выражает мысль-импликат. В онтологии вещей причина и следствие не могут меняться местами, но это возможно для эпистемологических категорий импликатора и импликата: в мыслительном плане не только представление о причине актуализирует мысли о ее возможных следствиях, но и наоборот. Ср.: если он сильно устал (причина), то, значит, быстро уснул (следствие), и наоборот, если он быстро уснул (следствие), то, значит, сильно устал. Не имеет ли место во всех подобных случаях инференция от одного события к другому на основе опытного знания о зависимостях в мире расширительное употребление слова «знак», допускаемое в естественных языках в силу их номинативной терпимости?

Современная семиотика в значительной своей части последовала за Ч. С. Пирсом и на этой основе бесконечно раздвинула свои границы, претендуя на роль науки наук. На этой зыбкой почве стремятся утвердить себя такие направления в лингвистике, как биосемиотика, биосемантика и биолингвистика, не опасаясь заново повторить бесплодный опыт построения теории языка на антименталистской базе бихевиоризма.

В нашу задачу входит очертить объем понятия знака, указать его существенные особенности и отграничить его от так называемым индексальных знаков. С учетом того, что возможны многообразные промежуточные случаи на знаковой шкале, речь пойдет прежде всего о родовой сущности знака, оптимально проявляющейся в (прото)типических знаках, какими являются словесные знаки. В них наи-

более полно и ярко представлены категориальные (существенные и отличительные) признаки знаков. При этом нас не должно смущать то обстоятельство, что в норме естественных языков не принято называть значимые номинативные единицы именно знаками (это делается в случае теоретизирования).

1. Категориальные признаки знака, которые составляют его родовую сущность и обособляют его от сущностей иного рода, имеют функциональный характер, т. е. лежат в области его телеологии, его предназначения, того, что им обеспечивается и достигается с его помощью. Это сущности, которые, складываясь в систему естественного языка, вырывают человека из плена животного сознания, конкретного практического сознания импликационного сиюминутного типа и поднимают его на уровень человеческого сознания, сознания понятийного, обобщающего и абстрагирующего. Знак обеспечивает способность к обобщению и отвлечению от конкретности и чувственной наглядности впечатлений и сообщает мышлению новое измерение, возвышая его на уровень мышления о закономерностях мира.

Причина того, что для этого судьбоносного для человека и мира сдвига, необходим знак, проста: обобщение и абстракция требуют дополнительной опоры в сознании и памяти. Эти мыслительные операции и возникающие в результате их ментальные единицы, чтобы устойчиво отстояться и закрепиться в сознании для последующего оперирования ими, нуждаются каждая и все вместе в опоре на знаки. Знаки – это тот дополнительный уровень вспомогательных единиц в сознании, посредством которых в памяти отстаиваются представления о содержательно тождественных представлениях, которые отрабатываются и фиксируются сознанием как понятия. Означающие – необходимые песчинки, вокруг которых вырастает кристалл понятия. Знак играет роль необходимого технического условия, дополнительного уровня единиц в сознании, которые обеспечивают структурирование мира на высшем уровне абстрактно-обобщающего закономерностного сознания.

2. Таким образом, первым функциональным императивом, требованием и условием для того, чтобы некая материальная форма (манифестант знака) и ее идеальное отображение (означающее знака) выполняли знаковую функцию и приобрели качество знака, является способность обеспечить качественный сдвиг структур сознания – мышления – их переход на высший, собственно человеческий уровень сознания, понятийного, обобщающего-абстрагирующего. Для этого необходимо формирование в структуре сознания уровня «технических» ментальных единиц, служащих в качестве центра для объединения и обработки, отождествления и различения образов конкретного.

Такова когнитивная функция знаков. Наличие таких единиц облегчает и содержательно ориентирует работу памяти, углубляет и переводит на более высокий, экономный и закономерностный уровень переработки информации о мире, внедряя логику в сознание. Но более того, поскольку у знака есть его собственное материальное выявление в мире – его экспонент, или манифестант, он способен нести, кроме когнитивной функции в мышлении субъекта, еще и социальную, коммуникативную функцию в качестве средства физической объективации и репрезентации вовне закрепившегося за ним концепта. Репрезентативная функция знаков делает их средством выражения и сообщения связанных с ними значений, ибо семиотическое значение есть ничто иное как концепт, связанный знаком. Тем самым знак безмерно расширяет границы (со)знания: он делает индивидуальное знание общественным достоянием, а общие знания о мире посредством знаков неизмеримо пополняют багаж индивидуального (со)знания.

Кроме того, знак и язык как система знаков стимулируют развитие воображения и переводят его на креативный уровень, в том числе отвлеченный от действительности, т. е. на уровень сотворения мнимых ментальных миров – уровень замыслов и планирования, фантазий, создания мифологий и идеологий и т. д.

3. Существенные отличительные признаки знака взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Знак в своей материальной ипостаси, знак – манифестант, будучи актуализирован в речи как коммуникативная единица, непременно заряжен качеством интенциональности. Отправитель использует его как средство достижения своих целей, как выражение собственной коммуникативной интенции, сообщая ему определенную иллюкативную силу. Позиция отправителя в коммуникативном семиотическом акте не менее, если не более, существенна, чем позиция получателя. Человек осваивает язык не столько из «диалогов с природой», сколько из потребности и необходимости взаимодействия с людьми.

В случае так называемых индексальных знаков, как и в любых мыслительных операциях имплекативного типа, не предполагается ни отправитель, ни получатель. Эта операция не коммуникативна и не интенциональна. Она замкнута внутри индивидуального сознания в его отражательном отношении к миру. И это еще одно основание, чтобы отказать индексальным знакам в знаковости.

С позиций сказанного в пп. 1, 2 и 3 пирсовские индексальные знаки никак не удовлетворяют требованиям когнитивного потенциала, репрезентативной и интенциональной функции как обязательным условиям знаковости. Индексальная связь концептов как отражение раз-

ного рода совместной встречаемости вещей, служит основой для импликаций (инференций) от мысли-импликатора к мысли-импликаци, но это дает основание говорить об импликаторе лишь как актуализаторе значения (интерпретанте, в терминологии Ч. Пирса), но не знаке. Здесь отношение между двумя идеями (суждения о следствиях по причинам, о причинах по следствиям и т. п.) не носит знакового характера, хотя и значимо. Мысль-импликатор не имеет ни обобщающее- абстрагирующего потенциала, ни, тем более, репрезентативной и интенциональной функций.

Знаковое выражение отнесено к миру и обращено к людям. Между тем в мыслительных операциях импликации-инференции мысль хотя и отнесена к миру, но замкнута внутри сознания. Импликатор (равно как и имплицит) еще должен получить знаковое выражение, сам же он не может служить знаком самого себя. Знак не тождественен ни тому, что он обозначает (денотату), ни той мысли, что он выражает (означаемому). Он их репрезентирует на уровне семиотического (знакового) замещения.

Таким образом, у так называемых индексальных знаков не выполняются три необходимых для знака условия: во-первых, служить базой для продвижения сознания на высший уровень сознания-мышления специфически человеческого – понятийного, обобщающе-абстрагирующего и, во-вторых и в-третьих, за счет свойств репрезентации мыслительных единиц в объективированной форме и интенциональной заряженности неизмеримо расширить свою содержательную базу в качестве средства общественных взаимодействий.

Однако прежде чем расстаться с иллюзией о всеобъемлющем научном потенциале пирсовской семиотики, следует, справедливости ради, рассмотреть один возможный аргумент в пользу этого заблуждения. Как уже отмечалось, есть два рода ситуаций, в которых наличествует феномен значения: 1) незнаковые импликационные ситуации, когда в силу зависимостей и связей между вещами, признаками (свойствами и отношениями) и событиями (ситуациями, положениями, или обстоятельствами дел) из наличия чего-то одного заключают об обязательном или возможном (вероятностном) наличии чего-то другого, так что сознание настраивается на это второе как информационно так или иначе важное (значимое) для субъекта; 2) собственно знаковые (семиотические) ситуации, когда то или иное значение, закрепленное за знаком в языке или конструируемое по законам грамматики этого языка, актуализируется в акте коммуникации.

Эти ситуации различаются тем, что в первом случае, как нами показано, нет оснований говорить о мысли-импликаторе как знаке,

значением которого является мысль-имплицат. Но обе ситуации сходны в том, что они значимы для субъекта: их сближает наличие значения в обоих случаях. Именно это послужило источником рассматриваемого здесь заблуждения. Семиотика поспешила объявить обе ситуации не только значимыми, но и знаковыми и тем самым неоправданно расширила область знака и вторглась в область всех сфер мышления, в том числе многих научных, где оперируют импликациями. (Надо было спросить себя, а где ими не оперируют?)

Но, быть может, эта расширенная версия теории знаков может предъявить в свое оправдание следующий аргумент: да, возможно мы заблуждаемся относительно знаковости индексальных связей, но ведь мы открыли принципиальную общность множества разнородных областей – их всех объединяет феномен значения. Поэтому «безразмерная семиотика», если и не является общей теорией знака, то не может ли она объявить себя общей теорией значения?

Увы, и такая «смена флага» не решает проблем «семиотики широкого разлива», так как не обеспечивает ей необходимую научную содержательность. Действительно, значение во всех его разнообразных проявлениях составляет особый предмет научного рассмотрения, и это предмет отражательного порядка в живых системах, лежащий на переходе от мира к реакциям на него. Механизмы значимых реакций обеспечивают ориентацию и должное целесообразное поведение в мире и обществе. Отражая связи и зависимости вещей в мире, значение не сводится к ним, но включает в свое содержание оценочно-прагматические, образные, интуитивные, эстетические, национально- и индивидуально-специфические и иные компоненты. Эти сложные образования содержательно исследуются во многих науках и их разделах: психологии, философии, лингвистике, семантике, теории коммуникации, теории связи, кибернетике и других.

Реальный вклад семиотики в теорию значения невелик и, по сути дела ограничивается общими соображениями о его природе и типологии. Содержательный анализ значения на уровне общей теории и углубления в частности она неизбежно должна оставлять за своим пределом. Семиотика должна сосредоточиться на собственном предмете – в качестве общей теории подлинных знаков, знаков как таковых. Он достаточно широк и недостаточно изучен. Его составляют разного рода подлинные знаки и знаковые системы, в совокупности с естественным языком составляющие панзнаковую основу человеческого сознания. Для этого семиотика должна признать непродуктивной заманчиво широкую универсалистскую концепцию знака, которую предложил ей Ч. Пирс и которой она последовала. Надо иметь в виду,

что самому Пирсу универсализм знака понадобился не ради него самого, а для того, чтобы под этим флагом заложить дедуктивные основания универсальной формальной логики как «науки об общих обязательных законах знаковости» (the science of the general necessary laws of signs).

***

Ниже указана характерная для современного состояния семиотики литература.

- ИВАНОВ В. В., 1976. Очерки по истории семиотики в СССР. М.
КУБРЯКОВА Е. С., 2004. Язык и знание. М.
НИКИТИН М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.
НИКИТИН М. В., 1997. Предел семиотики // «Вопросы языкознания», РАН «Наука», №1. М.
СТЕПАНОВ Ю. С., 1983. Семиотика. М.
Труды по знаковым системам, 1964–1987. Выпуски 1–20. Тарту.
COQUET J.-C., 1973. *Semiotique litteraire*. Paris.
ECO U., 1976. *A theory of semiotics*. Indiana University Press.
ELAM K. 1980. *The semiotics of theatre and drama*. London.
GREIMAS A. J., 1970. ed. *Sign, language and culture*. The Hague.
GREIMAS A. J., 1971. ed. *Essais de semiotique*. Paris.
HAWKES T., 1977. *Structuralism and semiotics*. London.
HEALTH S. ETALIA, 1971. *Signs of the times*. Cambridge.
HERVEY S., 1982. *Semiotic perspectives*. London.
JACKOBSON R., 1971. *Selected writings*. Vol. № 2. The Hague.
METZ CHR., 1974. *Film language: a semiotics of the cinema*. Indiana University Press.
MORRIS CH., 1971. *Writings on the general theory of signs*. The Hague.
PIERCE CH. S., 1931–1958. *Collected papers*. Harvard University Press. Vol. №2.
RIFFATERRE M., 1978. *Semiotics of poetry*. Indiana University Press.
SCHOLES R., 1982. *Semiotics and interpretation*. Yale University Press.
SEBEOK TH., 1969. Ed. *Approaches to semiotics*. The Hague.
SERGE C., 1973. *Semiotics and literary criticism*. The Hague.
SILERMAN K., 1983. *The subject of semiotics*. Oxford University Press.
WOLLEN P., 1972. *Signs and meaning in the cinema*. Indiana University Press.

С глубоким почтением и наилучшими пожеланиями автор посвящает свои размышления о знаке и значении замечательному ученому, заслуженному деятелю науки РФ, профессору Елене Самойловой.

не Кубряковой. Независимо от того, насколько изложенные здесь взгляды могут разделяться адресатом посвящения, автор воодушевлялся собственными Е. С. Кубряковой качествами выдающегося исследователя: широтой научной перспективы, масштабностью решаемых задач, инновационным характером их решения.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА: СИНХРОНИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. В. Киселёва

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАРТИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Возникшая необходимость поиска ответов на основные для когнитивной науки вопросы о формах представления знаний и разных типах структур знания послужила поводом к исследованию того, в чём заключается знание значений многозначного слова и как оно представлено в сознании человека.

Поскольку речемыслительная деятельность служит той же цели, что и любая иная система человеческого организма, а именно, обеспечению вполне соответствующего приспособления к окружающей среде, то сознание и язык вынужденно функционируют в рамках некоторых жёстких ограничений. Так, согласно И. К. Архипову, в функции познания свойств реальных предметов, от которых зависит выживание биологического вида, сознание получает из внешнего мира не готовую информацию, а лишь сигналы, раскрытие смысла которых зависит от «качества» индивидуального сознания.

Опираясь на память, сознание способно выстраивать вымышленные, фантазийные представления относительно любого (настоящего, прошедшего и будущего) времени, а также конструировать понятия о нереальных предметах и сущностях (баба-яга, кашей-бессмертный). А это, в свою очередь, даёт огромные возможности для познания. Собеседники в большинстве случаев прекрасно осознают границы отображения действительного, реального мира, и это позволяет им догадываться о смысле высказываний.

Вследствие ограниченности объёма памяти, а также малого времени на актуализацию слова (либо значения) образ формы ассоциируется только с одним значением на уровне системы языка. Поэтому на уровне речи воспринимающий информацию (слушающий) связывает с образом формы тот смысл, который, с его точки зрения, соответствует системному (конвенциональному) значению, с одной стороны, и речевому и языковому контексту, с другой.

Каждое значение соотносится с определённым состоянием нейронной системы, и, поэтому, переносный смысл выводится слушающим благодаря одновременному удержанию двух состояний, которые

соотносятся с системным и актуальным условиями. На основе соответствия/несоответствия картине мира и прагматической установке слушающего выводятся переносные значения [Архипов, 2005: 56–57].

Как известно, значительную часть всех переосмысленных значений в структуре слова представляют собой переносные значения. Семантический перенос есть универсальное фундаментальное явление, охватывающее всю систему языка. В качестве предисловия, может быть, следует напомнить, «что, во-первых, переносные значения не являются результатом объективного отражения реального мира. Метафоры, точнее, их по большей части неизвестные творцы, не отражают объективные связи, а создают связи, носящие субъективный характер. Во-вторых, переносные значения и метафоры, в частности, являются средством «активизации ассоциаций» [Блэк, 1990: 162–164] – в отличие от сравнений они используются для максимально быстрого установления связей признаков двух предметов или понятий. Именно поэтому они не точны, неопределённые и противоречивы и, как правило, указывают на ложные связи. «Переносные значения – средство игры ума. В свою очередь, игра воображения часто используется и в целях экономии энергии» [Архипов, 2001: 28]. «Метафоры ... помогают понять мир и обозначить его сущности» [Никитин, 2003: 25], когда что-то постигается интуитивно, человек прибегает к помощи метафор для уяснения сложного понятия. «Интуиция достаточно чётко очерчивает ему границы и содержание абстрактного концепта и обеспечивает должный отбор аналогических средств описания» [Никитин, 2003: 16].

Анализ переносных значений в данной работе проводится на принципах когнитивного подхода. Исходя из предположения, выдвинутого Д. Дэвидсоном и далее развиваемого И. К. Архиповым, формы слов неизменно сохраняют свои системные значения в различных речевых контекстах. При актуализации слов системные значения их форм приходят во взаимодействие с системными значениями форм других слов. В результате возникает «третий смысл», то есть, речевой, как часть смысла соответствующего высказывания [Davidson, 1990: 430–441]. Таким образом, буквальное значение является ключом к осмыслению фразеологизмов и метафор. Степень их понимания и интерпретации зависит, прежде всего, от того, как мы осмысливаем прямое значение и его взаимодействие с контекстом (речевым и языковым).

Актуализацией номинативно-непроизводного значения глагола “*ruin*” на уровне речи служит следующая метафора: “*Serena was so certain that to marry him would ruin his life*” [Steel, 2003: 111] (because

she became poor and could give him nothing). Образ, возникающий при осмыслении данного выражения, связан с отношением девушки к своему возлюбленному, которого она любит, но, выйдя за него замуж, может испортить, погубить его планы на будущее, карьеру, разрушить его жизнь. Этот образ ассоциируется с неким отклонением от общепринятого употребления этого глагола. Ср.: *to ruin –to spoil or destroy something completely* [LDCE, 1995: 1240] – *One bomb ruined the whole building*. Сформулируем номинативно-непроизводное значение этого глагола на основе превалирующих компонентов – “to destroy”. Когда этот глагол используется в ситуациях, не предполагающих конкретное семантическое окружение, конкретное отношение к чему-либо, а касается общей оценки ситуации, то наложение такого контекста на буквальное значение даёт третий смысл – «нарушение общепринятых норм морали». В данной метафоре значение “to ruin” не переосмыслено, его семантика включает все ядерные компоненты номинативно-непроизводного значения – *to ruin his life- to destroy or spoil*.

Теперь приведём пример анализа метафорических значений, когда номинационные процессы продолжают в сфере сравнений, а в метафорах отражается уподобление внешнему миру:

- “*I could never keep your child from you the way you did mine from me.*”

- “*What else could I do, Mike?*” *She asked. “We were worlds apart then.”* [Robbins, 1977: 403].

В метафоре предикат *to be apart* выражает собственно партитивное отношение между двумя людьми, которые не жили вместе как муж и жена, как супружеская пара (единое целое). Хотя, имея совместного ребёнка, любя друг друга в течение многих лет, они жили каждый своими интересами, своими мирами, разным отношением к жизни, работали абсолютно в противоположных сферах деятельности (прокурор и профессиональная высокооплачиваемая путана, имеющая своё агентство). Все это и вынудило её не информировать его о рождении дочери и не допускать ребёнка к отцу, более того, скрывать имя отца от общественности. Они были далеки друг от друга не только территориально, но и мысленно. Таким образом, партитивный предикат выражает отношение между неидентичными мирами двух людей; здесь сравниваются два разных мира.

В задачку этой части исследования входит показать, что выступает в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических значений. При этом анализ проводится на принципах когнитивного подхода, исходящего из опоры когниции и номинации на соответствующие образы восприятия. Предстоит доказать, сохра-

няются ли когнитивные образы, лежащие в основе номинативно-непроизводных значений, при осмыслении метафоры: “*We were worlds apart*”. В основе метафоры лежит уподобление разным мирам (социальный слой, интересы) -> сравнение на основе функции. Толковать это различие можно на базе номинативно-непроизводного значения, которое сохраняется в процессе актуализации этого лексико-семантического варианта. Образующийся переносный смысл – это результат наложения системного номинативно-непроизводного значения на актуальные речевые ситуации, отличающиеся от «системных» – “*we were worlds apart, because we lived differently, followed different ways, had different ideas, customs and habits*”.

Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора: «он/его сердце [цель] – часть её [источник]» в выражениях типа СЕРДЦЕ ПРИНАДЛЕЖИТ СИРЕНЕ (*his whole heart belonged to Serena now*) [Steel, 2003: 157] обращает внимание на идею «сильной, страстной, глубокой любви» к девушке; он и она становятся единым целым. Знания о мире говорят о том, что, когда что-то/кто-то кому-то с любовью отдаётся, то это становится неотъемлемой частью того человека. Партитивный глагол *to belong* (*if a particular thing belongs to someone or something, it is a part of them* [CCELD, 1990: 120]) в неметафорическом понимании выражает отношение «часть->целое» между неодушевлённым предметом и одушевлённым как прототипический вариант. В метафорическом же употреблении данный предикат, выражая партитивное отношение становления, показывает, как мужчина относится к девушке (своей возлюбленной), т. е. безумно любит её, хочет быть частью её жизни, прожить с ней всю жизнь, любить её всегда до конца своей жизни.

Слово, выступающее в своём метафорическом значении, прилагается ко всему тому, к чему оно относится в своём буквальном значении. Легко провести различие между изучением значения слова и изучением употребления слова, когда его значение уже известно. В первом случае мы узнаём что-то о языке, а во втором случае – что-то о мире. В метафорическом контексте слово имеет новое значение, а употребление метафоры даёт, таким образом, возможность узнать это значение.

Таким образом, подобный анализ имеет практическую значимость, он может проводиться в лингводидактических целях при обучении иностранному языку.

***

- АРХИПОВ И. К., 2005. Полисемия и семантический перенос // Иностранные языки: Материалы конференции (10–11 мая 2005 г.) – СПб.: Издательство РГПУ им А. И. Герцена, [Герценовские чтения].
- БЛЭК М., 1990. Метафора // Теория метафоры / Сост. и вступит. ст. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс.
- НИКИТИН М. В., 2003. Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- DEVIDSON D., 1990. What metaphors mean // The Philosophy of Language. NY. – Oxford: Oxford University Press.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- ROBBINS H., 1977. 79 Park Avenue. – New York.
- STEEL D., 2003. Remembrance. – Great Britain.
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English, Third Edition. – London: Longman Group Ltd., 1995.
- CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. Collins London and Glasgow, 1990.

Т. А. Клетикова

ВАЛЕНТНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Феномен взаимосвязанности языковых единиц в системе (в парадигматике) и речевых единиц в актуализации (в синтагматике) интересовал и продолжает интересовать лингвистов, поскольку реальная коммуникация предполагает сложное взаимодействие единиц различных уровней и статусов.

Идея валентности, возникнув, явилась эффективным инструментом описания семантики и синтаксиса предикатов, дав толчок развитию и становлению целого направления в лингвистике – валентностному анализу и, далее – комбинаторной семантике (Ю. Д. Апресян, М. В. Никитин).

Исследованию вопроса о комбинаторном потенциале глагола посвящено множество научных работ – начиная с постановки проблемы глагольной валентности (К. Бюлер, С. Д. Кацнельсон, Л. Теньер и другие) как структурно-семантической характеристики глагольного слова, предопределяющей набор его актантов и сирконстантов и в целом структуру предложения. Анализ различных групп глаголов на ма-

териале различных языков, включая сравнительно-типологические исследования, проводился с различных методологических позиций – формально-структурных, системно-функциональных, когнитивных. Предметом рассмотрения служили дистрибутивные, комбинаторные, лексико-семантические, системно-функциональные, дискурсивные характеристики глаголов. Методологический плюрализм предполагал и вариативность постановки исследовательских задач: целью анализа служили типологизация конструкций, выявление комбинаторного потенциала отдельных групп глаголов. Отдельный блок исследований составили работы, посвященные проблеме глагольной категоризации и субкатегоризации, адекватное описание которых представлялось возможным с позиций выявления комбинаторных свойств глаголов в системном и функциональном аспектах в динамическом ключе, с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу лексикона и ономазиологической проблематике в целом (Н. А. Кобрин, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, С. М. Кибардина).

На сегодняшний день можно говорить о своеобразной типологии аспектов комбинаторности, демонстрирующей широкую спектр как объектов комбинаторного анализа, так и методов исследования. В рамках различных методологических подходов (логический, функционально-семантический, исследователями выделяют целый ряд комбинаторных принципов, регулирующих сочетаемость элементов в структуре – синтагматические пресуппозиции [Арутюнова, 1973: 89]; лицензирование аргументов (*argument licensing*), глагольная избирательность (*verb bias*) [Garnsey et al, 1997]; лексическое подчинение (*lexical subordination*) [Levin, 2005]; сфера действия лексических единиц [Богуславский, 1996], лексически-обусловленная деривация синтаксических репрезентаций (*lexical derivation of syntactic representation*) [Stalling, 1998]; проектирование лексико-семантических параметров в область морфосинтаксиса (*mapping from lexical semantics to morphosyntax*) [Levin, Rappaport, 2005]; лексически-обусловленные и фразово (структурно)- обусловленные предпочтения (*lexical entry-driven and phrase-structure driven preferences*); лексически обусловленные ожидания (*lexically based syntactic expectations*) [Bock et al 1990]; наличие ограничительных (лимитирующих) сем в семантике слов (*lexico-semantic constraints*). В области поиска источника избирательности в проекции «лексема – структура» много и плодотворно работают психолингвисты. Среди последних разработок на уровне гипотез и теорий – гипотеза семантической избирательности (*semantic selectivity hypothesis*) [Koenig, 2002], теория локализации синтаксических предикций (предсказаний) (*the Syntactic Prediction Locality Theory*

(SPLT)) [Gibson, 1998]; гипотеза предсказательной активации последующей структуры (predictive activation of forthcoming structure) [Altmann et al, 1998].

Анализ большого массива знаний, накопленного к настоящему времени в области изучения валентностей, показывает, что концепция валентности нуждается в дальнейшем теоретическом развитии, а исследовательская активность лингвистов как в области теории, так и в прикладной сфере свидетельствует о том, что многие теоретические положения данной концепции претерпевают переосмысление.

Исследовательский интерес на современном этапе развития лингвистической мысли с учётом достаточно высокого уровня разработанности экспериментальной базы психолингвистических исследований сосредоточился на следующих ключевых моментах, связанных с принципом комбинаторности:

- источник/и избирательности валентностных связей;
- соотношение семантической и синтаксической валентностей (в связи со случаями нетривиального заполнения валентностей, незаполнения валентностей, передаче валентностных связей «родственникам») (по синонимическому ряду);
- условия реализации/блокирования валентностного потенциала лексемы;
- сущность принципа композициональности как процесса порождения смысла в структурах более высокого уровня;
- факторы, влияющие на процесс смыслообразования в структуре, образованной на основе комбинаторных связей единиц (или с нарушением таковых);
- взаимодействие лексико-семантической и категориальной информации при образовании синтагматических цепочек (функциональная, внешняя категоризация, изменение субкатегоризационного типа (type-coercion), семантически зависимые субкатегоризационные предпочтения (sense-contingent subcategorization preferences) [Hare et al, 2003].

В рамках проводимого исследования сущности пропозиционального подчинения, понимаемого как когнитивно-дискурсивное основание взаимосвязи глагола главного предложения и сентенционального комплемента (в рамках сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным), полагаем все перечисленные проблемы релевантными для исследования. Избранный ракурс рассмотрения поставленной проблемы – с позиций и с применением методологического аппарата когнитивной лингвистики – требует обратиться к теории валентности с иной, когнитивной точки зрения и рассмотреть

ментальные основы валентностных связей на уровне языковой концептуализации и категоризации.

Реальная физическая действительность явлена нам в некоторой упорядоченной совокупности связей и отношений между сущностями разного порядка. Объекты и ситуации в данном мире соположены и соединены тонко организованной и адаптивной системой связей и отношений, что указывает на онтологический статус категории валентности. Как онтологическая категория, валентность соотнесена с нашей оценкой значимости вещественного мира. Так, например, ситуация концептуализируется нашим сознанием как более важная по сравнению со статическим объектом/предметом, поэтому наибольший информационный вес в семантическом анализе текста имеют валентности, вводящие ситуацию и ее актанты. Из множества ситуаций физические реальные действия имеют больший вес, чем действия-мысли и рассуждения о них, поэтому для первых больший вес (значимость) имеют валентности МЕСТО и ВРЕМЯ [Леонтьева, 1998: 49].

Определенная степень познанный связей и отношений реальной действительности отражена в систематизированном представлении знаний о внешнем по отношению к сознанию и внутреннем мире человека – когниции, что дает право говорить о когнитивности категории валентности. Нельзя не согласиться с Н. Н. Леонтьевой в отношении характеристики валентности как явления когнитивного плана. Когнитивность валентности связана с тем, что именно валентность дает возможность отразить, воссоздать целостную картину возможных связей описываемой сущности на основе знания действительности, ситуаций, способов их естественного описания в тексте и т. д.

Существенным теоретическим вкладом в разработку когнитивных оснований валентности является предложенное М. В. Никитиным понятие имплицативного потенциала концепта, трактуемого как закрепленный в памяти информационный рефлекс связей того объекта-денотата, отображением которого является данный концепт, как систематизированное обобщенное представление о структуре возможных связей, отношений, зависимостей и взаимодействий, потенциально прогнозируемых для данного класса объектов [Никитин, 2004: 59]. Называя данный вид имплицативных связей концепта когнитивным, М. В. Никитин указывает, что имплицативный потенциал концепта «следует представлять себе в виде информационной ауры, поля тяготения, окружающего данный концепт и вписывающего его в многомерную систему имплицативных связей с другими концептами. Имплицативный потенциал концепта образуется как структурированное вероятностное множество признаков, имплицативно связываемых с

интенциональным ядром концепта. Подобно валентностям химических элементов, имплицативный потенциал предопределяет сочетаемые свойства данного компонента, его роль и место в пропозициях, фреймах и сценариях» [Никитин, 2004: 59–60]. Признавая вслед за М. В. Никитиным стохастический, вероятностный характер структуры концепта, отметим, что очевидным следствием этого будет динамический, вариабельный характер имплицативных связей концепта.

Представление о языке как лингвокогнитивной системе, принятое в когнитивной лингвистике, позволяет обратиться к некоторым принципам организации когнитивных систем, разработанным в когнитивной психологии с тем, чтобы представить категорию валентности в когнитивном ключе. С точки зрения когнитивной психологии когнитивная система есть структура, имеющая дело с информацией. Упорядочение информации, ее обработка есть одна из функций когнитивной системы, при этом анализ информации с целью ее интериоризации и последующего использования как основания последующих действий есть, в упрощенном виде, вычленение связей и отношений между информационными блоками (новым и предшествующими), а также внутри информационного блока – между сущностями (информационными ядрами). Проецируя принципы организации когнитивной системы на валентные связи, представим валентности как лингвокогнитивную систему, упорядочивающую лингвокогнитивную информацию разного рода. Ментальным основанием формирования такой системы является существование имплицативных связей концептов.

Следующим этапом анализа является выявление видов информации, подлежащей упорядочению с помощью валентных связей. Очевидным в данном случае будет выделение двух крупных информативных блоков: лексической семантики и синтаксической семантики. Иначе говоря, на уровне языковой системы валентностные связи упорядочивают, соотносят друг с другом семантический потенциал лексемы, участвующей в построении некоего более сложного образования (фразы, предложения, текста) и семантику синтаксической структуры, подлежащей заполнению отдельными элементами. Помимо данных информационных блоков информационно насыщенным следует считать и собственно связующее отношение. Нужно отметить, что данный подход выходит за рамки строгой синтагматики, поскольку фокусирует внимание не на потенциальной совместимости, сочетаемости элементов одного уровня с целью интеграции их в структуру более высокого уровня, а изначально постулирует существование соотношения между лексической семантикой и семантикой синтаксиса, их бинарной (взаимно направленной) проекции. Принцип «челночно-

сти» процедур речемыслительной деятельности, понимаемый как регулярное движение мысли между синтаксисом и семантикой в процессе речепорождения, разрабатывался многими лингвистами (Ю. С. Степанов, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак) в рамках проблематики семантической синтаксиса. Анализ принципа построения структур с пропозициональным компонентом, присоединяемым к так называемому опорному слову – глаголу определенной семантики (интеллектуальной деятельности, речи, чувств, волеизъявления и под.), позволил сделать вывод о том, что понятие валентности может получить несколько иную трактовку, межуровневую.

Экстраполируя понятие валентности (изначально принадлежавшее уровню лексемы) на уровень текста, Н. Н. Леонтьева полагает основными структурирующими элементами в семантическом потенциале текста именно семантические отношения, которые *с содержательной точки зрения являются не менее информативными*, чем узлы (выделено нами – Т. К.) [Леонтьева, 1998].

Замечание Н. Н. Леонтьевой о связующем отношении как информативно насыщенном и в равной степени, наряду с семантикой соединяемых, связуемых существей, важным для семантического анализа текста, заслуживает серьезного внимания. Вопрос об информативности собственно отношения, о характере информации, заключенной в данном отношении, трактовка связи с точки зрения не только структурно-комбинаторной, но и информативно-значимой и влияющей на смысл порождаемого высказывания (структуры) представляются нам крайне важными.

Рассмотрев онтологические и когнитивные основания валентности, обратимся к сфере реального употребления языка. Язык есть употребление, реальная стихия «бытования» языка – речь, построение которой подчиняется не только конвенциональным правилам, но также мотивируется и корректируется коммуникативными параметрами (ситуацией, интенцией, принципом обратной связи, спонтанностью и т. д.). В этом плане исследование затрагивает следующие проблемы:

- корректируются ли валентностные связи дискурсом, и если да, то каким образом?
- существует ли текстовая (дискурсивная) мотивация актуализации потенциальных валентностных связей?
- зависит ли реализация потенциальных валентностей лексемы от морфологической формы?
- насколько устойчивы валентностные связи при инкорпорации в единицы более высокого уровня?
- завершается ли процесс смыслопорождения на этапе формирования

нормативной структуры с заполненными валентными связями?

Ответы на данные вопросы лежат в плоскости лингвистических дебатов о принципе композициональности.

Проблема изучения совместной встречаемости элементов в синтагматической цепи как отражение комбинаторных процессов, основанных на языковой совместимости данных элементов, в лингвокогнитивном анализе претерпевает существенную трансформацию, получая новый исследовательский ракурс. Принцип комбинаторности как совместимости элементов внутри структуры преломляется в принцип композиционности (композициональности), основанной не только (и не столько) на совместимости, но главным образом на взаимодействии сочетающихся (комбинируемых) элементов. Результатом такого взаимодействия является появление нового смысла, не тождественного простой суммативности смыслов (значений) комбинируемых элементов. Говоря о композициональности в противопоставлении комбинаторности (валентности), автор имеет в виду взаимную настройку, подстроенность, взаимную адаптацию при встраивании элементов в структуру, т. е. динамику процесса сочетаемости

Процессы смыслопорождения при комбинации элементов не могут быть описаны с механистических позиций как некий суммативный смысл исходных единиц. В идеале, отмечает И. М. Богуславский, «для каждого смыслового компонента предложения лингвист должен уметь определять, чем именно он внесён в предложение, какой элемент за него отвечает» [Богуславский, 1996: 11].

Разграничивая статический и динамический аспект проблемы сочетаемости элементов, автор предлагает следующую трактовку терминов комбинаторность (валентность) и композициональность:

Комбинаторность (валентность) как способность языковых единиц к сочетанию с другими на уровне языковой системы.

Композициональность Икак принцип порождения значения сложных построений на основе значений комбинируемых компонентов на системно-функциональном уровне.

Композициональность Икак системно-функциональный принцип взаимодействия комбинируемых компонентов в процессе построения и функционирования сложных построений.

Преимущество постановки проблемы пропозиционального импликата именно в ракурсе композиционности (композициональности), на наш взгляд, заключаются в следующем. Во-первых, преодолевается некоторая статичность представления о сочетаемости элементов как парадигматическом отборе элементов с целью поиска приемлемых с точки зрения языковых норм комбинаций. Во-вторых, игнори-

руемая прежним подходом идея взаимодействия чрезвычайно важна в рамках когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы, постулирующей коммуникативную деятельность как речемыслительную активность, адаптирующую к условиям реальной ситуации социального взаимодействия, в коррекцией на спонтанность как речи (в общем случае – устной речи), адаптивность к задачам коммуникации (возможно, изменяющимся в реальном режиме), коммуникативное взаимодействие, вовлеченность (динамическая) фоновых элементов.

***

- АРУТЮНОВА Н. Д., 1973. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 32, №1.
- БОГУСЛАВСКИЙ И. М., 1996. Сфера действия лексических единиц. М.
- ЛЕОНТЬЕВА Н. Н., 1998. О статусе валентностей в информационном анализе текста // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.
- НИКИТИН М. В., 2004. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. №1.
- ALTMANN G. T. M., van NICE K. Y., GARNHAM A., HENSTRA J. A., 1998. Late closure in context // Journal of Memory and Language. Vol. 38. No. 4.
- BOCK K., LOEBELL H., 1990. Framing Sentences // Cognition. Vol. 35. – No. 1
- GARNSEY S. M., PEARLMUTTER N. J., MYERS E., LOTOCKY M. A., 1997. The Contributions of Verb Bias and Plausibility to the Comprehension of Temporarily Ambiguous Sentences // Journal of Memory and Language. Vol. 37. No. 1.
- GIBSON E. Linguistic Complexity: Locality of Syntactic Dependencies, 1998 // Cognition. Vol. 68. No. 1.
- HARE M., MCRAE K., ELMAN J. L., 2003. Sense and Structure: Meaning as a determinant of verb subcategorization preferences // Journal of Memory and Language. Vol. 48. No. 2.
- KOENIG J.-P., MAUNER G., BIENVENUE B., 2002 Class Specificity and the Lexical Encoding of Participant Information // Brain and Language. Vol. 81.
- LEVIN B., RAPPAPORT HOVAV M. Argument Realization, 2005. Cambridge.
- STALLINGS L. M., MACDONALD M. C., O'SEAGHDHA P. G., 1998. Phrasal Ordering Constraints in Sentence Production: Phrase Length // Journal of Memory and Language. Vol. 39. No. 3.

КОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПАРОНИМОВ

В данной статье рассмотрим функцию комического на примере паронимических высказываний, а именно, каламбура.

Каламбур определяют как фигуру речи, состоящую в юмористическом использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов [Ахманова, 2004: 196]. В качестве одной из существенных характеристик каламбура исследователями признается принцип контраста между звучанием и значением обыгрываемых слов. Именно благодаря возможности сопоставить звучание и смысл создается возможность существования данного явления, поскольку, по сути, это не игра слов, а игра смыслов и звуков, их взаимосуществование и конфронтация одновременно.

Важным моментом в данном определении является указание на противопоставление, *столкновение* как сути каламбура. Любой текст представляет собой множество реализованных лексем и, как любой знак, он обладает свойствами многозначности, но столкновение или изменение значения знака на уровне слова не создает, как правило, комического эффекта. Паронимы, взятые из словаря сами по себе, например, effect: affect комического эффекта не вызывают. Это справедливо для всех типов языковых паронимов до их появления в речи. В изолированном виде они не несут для коммуникантов никакого ситуативного значения. Столкновение двух единиц происходит в речи.

Комическая функция английских паронимов заключается в каламбурном обыгрывании паронимов, и имеет ярко выраженную прагматическую направленность, что накладывает отпечаток на выбор языковых единиц [Прокопчик, 2004: 14].

Мнение о том, что игра слов может быть как преднамеренной, так и случайной (как, например, у Т. Б. Назаровой) [Назарова, 1994: 74] представляется недостаточно убедительным. Случайным каламбур может оказаться в речевой характеристике персонажа, но и эта случайность, безусловно, заложена автором в структуру высказываний его персонажей и составляет неотъемлемую часть общего *авторского замысла*. Так, например, если жительница неизвестной страны Чудес Черепаха говорит:

Tortoise: "... no wise fish would go anywhere without a *porpoise*", то это происходит отнюдь не потому, что Л. Кэрролл не видит разницы между словами *porpoise* "морская свинья" и *purpose* "цель, стремление". А Алиса, стремящаяся к соблюдению строгих логических зако-

номерностей, если уж не в окружающей ее необыкновенной действительности, то, хотя бы, в речи, тут же поправляет ее:

Alice: “Don’t you mean *purpose*?” [LC].

Таким образом, рождается один из ярких каламбуров Л. Кэрролла, построенный на звуковой близости слов *porpoise* [‘рэ:рэс], *purpose* [‘рэ:рэс] и *tortoise* [‘то:тэс].

В каламбурах Л. Кэрролла особенно очевиден игровой характер. В Зазеркалье, где все необычно, названия привычных школьных предметов трансформируются следующим образом:

“He taught *laughing* and *Grief* ... *Latin* and *Greek*

... *Mystery*, ancient and modern *History*

... *Seaography* *Geography*

... *Crawling* *Drawing*

... *Stretching* and *Sketching*

... *Fainting* in *Coils*” [LC] *Painting* in *oils*

В этих примерах реализуется тот вид аттракции, когда реально употребленное в данном речевом произведении слово, на основе признака фонетической близости ассоциируется с другим словом, наличным в памяти говорящего.

Игра слов буквально пронизывает многие произведения У. Шекспира. В следующих примерах игру слов можно определить как раскрытие подлинного значения слова:

Duke: ... laws for all faults,

But faults so countenanc’d, that the strong statutes

Stand like the forfeits in a barber’s shop,

As much in /*mock* as \ *mark* || [WSh].

Звуковая близость противопоставляемых слов *mock* и *mark* способствует при небрежном произношении замене одного слова другим. Законы, по мнению герцога, не столько учитываются (‘marked’), сколько осмеиваются (‘mocked’).

То, что Антоний медлит со сдачей, по мнению Цезаря, просто смехотворно:

Caesar: Go to him, Dolabella, bid him yield;

Being so frustrated, | ‘tell him he \ *mocks* |

The ·pauses that he \ *makes* || [WSh].

Во всех вышеприведенных контекстах говорящий настолько виртуозно владеет языком, так тонко чувствует ткань переплетений формы и содержания, что мастерски применяет паронимическую аттракцию для достижения комической функции.

Комический эффект может достигаться реализацией оппозиции: эксплицитный – имплицитный член. С. А. Колесниченко пред-

лагает обозначить такую оппозицию посредством понятия структурно-семантической актуализации элементов в речевой цепи, при которой либо нарушаются правила построения высказывания – автором вводятся элементы, делающие эксплицитный синтагматический ряд сообщения ошибочным, либо вводятся окказиональные слова или словосочетания, сходные по звучанию с привычными или ожидаемыми в приведенных контекстах [Колесниченко, 1979: 7].

Такая интерпретация представляется вполне допустимой, т. к. она учитывает как структурную обусловленность высказываний, содержащих игру слов, так и следствие, семантическую контаминацию слов-созвучий.

Экспликация имплицитного члена оппозиции осуществляется благодаря:

1. жестким структурным связям модели, в которую вписан эксплицитный член паронимического ряда;
2. фоновым знаниям коммуникантов (экстралингвистическому контексту).

Намеренное или невольное семантическое сближение, контаминация слов может происходить вследствие: формальной близости слов, позиционного тождества и наличия семантических оснований (определенной содержательной общности паронимов) для смысловой контаминации.

Рассмотрим примеры связанных сочетаний и выражений:

“What do policemen have in their sandwiches?
– *Truncheon* meat” *Luncheon* meat [WN].

The *Hand* that *Riles* the world The *Head* that *Rules* the world [TH].

All Roads lead to *Dome* Roads lead to *Rome* [TH].

Just *Drinking* Aloud Just *Thinking* Aloud [PP].

Every *crowd* has a silver lining Every *cloud* has a silver lining [EE].

Where there’s a will Where there’s a will.

There’s a *do-away!*” There’s a *way* [PP].

Во всех вышеприведенных примерах эксплицитно выраженный член оппозиции не только музыкально перекликается с его имплицитным коррелятом, но и позиционно вписывается в заданный грамматический и смысловой контекст.

Рассмотрим несколько шуточных экспериментов с глаголом “go”:

Название статьи в журнале “Punch”: “Going, going, going” явно апеллирует к знанию традиционной формулы аукциона: “Going, going gone!” [PP].

Подпись в карикатуре на зимнюю тематику “The Snow Must Go On” срабатывает только в том случае, если читатель хорошо знаком с творчеством популярной английской рок-группы “Queen” и, в частности, с одной из наиболее известных песен “The Show Must Go On!” [ВЕН].

В следующем высказывании приводится иронично-остроумное восклицание человека, приятно удивленного долгожданным появлением М. Джаггера на телевизионном экране:

“Is this Mick *Jagger* that I see before me? ” ,

которое резонирует с известной строкой из “Макбета”:

“Is this a *dagger* that I see before me?”[WN].

В вышеприведенных примерах механизм действия паронимической аттракции можно рассматривать как столкновение информативного и прагматического планов высказывания.

Литературные ассоциации, с одной стороны, значительно обогащают семантику каламбура, а с другой – увеличивают вероятность помех при его восприятии неподготовленными читателями.

Комизм, создаваемый средствами языка, свойственен сравнительно небольшому количеству людей, в совершенстве владеющих всеми богатствами языка: это относится, в первую очередь, к авторам каламбуров, однако, и восприятие незаурядной шутки требует определенного языкового кругозора.

В системах художественного типа основным субъектом является не только сам автор, который выражает свое отношение к продуцируемому высказыванию, но и читатель. Таким образом, на первое место выступают не отношения “продуцент – реципиент” (как в ошибочном высказывании), а отношения “автор – читатель” [Мукаржовский, 1975: 167]. Специфика этих отношений, по мнению Я. Мукаржовского, состоит в том, что не позиция автора, а позиция воспринимающего является основной для понимания собственно художественного назначения произведения, авторской интенции [Мукаржовский, 1975: 169]. Читатель может не понять каламбур или понять его неправильно.

Следующий контекст, который является паронимическим письмом Дж. Джойса в его романе “Поминок по Финнегану”, можно понять только в том случае, если читатель знаком со стилем, жизнью самого автора, а также ситуацией романа в целом:

“Of a noarch and of a chopwife or of a pomme so fall grave
and a fammy of levity or of golden youths that wanted guilding or of
the miss that what the mischievness maid a man do” [JJ].

При всей своей многозначности данный паронимический текст, построенный на паронимическом словотворчестве *chorwife* : *wife*; *femme* : *fammy*; *miss* : *mischievness* передает некоторую информацию о том, что речь пойдет о вещах весьма банальных (мужчине, его жене, о какой-то другой женщине и т. д.).

Таким образом, степень актуализации комического зависит в данном случае от вербальных знаний воспринимающего.

В целом, паронимию характеризует большое разнообразие прагматических проявлений. Паронимические созвучия в структуре как художественных, так и поэтических (прозаических) текстов способствуют усилению их образного коэффициента. Неожиданное взаимодействие внутренних и внешних ассоциаций слов притягательно вдвойне и потому эстетически значимо.

***

- АХМАНОВА О. С., 2004. Словарь лингвистических терминов. – М.
КОЛЕСНИЧЕНКО С. А., 1979. Условия реализации стилистического приема и игры слов в английском языке: Автореф. дис. к. ф. н. – М.
МУКАРЖОВСКИЙ Я., 1975. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Структурализм: “за” и “против”. – М.
НАЗАРОВА Т. Б., 1994. Филология и семиотика. – М.
ПРОКОПЧИК О. Д., 2005. Семантические механизмы и прагматические функции паронимии. : Автореф. дис. к. ф. н. СПб.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- ВЕН – 1990. The Book of English Humour, – М.
ЕЕ – Esar E., 1949. The Dictionary of Humorous Quotations. – New York.
JJ – Joyce J., 1989. Finnegans Wake. – New York.
LC – Carroll L., 1994. Alice’s Adventures in Wonderland. – London.
ТН – Назарова Т.Б., 1994. Филология и семиотика. – М.
РР – 1989. The Pick of Punch.. – London.
WN – Nash W., 1985. The Language of Humour. – London.
WSh – Shakespeare W., 1994. The Complete Works of William Shakespeare. Glasgow.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОМОНИМИИ

Семантические механизмы омонимии в диахроническом плане остаются наименее изученными. Наше исследование было обусловлено необходимостью изучения формирования определенной части английского языка в связи с развитием омонимии.

Омонимия – сложное многомерное явление, отдельные аспекты которого изучаются в разных областях лингвистики. Наиболее изучены проблемы омонимии в синхронном плане, меньше – ее диахронические аспекты. Механизмы, связанные с развитием омонимии на фоне синонимов, до сих пор исследованы недостаточно.

Работы, посвященные диахроническому аспекту омонимии – это, прежде всего, все исследования, в которых рассматриваются проблемы возникновения и разрешения омонимии. Их результаты показывают, что омонимия постоянно развивается и разрешается в ходе функционирования словарного состава языка (Жильерон, Меннер, Вильямз).

Причины, лежащие у истоков омонимии, связаны с историческим развитием языковой системы, в первую очередь, с теми фонетическими, морфологическими, семантическими изменениями, которые претерпевает язык в процессе своей истории. Так как подобные изменения всегда касаются лексической системы, то возникновение и исчезновение омонимов является неизбежным

В качестве ключевого в работе используется понятие конфликта омонимов, который привлек внимание ученых в начале нашего столетия. Об этом явлении и путях разрешения омонимии писали Жильерон, Йешке, Меннер, Вильямз и др. Суть проблемы в следующем: слова одной части речи, тождественные по форме, относящиеся к одной сфере употребления и единой понятийной сфере, вступают в конфликт. Теория конфликта омонимов включает, в частности, изучение фонетических процессов, в ходе которых данные слова обретают тождественную форму.

Можно предположить, что существует внутренний лингвистический механизм, предопределяющий способ разрешения омонимии. Ведущим фактором, влияющим на способ разрешения конфликта омонимов и их дальнейшую судьбу, является сильная/слабая позиция глаголов в лексической системе.

Термин "сильная" позиция появился впервые в стилистике. Как правило, наиболее важные части содержания занимают в тексте места,

где они особенно привлекают внимание читателя. Такими важными местами текста традиционно считаются заголовки, эпиграф, начало и конец текста. Именно они называются сильными стилистическими позициями [Арнольд, 1986].

Понятие "сильной/слабой позиции" применимо и в лексикологии. В этом разделе языкознания оно, однако, не было сформулировано так чётко, как в стилистике. Рассуждения о силе какой-либо лингвистической единицы сводятся обычно к разработке зависимости между многозначностью и устойчивостью слов в языке, наличием однокоренных слов и синонимов, способных заменить устаревшие слова (Меннер). Таким образом, в лексикологии сильная позиция – это, прежде всего, такое положение лексической единицы, которое способствует большей устойчивости данного слова в лексической системе. И наоборот, слабая системная позиция определяет меньшую значимость слова и как следствие тенденцию к исчезновению. Лексическая единица, которая является немногочисленной, не имеет однокоренных слов, является в какой-то степени изолированной. Это, безусловно, способствует ее меньшей сочетаемости с другими словами, и, следовательно, частотности. Следствием низкой частотности является более частое замещение ее синонимами и выпадение из языка. Следовательно, те слова, которые занимают слабую номинативную позицию, чаще других становятся архаичными, и эти два явления являются взаимосвязанными.

Рассмотрим в качестве примера изменения, происходящие в большой группе омонимов. Характерными для этой группы является сочетание нескольких механизмов разрешения омонимии на фоне конфликта омонимов.

В качестве примера были выбраны 6 паронимов древнеанглийского/периода: 1. læpan "давать в долг" (слабый); 2. leanian "награждать" (слабый); 3. lean "обвинять" (сильный); 4. hlæpan "делать стройным, становиться стройным" (слабый); 5. hleonian "склоняться, сгибаться" (слабый); 6. hlænian "способствовать похудению". В среднеанглийский период образовалось шесть глаголов тождественной формы. Два из них lænen₁ и lænen₂ были близки по значению: "наклоняться" и "вызывать наклон", значения остальных четырех различны по своему содержанию:

1. lænen₁ – 1. to lean, support oneself, steady oneself while standing or walking; 2. to bend, slat or turn; 3. to recline, lie down;

2. lænen₂ – to cause to lean, to incline

3. lænen₃- 1. to give or grant; 2. to bestow; 3. to lend (money);

4. lænen₄ – to make lean or to become lean

5. $\text{lenen}(n)_5$ – to reward, recompense, requite
6. $\text{lenen}(n)_6$ – to blame, reproach, find fault with, scorn.

Глаголы-омонимы lenen_1 и lenen_2 какое-то время сосуществовали, но затем значения глагола lenen_2 "to cause to lean, to incline" переходят к глаголу " lenen_1 ", а глагол lenen_2 исчезает из языка. Его системная позиция в языке была слабой, так как он, во-первых, не имел развитой семантической структуры, а, во-вторых, принадлежал к сильному типу спряжения, в то время как lenen_1 был слабым глаголом и к тому же более многозначным. Фактически, его значение покрывало значение глагола lenen_2 .

Глагол lenen_3 просуществовал в языке до 1616 года. Он соотносился с прилагательным *lean* со значением "thin, wanting in flesh", (QE *hlæne*). Глагол lenen_3 исчезает из языка, а его значение передается в языке конструкцией "глагол + прилагательное" (to be or to make lean).

Глагол lenen_4 "давать в долг" также оказывается вовлеченным в конфликт с омонимичными глаголами. Это, безусловно, ослабляет его позицию в языке. В среднеанглийский период существовало производное *læn* "ссуда, подарок" (OE *læn*). Однако, возникла необходимость отграничить глагол и существительное "*læne*" от остальных омонимов, так как оба эти слова выражали важные понятия системы денежных отношений. Возможно поэтому, уже в середине 13 века на место *læne* встает существительное *lan(e)*, *lon/e* [la:nə, l :nə], скандинавское заимствование, имевшее то же самое значение. Позднее оно начинает произноситься как [loun] и имеет на письме форму *loan*.

Глагол lenen_3 "давать займы" регистрируется в форме *lend* в 13 веке. Изменение формы по аналогии также, вероятно, явилось следствием необходимости дифференциации тождественных форм глаголов, что укрепило позиции данного глагола в системе языка. Образованию формы *lend* способствовал фактор аналогии: "Закреплению именно такой формы в языке способствовало существование в лексической системе языка таких глаголов как, *bend*, *rend*, *send*, *wend*" (N.E.D.).

Представляется, что историю глаголов lenen_5 "наградить" и lenen_6 "обвинять" необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи друг с другом. Эти глаголы были тождественны по форме, но являлись и антонимами. Значения этих глаголов в среднеанглийский период были общими, не четко выраженными. Это, наряду с тождественностью формы, значительно ослабляло их позицию. Кроме того, наряду с глаголом lenen_5 "наградить" существовали французские заимствованные глаголы: *rewarden*, *recompensen*, *requiten*. Системная позиция данных глаголов-синонимов была сильной, так как у

них хорошо развита семантическая структура и все они имеют производные, которые выгодно отличаются уникальностью своей формы.

Глагол *lean*, "обвинять" уже в 12 веке был зарегистрирован в словарях в форме *bi-lean* ("приставка, вероятно, помогает отличать эту форму глагола от других омонимов, что позволяет ему удержаться в языке до 13 века" (Вильямз)). Представляется верным, что сочетание звуков *bl* способствовало ассимиляции французского глагола *blame*, так как ассоциировалось с исконным сочетанием [*bil*]. С другой стороны *blame* имел преимущество: он являлся односложным, что соответствует генеральной тенденции консолидации (сокращения структуры) английского слова. Семантическая структура глагола *blame* (6 значений) была четко очерчена. Наряду с этим глаголом в языке существуют другие глаголы-синонимы, имеющие значение обвинения: *scornen* (OF *encharnir*) (4 значения) с производными: *scorner/e*, *scornful*, *scornfulli*, *scorninge*, *scorningli*; *reproachen* (OF *rep-rochier*) *to rebuke*, *reproach* (3 значения) производным *reproche* – *a state of disgrace*. Эти глаголы, имея в своей основе общий прототип, выражают различные оттенки значения, что и позволяет им закрепиться вместо глагола *bi-lean* "обвинять".

Таким образом, из шести существовавших в среднеанглийский период омонимов сохранились только два: *to lean* "наклоняться" и *to lend* "давать деньги в долг". Причиной сохранения данных глаголов в языке послужила их сильная системная позиция, которая у глагола *lean* "наклоняться" объяснялась его многозначностью, принадлежностью к слабому типу склонения, а также отсутствием синонимов.

В результате нашего исследования 100 пар глаголов-омонимов можно выделить 6 критериев сильной/слабой позиции:

1. Большое/ограниченное число значений. Большое количество значений слова способствует увеличению его частотности и наоборот. Естественно, что чем более многозначным является слово, тем в большее количество синонимических и антонимических отношений оно вступает. Связь с относительно большим числом лексических единиц способствует сохранению слова в языке.

2. Вхождение/невхождение в устойчивые словосочетания и наличие/отсутствие однокоренных и/или производных слов. В этих условиях складывается лексическое гнездо, которое, в противовес одиноким словам, способствует закреплению глаголов как элементов словарного состава.

3. Устаревшие или устаревающие словообразовательные аффиксы определяют слабую позицию глаголов.

4. Наличие/отсутствие в семантической структуре значений, выражающих весьма существенные понятия.

5. Глагол, который имеет большой разброс не связанных между собой значений, занимает слабую позицию по сравнению с глаголом, который имеет узкие, специализированные значения "на одну тему".

6. Принадлежность к сильному/слабому типу глаголов. В связи с тенденцией системы английского языка к унификации и упрощению грамматических форм, многие сильные глаголы, начиная с древнего периода, присоединились к слабому типу. Большое количество сильных глаголов вообще исчезло. И в итоге современные правильные глаголы составляют абсолютное большинство.

Место большинства исчезнувших омонимов в английском языке занимают французские или скандинавские заимствования.

***

АРНОЛЬД И. В., 1986. Лексикология современного английского языка. М.

БУДАГОВ Г. А., 1971. История слов в истории общества. М.

БУДАГОВ Г. А., 1977. Что такое развитие и совершенствование языка. М.

ЯРЦЕВА В. Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М.

Шрамко Л. И.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТИ У ГЛАГОЛОВ, ИМПЛИЦИРУЮЩИХ СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ

Проблемы контроля как элемента глагольного значения, являются предметом исследования в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов. Наряду с признаком временной локализации, контролируемость является базовым критерием для выделения трех основных групп предикатов: действий, которые характеризуются контролируемостью и временной локализацией, неконтролируемых и не локализуемых во времени состояний и процессов, которые не контролируются, но локализируются во времени. В настоящее время, однако, большинство лингвистов исходят из более широкой трактовки концепта «действие» как полевой структуры и признают существование непрототипических глаголов действия, реализующих в своем значении признак отрицательной контролируемости.

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности реализации значения неконтролируемости у ряда глаголов действия, имплицитующих способ его совершения. Это такие глаголы как *trudge*, *shuffle*, *croak*, *chump* и т. п. Возможность выделения данной группы основывается на представлении о том, что любой глагол представляет собой потенциальную семантическую синтагму, которая может быть развернута на синтаксическом уровне, а может и не допускать такого развертывания [Арутюнова, Уфимцева, 1980, Уфимцева, 1986]. Ряд субъектных глаголов, как отмечала Н. Д. Арутюнова [1980], содержат несколько семантических признаков, не требующих развертывания в поверхностной структуре. Это глаголы, семантическая структура которых разложима на семы собственно действия и характеристики его протекания. Характеристика действия, которая может быть представлена в высказывании эксплицитно в виде адвербиальных уточнителей, часто имплицитруется самим глаголом.

Эти идеи связаны с явлением лексикализации сложных концептов в разных языках. Так, Ч. Филлмор рассматривал модели, с помощью которых различные виды движения описываются либо через способ движения, либо через путь движения, либо через движение конкретного тела [Филлмор, 1983: 36–7]. Сравнивая глаголы движения в японском и английском, Филлмор отмечает, что в японском глаголы движения состоят из сочетаний базового глагола и адвербиальных элементов, выраженных словосочетаниями или наречиями образа действия. В английском это значение включено в сам глагол, например: *stroll* – прогуливаться, *meander* – бродить без цели. Таким образом, в «английском языке имеется группа морфологически простых глаголов с общим семантическим компонентом «ходить пешком», различающихся по способу хождения и психологическим характеристикам того, кто ходит, в японском языке имеется единственный глагол со значением «ходить пешком» и набор наречий, по-видимому, возникших в языке именно для описания способов хождения» [Филлмор, 1983: 43].

В английском языке различные способы ходьбы могут быть названы или адвербиальным сочетанием, или глаголом, имплицитующим различные дополнительные смыслы. Так, идея ходьбы с усилием может передаваться сочетанием ‘*walk heavily*’ или глаголом ‘*trump*’ в значении *to tread upon heavily*, *to step or walk heavily*, в семантике которого указана характеристика действия, как в примере:

Meg leaned against her mother, looking the image of despair, and Jo tramped about the room, calling Laurie names [Alcott, 1987: 163].

Исходя из теории значения В. Г. Гака [1973], в семантической структуре выделенных нами глаголов различаются архисема собственно действия и дифференциальные семы, отражающие способ действия. В терминах теории М.В. Никитина [1997] категориальные семы, содержащие информацию о действии, образуют интенционал глагольного значения.

Рассматривая ряд глаголов, имплицитующих способ действия, с точки зрения реализации признака неконтролируемости, мы обращаемся к понятию частичной контролируемости, которое требует подробного рассмотрения. Так, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина [1988] и ряд других исследователей предполагают, что некоторые действия могут начинаться как контролируемые, однако их дальнейшее протекание не зависит от контроля субъекта. Они говорят о различной степени контролируемости конкретной ситуации, которая зависит от семантики всех компонентов предложения. Эти же авторы показывают, что некоторые предикаты могут имплицитировать контроль со стороны субъекта лишь в некоторой временной фазе: например, хотя предикат «прыгнуть» традиционно считается полностью контролируемым, его единственный актант контролирует только начальную стадию соответствующей ситуации, и напротив, у предикатов «плакать», «смеяться», «визжать» контролируемой является только конечная фаза этих действий [Плунгян, Рахилина, 1988: 42]. Частично контролируемыми называют и действия, успех которых рассматривается как не полностью зависящий от активности субъекта, например, ситуацию 'поступления в институт'.

Рассматриваемые нами в данной статье глаголы реализуют признак частичного контроля в нетипичной форме. Понятие «частичный контроль» помимо темпорального (начальный, заключительный этап действия контролируется) имеет функциональное значение, которое традиционно рассматривается как невозможность полностью контролировать ситуацию из-за каких-либо обстоятельств. Понятие «частичного контроля» можно применить к ситуациям, в которых человек производит намеренное, контролируемое действие, но не контролирует способ его протекания. Проведенный на предварительных этапах исследования анализ фактического материала позволяет выделить три подгруппы глаголов данного типа.

К первой подгруппе мы отнесем некоторые глаголы движения. Как отмечал М. В. Никитин, в предикатах движения «идея перемещения в пространстве легко комбинируется с другими совместимыми с движением характеристиками: способом движения (идти, ползти), средой перемещения (идти, плыть), скоростью (идти, бежать, мчать-

ся), направления, пределов, каузации движения и другими разнооб-разными сопутствующими характеристиками, взятыми порознь или совместно одна с другой» [1997: 426]. Нас интересуют те глаголы движения, в семной структуре которых содержатся компоненты «движение» и «способ». К данной подгруппе принадлежат такие глаголы как shuffle, toddle, trudge, wander, rock, stagger, jumble и т. п., семантика которых отражает не только само действие, но и неконтролируемый характер его протекания. Например:

Through the chill of November evening a small man trudged down an alley, bearing upon his shoulders a huge, bulging sack [Williams, 1974: 48].

Then he and Ranulf trudged wearily off to bed [BNC, www.thetis.bl.uk/lookup.html].

Само действие, заданное глаголом trudge – to travel on foot, especially with effort or fatigue [M. Webster] – перемещение в пространстве – является контролируемым, однако способ его протекания находится вне сферы контроля. Так, trudge имплицитно сводит сведения о трудностях в ходьбе, возникающих из-за усталости, возраста, психического \ физического состояния субъекта. В примере:

...as Totty, who had been set down now the road was dry, toddled on in front of her father and mother [G. Eliot, www.Princeton.edu/~batke/eliot/bede/bede_18.html]

глагол toddle – to walk with short, tottery steps like a child [M. Webster] также реализует значение ходьбы, а способ передвижения не контролируется субъектом. В данном случае характеристика движения (величина шага, изменение) не контролируется, поскольку является зависимой от возраста и физических данных субъекта (Totty).

В примере: Meg ... limped upstairs to put her things on [Alcott, 1987: 28] глагол limp – to walk with a halt [M. Webster] имплицитно затруднения в передвижении, связанные с физическим состоянием субъекта – хромотой, что подчеркивается в контексте ситуации:

“I’ve sprained my ankle. It aches so I can hardly stand, and I don’t know how I’m going to get home”, she said, rocking in pain: “I knew you’d hurt your feet with those silly shoes” [Alcott, 1987: 27].

Действие shuffle – to move by sliding along or back and forth without lifting, to move or walk in a sliding dragging manner [M. Webster] также реализует значение ходьбы с имплицитно контролируемым способом передвижения, который может быть обусловлен различными причинами, например:

1. She shuffled round the tables with the flowers she tried to sell, a living mask of misery that no one will forget [R. Service, www.

world-wideschool.org/library/books/lit/poetry/BalladsofaBohemian/chap9.html].

2. Babitt tried to dance with her. He shuffled along the floor, too bulky to be guided, his steps unrelated to the rhythm of the jungle music, and deaf from prohibition-era alcohol; he could not see the tables, the faces [BNC, www.thetis.bl.uk/lookup.html].

В примере (1) способ действия обусловлен психическим состоянием субъекта: a living mask of misery, в примере (2) – физическим состоянием: комплекцией и неумеренным потреблением алкоголя, что показано в контексте.

Следует отметить, что способ протекания движения, имплицитный глаголом, может иметь контролируемый характер. Так, глагол run – to go by moving the legs more rapidly than in walking [M. Webster], имплицитный скорость движения, передает контролируемый характер скорости передвижения, как в примере:

I grabbed the girl's hand and ran down the path to the street [McLean, 1961: 23].

Необходимо отметить, что анализ семантической структуры большого количества глаголов, имплицитных способ движения, показывает, что большинство глаголов движения имплицитно контролируемость способа движения, поэтому необходимо признать, что выделяемая нами подгруппа глаголов движения с неконтролируемой характеристикой способа передвижения имеет ограниченный численный состав.

Вторая подгруппа глаголов, реализующих в своей семантике неконтролируемый способ протекания действия, состоит из ряда глаголов говорения, таких как croak, wheeze, sibilate, hesitate, clutter и т. п. Известно, что говоря, человек так или иначе контролирует способ своей речи в плане быстроты, громкости голоса и т. п. Однако существуют глаголы говорения, имплицитные способ, находящийся вне сферы контроля. Например:

Laurie opened the window, and croaked as hoarsely as raven [Alcott, 1987: 35].

Глагол croak – to make a low, hoarse sound like a frog [M. Webster] указывает, что намеренное действие – говорение – сопровождается побочным звуком (хрипом), также производимым человеком, но вопреки его намерению. В данном случае эта характеристика обусловлена состоянием здоровья человека.

В примере: “Muster Gashford”, wheezed the hangman under his breath, “agin” all Newgate!” [Ch. Dickens, [worldwideschool.org / library /](http://worldwideschool.org/library/)

books/ lit/charlesdickens/BarnabyRudge/chap38.html] глагол wheeze – to breathe with difficulty usually with a whistling sound [M. Webster] предполагает, что действие – говорение – сопровождается хрипом, что показано и в контексте ситуации: under his breath.

При анализе глаголов речи мы часто сталкиваемся с глаголами, которые имплицитно речевою характеристикой субъекта, например:

Mrs. Gunch squeaked, and they gummed... [BNC, www.thetis.bl.uk/lookup.html].

“ And if we did get out, what would we do?” squeaked Lollo, my sister [BNC, www.thetis.bl.uk/lookup.html].

Глагол ‘squeak’ – to say with squeak [M. Webster] имплицитно речевою характеристикой тона речи, присущую субъекту.

К группе глаголов, имплицитно неконтролируемый способ действия, принадлежит ряд глаголов, имплицитно неконтролируемый способ еды, например, champ, munch – to chew hard and noisily [M. Webster’s]:

They tucked the stuff into their mouths and champed solemnly [R. Kipling, www.cs.cmu.edu/~rgs/jnl-Seal.html].

В данном случае человек контролирует сам процесс поглощения пищи, однако звук, которым сопровождается процесс еды, находится вне сферы контроля.

Таким образом, существует ряд глаголов действия, значение которых разложимо на контролируемое \собственно\ действие и его неконтролируемые характеристики. Эти глаголы составляют вышерассмотренную группу глаголов, имплицитно неконтролируемый способ совершения действия, в рамках которой различаются глаголы, имплицитно неконтролируемый характер движения, говорения, еды. Следует отметить, что выделенная группа имеет ограниченный численный состав, поскольку большая часть глаголов действия имплицитно контролирует способ его совершения.

***

АРУТЮНОВА Н. Д., УФИМЦЕВА А. А. ред., 1980. Аспекты семантических исследований. М.

ГАК В. Г., 1973. К проблеме семантической синтагматики. // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М.

НИКИТИН М. В., 1997. Курс лингвистической семантики. СПб.

ПЛУНГЯН В. А., РАХИЛИНА Е. В., 1988. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М.

- УФИМЦЕВА А. А., 1986. Лексическое значение. М.
- ФИЛЛМОР Ч., 1983. Об организации семантической информации в словаре // НЗЛ. Вып. 14. М.
- ALCOTT L. M., 1987 Little Women. Puffin Books. London.
- BNC – British National Corpus. www.thetis.bl.uk/lookup.html
- DICKENS Ch. Barnaby Rudge. worldwideschool.org/library/books/lit/charlesdickens/BarnabyRudge/chap38.html
- ELIOT G. Adam Bede. www.Princeton.edu/~batke/eliot/bede/bede_18.html
- KIPLING R. The Wide Seal. www.cs.cmu.edu/~rgs/jnl-Seal.html
- MACLEAN A., 1961. Fear is the Key. London.
- M. WEBSTER – Merriam-Webster Online Dictionary. www.m-w.com/netdict.htm
- SERVICE R. Ballads of a Bohemian. www.worldwideschool.org/library/books/lit/poetry/BalladsofaBohemian/chap9.html
- WILLIAMS T., 1974. Eight Mortal Ladies Possessed. A Book of Stories. N.Y.

ФЕНОМЕН ТЕКСТА: ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

В.А.Андреева

«СМЕЩАЕМОСТЬ» ЛИТЕРАТУРНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ И ИХ «ВНУТРЕННЯЯ МЕРА»

Одной из «вечных» тем литературной поэтики является жанровая организация литературно-повествовательных текстов, в частности, признаки отдельных нарративных жанров, определение их постоянных и переменных элементов, соотношение внелитературных и литературных нарративных жанров, их систематика, развитие и взаимодействие. В настоящей статье будут рассмотрены вопросы «внутренней меры» неканонических нарративных жанров (романа, повести), в связи с перспективой их развития на данном этапе литературного процесса.

Считается, что принадлежность к тому или иному жанру устанавливается на основе выявления в тексте постоянных элементов жанра или его *определителей*. Определители жанров «наличествуют во всех произведениях данного жанра», их комбинация «необходима и достаточна, чтобы отличить данный жанр от других» [Ярхо, 1984: 226]. Постоянные признаки сочетаются с «сопутствующими», которые «не входят в определение жанра, но присутствуют у большинства его представителей» [то же].

Развивая идеи формальной школы о «доминантах» жанра, совокупность которых «и является определяющим моментом в образовании жанра» [Томашевский, 1996: 207], Н. Л. Лейдерман выстраивает «теоретическую модель жанра». Эта модель имеет два уровня – уровень «жанровой доминанты» и уровень «носителя жанра»: «Жанровой доминантой назовем те внутренние факторы произведения, под влиянием которых происходит взаимокоординация и стабилизация конструктивных компонентов формы в относительно устойчивой системе (ведь всякое произведение как жанровое целое и есть такая система). А типы конструктивных компонентов формы назовем носителями жанра» [Лейдерман, 1976: 7]. «Носителями жанра» являются субъектная организация повествования, его хронотоп, речевой стиль и так называемый «ассоциативный фон», который, по сути, представляет собой результат воздействия текста (его субъектно-повествовательной стратификации, пространственно-временной организации и речевого

стиля) на читателя, поскольку «ассоциативный фон», будучи создан автором, апеллирует к «культурной памяти» читателя, побуждая его устанавливать «скрытые связи в глубине текста (подтекст) и между текстом и внетекстовой действительностью (Как бы мы сейчас сказали, интертекстуальные связи. – В. А.)» [Лейдерман, 1982: 26].

Однако строгой систематике на основании «определителей» или «жанровых доминант» поддаются лишь так называемые *канонические* жанры, понимаемые как «законченные, сложившиеся и неизменные типы поэтических произведений, построенные по определенным правилам» [Жирмунский, 2004: 406]. Канонические жанры занимали центр литературной системы жанров вплоть до эпохи романтизма, но потом были «смещены» на периферию [Тынянов, 1977: 257–257, 510–511]: «Если в предромантический период жанровая принадлежность литературного произведения была творческой предпосылкой автора, регулировалась нормами <...>, то позже она стала *заранее непредсказуемой равнодействующей жанровых традиций и свободно их претворяющего творческого замысла*» [Маркевич, 1980: 186] (Выделено нами. – В. А.).

Выдвинувшиеся в центр литературной системы в результате «смещения» *неканонические* жанры, хотя и осознаются в науке как жанры, не могут быть описаны – подобно каноническим жанрам – с помощью перечисления постоянных признаков («определителей жанров»), в связи с чем Г. Миллер заметил: «Дилемма каждой истории литературного жанра основана на том, что мы не можем решить, какие произведения к нему относятся, не зная, что является жанровой сущностью, а одновременно не можем также знать, что составляет эту сущность, не зная, относится ли то или иное произведение к данному жанру» [Цит. по: Op.cit.: 188].

Деканонизация жанров в то же время отнюдь не означает их упразднения, поскольку, во-первых, старые, устоявшиеся жанровые формы получают новую жизнь, включаясь в интертекстуальную и метафигиональную игру, а во-вторых, новые (неканонические) жанровые формы требуют переосмысления старых и выработку новых, адекватных им категорий и методов.

Так, Н. Д. Тмарченко предлагает использовать в изучении неканонических жанров, главным из которых, безусловно, является *роман*, понятие «внутренняя мера»: «Понятие "внутренняя мера" столь же необходимо в изучении нетрадиционных жанров, как понятие "канон" в изучении традиционных. <...> Известно, что отказ от канонов – важнейший поворотный момент развития литературы. Но без определения норм и границ никакой жанр обойтись не может; жанр и есть

особая система норм.<...> **инвариантная структура в данном случае должна быть понята не как застывшая норма** (таковой как раз является "канон"), **но как логика изменения жанра**» [Тамарченко, 1988: 10–11] (Выделено нами. – В. А.).

К *внутренней мере* неканонических повествовательных жанров можно отнести гегемонию нарративности как стратегии текстопорождения над анарративными способами текстообразующего освоения действительности, к которым относятся итеративность, дескриптивность и перформативность [Тюпа, 2001: 9]. Если эти пределы нарративности внутри текста не преступаются, то говорят о нарративных жанрах в противовес лирическим и драматическим жанрам, либо о повествовательных и описательных жанрах.

Если же пределы гегемонного дискурса преступаются, то возникают «гибридные» формы, происходит эволюция повествовательных жанровых форм. Одним из результатов этой эволюции стал так называемый «орнаментализм»: «Орнаментализм – явление гораздо более фундаментальное, нежели словесная игра в тексте. Оно имеет свои корни в миропонимании и в менталитете символизма и авангарда, т. е. в том мышлении, которое по праву следует называть мифическим» [Шмид, 2003: 263]. Развивая мысль о связи между орнаментализмом, поэзией и мифом, которая проявила себя в эпоху модернизма в разных областях культуры, и, прежде всего, в литературе, В.Шмид видит в орнаментальной прозе «не поддающийся исторической фиксации **результат воздействия поэтических начал на нарративно-прозаический текст**» [там же: 263] (Выделено нами. – В.А.). Поэтическая обработка литературного нарратива ведет к сюжетной ослабленности текста, в связи с чем роль двигателя повествования берет на себя его стиль, его языковая форма: «Стиль становится важной движущей силой романа и постепенно смыкается с сюжетом» [Руднев, 2003: 355].

Очень часто орнаментализм воспринимается как «кризис» нарративного дискурса, в особенности, его главной жанровой формы – романа. Но «кризис такого рода, по-видимому, не является для романа непреодолимым. Однако широкое обращение этого жанра **к иным коммуникативным стратегиям** следует признать очевидным и закономерным» [Тюпа, 2001: 19] (Выделено нами).

К *внутренней мере* жанра можно также отнести и объем (размер) речевых высказываний (текстов). Объем произведения является основанием для разграничения большой (*роман*), средней (*повесть*) и малой (*новелла*, в русской терминологии – *рассказ*) повествовательных форм. Он влияет на то, «как автор распорядится фабульным ма-

териалом, как он построит свой сюжет, как введет в него свою тематику» [Томашевский, 1996: 243], и на многое другое, например, на степень детализации в презентации истории, на дискурсивную организацию текста (его субъектно-повествовательную стратификацию) и т. п. Однако точных (количественных) границ между нарративными жанрами установить невозможно [то же]. К тому же в современной литературе вследствие интертекстуальной игры обнаруживает себя тенденция к стиранию всяческих границ.

Рассмотрим это на примере повести современного немецкого прозаика П.Шнайдера «Lenz». По своему объему текст можно отнести к средней форме – повести. Название текста относит читателя к известному произведению Г.Бюхнера и совпадает с именем главного героя (протагониста действия). Ленц Бюхнера – молодой поэт, прообразом которого послужило реальное лицо из окружения Гете периода «Бури и натиска». Ленц Шнайдера – молодой человек неопределенных занятий: он как-будто студент, но не ходит на лекции, а устраивается на завод на неквалифицированную работу. Когда-то Ленц был политически активен и до сих пор посещает занятия левой молодежной группы, но внутренне уже готов порвать с ней. Общим для обоих персонажей является неприкаянность, побуждающая их к «перемене мест». Но если у бюхнеровского Ленца эта неприкаянность мотивирована душевным недугом, то спонтанные перемещения в пространстве Ленца Шнайдера и не понятные ему самому поступки происходят из утраты им чувства «неоспоримой принадлежности к толпе», или «стадной идентификации» [Фромм, 2005: 61], с одной стороны, и отсутствия индивидуального чувства идентичности, с другой. П.Шнайдер предпосылает своему тексту эпиграф – цитату из Бюхнера:

(1) *»Er ging gleichgültig weiter, es lag ihm nichts am Weg, bald auf-, bald abwärts, Müdigkeit spürte er keine, nur war es ihm unangenehm, daß er nicht auf dem Kopf gehen konnte«* [Schneider 5].

В тексте оригинала этот фрагмент не выдвинут в особую позицию, а является одним из звеньев повествования о том, как бюхнеровский Ленц в своей одержимости идет по горной местности, не смотря на дождь и пронизывающий холод. В тексте П. Шнайдера этот же фрагмент занимает сильную позицию и задает определенное направление интерпретации, «ключевыми» словами для которой являются *gleichgültig, es lag ihm nichts am Weg*.

Используемый таким образом текст оригинала напоминает по своей функции используемые в Интернете ссылки (*links*), которые позволяют пользователю (читателю) перемещаться из одного текстового

пространства в другие и сводят таким образом эти текстовые пространства в единый гипертекст, которому в принципе нет предела.

Гипертекст становится современным проектом возможного развития романной формы [Ср.: Руднев, 2003: 95–99]. Одним из вариантов гипертекста являются так называемые «сетевые тексты» (нем. *vernetzte Texte*). Так немецкая исследовательница Б. Хельблинг [Helbling, 1995] называет тетралогию У. Йонсона «Jahrestage. Aus dem Leben der Gesine Cresspahl» и его ранние тексты, а также незаконченный проект И. Бахманн «Todesarten», в который наряду с романом «Malina» входят незаконченные фрагменты «Der Fall Franza» и «Requiem für Fanny Goldmann». Каждый из текстов, входящих в «сеть», содержит проекции на другие. Роль «переключателей» (*links*) выполняют главные и второстепенные персонажи, события, хронотопы.

Так, например, особое место в гипертексте У.Йонсона занимает поэтический топос Балтийского моря, его мекленбургского побережья, куда писатель помещает центр своего художественного универсума – вымышленный город *Jerichow*, родину своей любимой героини Гезины Кресспаль. Несмотря на то что в художественном настоящем тетралогии Гезина Кресспаль живет вдали от родины, и город *Jerichow*, и описание моря проходят через все части романа. Они также присутствуют и в ранних текстах У.Йонсона, в том числе, в романе «Mutmassungen über Jakob»:

(2) *Jerichow zu Anfang der dreißiger war eine der kleinsten Städte in Mecklenburg-Schwerin, ein Marktort mit zweitausendeinunderteinundfünfzig Einwohnern, einwärts der Ostsee zwischen Lübeck und Wismar gelegen, ein Nest aus niedrigen Ziegelbauten entlang einer Straße aus Kopfsteinen...* [Johnson 2, 30–31] (Выделено нами).

(3) *Jerichow war früher eine Bauernstadt gewesen und zumeist im Eigentum einer einzigen Familie von Adel: das waren tausend und ein Haus an der mecklenburgischen Ostseeküste, wohin der Wind grau und rauh kam das ganze Jahr...* [Johnson 1, 15] (Выделено нами);

Приведенные описания обнаруживают интертекстуальные («сетевые») связи, прежде всего, в повторах топонимов (*Jerichow, Mecklenburg/mecklenburgisch, Ostsee/Ostseeküste*), а также в переключке их вторичных дескрипций (*ein Marktort/eine Bauernstadt*) и способов обозначения величины города (*mit zweitausendeinunderteinundfünfzig Einwohnern/tausend und ein Haus*). Вместе с тем, каждый из фрагментов содержит дополнительную информацию о городе. Хотя в обоих фрагментах повествование развивается по гетеродиегетическому типу, т. е. ведется от 3-го лица, повествователь занимает в них акториальную позицию, выражая ностальгические чувства персонажа

(его оценочно-смысловую точку зрения (Ср.: *ein Nest aus niedrigen Ziegelbauten, wohin der Wind grau und rauh kam das ganze Jahr*). Обращают на себя внимание особая ритмизация отрезков текста и использование звуковых ассоциаций (сонантов *n, l, m* и свистящих *s, ts*; монофтонга *a* и дифтонга *au*).

Как видим, и орнаментализм, и гипертекст отражают логику развития романного жанра – формы очень изменчивой, гибкой и растяжимой, но способной, однако, и к саморазрушению в случае превышения собственной «внутренней меры». Ср. в этой связи высказывание немецкого нарратолога Ю.Петерсена: «Так начинается распад повествовательных систем, который закончится в тот самый момент, когда читатель почувствует необходимость самостоятельно, без опоры на прочитанное, конструировать смысл последнего. Эпические продукты такого рода являются фактом современной литературы, но это скорее черновые нарративные наброски или «корзины» нарративного материала» [Petersen, 1993: 89] (Перевод наш. – В. А.).

***

- ЖИРМУНСКИЙ В. М., 2004. Введение в литературоведение: Курс лекций. М.
- ЛЕЙДЕРМАН Н. Л., 1976. К определению сущности категории «жанр» // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. статей. Калининград.
- ЛЕЙДЕРМАН Н. Л., 1982. Движение времени и законы жанра: Монография. Свердловск.
- МАРКЕВИЧ Г., 1980. Основные проблемы науки о литературе. М.
- РУДНЕВ В. П., 2003. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.
- ТАМАРЧЕНКО Н. Д., 1988. Типология реалистического романа. Красноярск.
- ТОМАШЕВСКИЙ Б. В., 1996. Теория литературы. Поэтика. М.
- ТЫНЯНОВ Ю. М., 1977. Поэтика. История литературы. Кино. М.
- ТЮПА В. И., 2001. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П.Чехова). Тверь.
- ФРОММ Э., 2005. Человеческие ситуации – ключ к гуманистическому психоанализу // Фромм Э. Искусство любить. СПб.
- ШМИД В., 2003. Нарратология. М.
- ЯРХО Б. И., 1984. Методология точного литературоведения (набросок плана) // Контекст-1983. М.
- HELBLING В., 1995. Vernetzte Texte. Würzburg.
- JOHNSON U., 1992. Mutmassungen über Jakob. Frankfurt/Main.

- JOHNSON U., 1992. Jahrestage 1-2. Frankfurt/Main.
PETERSEN J., 1993. Erzählssysteme: eine Poetik epischer Texte. Stuttgart.
SCHNEIDER P., 2001. Lenz. Rotbuch.

Т. И. Воронцова

О МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ БАЛЛАДНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ БАЛЛАД)

Система представлений и образов, вырабатываемая человеком о жизни природы и общества, его ценностные ориентации, культурное сознание находят отражение в различных знаковых системах: в обычаях, ритуалах, в произведениях литературы, музыки, живописи. Литература может осуществлять гораздо более широкое и разностороннее воспроизведение жизни, чем другие виды искусства, человеческая речь является универсальным средством познания жизни. Связь между языком и действительным или воображаемым миром опосредована человеческим мышлением, то есть любой текст является ментальной репрезентацией, мысленным представлением создателя текста о действительности. Модели ситуаций (реальных или вымышленных) в том виде, как они концептуализируются человеком, являются ментальными пространствами. Примеры ментальных пространств включают реальную действительность (так, как мы её понимаем), ситуации, относящиеся к прошлому или будущему, гипотетические, вымышленные ситуации и т. д. Язык, согласно этой теории, является конструктивным началом, так как он создаёт эти пространства [Fauconier, 1994].

Литературные художественные системы основываются на совокупности принципов, которую можно определить как *эстетику противопоставления*. В её основе лежит индивидуально-авторский тип художественного сознания, когда привычным для читателя способам моделирования действительности, характерным для фольклорных произведений (эстетика тождества) художник противопоставляет своё, оригинальное решение, которое он считает более правильным [Лотман, 2000: 274–279].

Жанр, являющийся типовой моделью построения речевого целого, определяет специфические художественные пути и способы преобразования и осмысления действительности. Для каждого жанра характерен определённый ракурс видения действительности, типичные ситуации, то есть определённые ментальные пространства, которые находят определённое языковое выражение. Художественное

мышление основывается на образной аналогии. В процессе создания художественного произведения действуют законы метафорического ассоциативного мышления, так как на основе множества наблюдаемых конкретных жизненных фактов создаётся общая понятийная (концептуальная) модель фрагмента реальной действительности (фрейм), которая преобразуется во вторичную художественную действительность и представляет определённое ментальное пространство.

Английские баллады являются повествовательным жанром и существуют в двух жанровых модификациях: фольклорные и литературные. Они являются специфической, смешанной жанровой формой и сочетают в себе черты лирики и эпоса. Художественная специфика баллады определяется её драматизмом, и это свойство лежит в основе способа типизации жизненных явлений. Одной из ведущих характеристик баллады является её повествовательность, так как она представляет собой повествование в стихах о каких-либо конкретных событиях. Баллады охватывают широкий круг сюжетов и дают панорамное представление о жизни той эпохи, когда были созданы. Им свойственна динамичность повествования, одноконфликтность, различного рода повторения, употребление точных, конкретных слов. Для баллад характерны традиционные образы и положения, которые представлены во всех текстах этого жанра независимо от сюжета. Всё это и создаёт особый поэтический стиль баллады [Жирмунский, 1973: 87–103]. В каждой балладе описывается конкретное событие. Восприятие и понимание событий происходит не в вакууме, а в рамках более сложных ситуаций и социальных контекстов, при этом человек использует или конструирует информацию о взаимосвязях между событиями и ситуациями [ван Дейк, Кинч, 1983: 158]. Понять смысл события – значит восстановить его реальные и потенциальные связи в релевантном для него контексте жизни, обладать более общими знаниями о таких событиях и, в конечном счёте, превратить его в некоторое множество фактов. Для этого необходимо освоение объективной реальности, выражение творческой позиции автора, избираемой для наблюдения за реальными событиями и их преобразованием [Колшанский, 1984: 125]. Будучи пересказано средствами языка, событие неизбежно получает структурное единство. Событие отождествляется с сюжетом как глобальной структурой повествовательного текста. Как отмечает Ю. М. Лотман, сам факт превращения события в текст способствует его организованности [Лотман, 1999: 238]. Каждый тип повествования обладает определённым структурно-смысловым прототипом [Залева, 2001: 120–121]. В этой связи заслуживает внимания концепция У. Эко о лабиринтах повествования. Согласно его теории,

существуют три типа лабиринтов распутывания повествования – простой, сложный и сверхсложный. [Есо, 1985: 80].

При изучении ментальных пространств балладных дискурсов за исходное берётся положение, согласно которому эксплицитное содержание дискурса обычно представляет собой только общий план. Проекция дискурса находится в непосредственной зависимости от его когнитивной модели, тип которой в значительной степени определяется жанровой принадлежностью. Следовательно, каждой жанровой форме соответствует определённый структурно-смысловой прототип (инвариант) повествования, который формирует его ментальное пространство. В «смешанном» жанре баллады выделяются текстотипы в зависимости от преобладания в конкретных текстах черт лирики или эпоса. Как известно, тип текста – это абстрактная модель построения конкретных речевых произведений. Каждому текстотипу или типу дискурса соответствует определённый гиперфрейм, который представляет собой иерархически организованную структуру представления знания. Верхний уровень гиперфрейма – это когнитивный инвариант плана содержания. В каждом конкретном текстотипе когнитивный инвариант соотносится с прагматическим фреймом, который представлен двумя уровнями: верхний уровень отражает детерминирующую ситуацию, основу которой составляет обобщённое представление об определённом типе воздействия на адресата; нижний – несёт информацию о конкретной ситуации [Дейк, 1989: 24].

Литературные эпические баллады, как правило, бывают посвящены описанию какого-либо исторического эпизода. Это несколько необычно для данного жанра, так как повествование в балладах обычно бывает проникнуто лиризмом. Анализ литературных баллад эпического характера (W. Scott «Glenfinlas or Lord Ronald's Coronach», «The Wild Huntsman», «Frederic and Alice», «The Fire-King», «The Eve of St. John», «The Gray Brother» и др.) свидетельствует о том, что все они сходны по ряду признаков. Для баллад этого типа характерно качественное соединение эпического и лирического начал при значительном преобладании первого. Ментальные пространства балладных дискурсов данного типа могут быть представлены в виде *гиперфрейма «героическая личность и её деяния»*. Как показал анализ, часто они бывают более сложно структурированы, чем модели фольклорных балладных дискурсов. Сценарии балладных дискурсов этого типа, как правило, похожи. Это находит отражение в организации их композиционно-сюжетных структур. Они одноконфликтны, так как описывают одно событие, содержащее завязку, кульминационный момент и развязку, но, в то же время, возможно и сочетание нескольких сюжет-

ных линий, которые тем не менее подчинены единой линии развития сюжета (сложный лабиринт повествования). Как правило, предметом их повествования являются давно прошедшие события. Таким образом, мы наблюдаем функционирование категории ретроспекции.

Изобразительно-повествовательная лирика лежит в основе ряда баллад лирического характера. Это относится к балладам «Goody Blake and Harry Gill. A True Story.», «Simon Lee», «The Thorn», «The Idiot Boy» (W. Wordsworth); «William and Helen» (W. Scott); «A Small Ballad» (R. Burns); P. Саути «A Ballad, Showing how an Old Woman Rode Double, and Who Rode Before Her» (R. Southey); «The Ballad of the Dark Lady», «Cristabel» (S. T. Coleridge) и др.

Ментальные пространства балладных дискурсов данного типа могут быть представлены в виде *гиперфрейма «герой и его страдания»*. Сценарии балладных дискурсов этого типа похожи. Это находит отражение в организации их композиционно-смысловых структур и свидетельствует об их прототипичности. Для баллад данного типа также характерно качественное соединение лирических и эпических начал при преобладании первого. По организации повествовательного дискурса они близки эпическим балладам, так как им свойственна высокая функциональность. Действия и события, описанные в них, как правило, направлены на раскрытие образов, внутреннего мира персонажей, их отношения к происходящим событиям. Это проявляется в экспрессивности повествования и медитативности, которой они проникнуты. Выражением медитативности в балладах данного типа являются размышления героев баллады о том или ином событии (W. Wordsworth «The Idiot Boy», «The Thorn») или обобщающие размышления автора, дающие оценку описываемым событиям (W. Wordsworth «Goody Blake and Harry Gill. A True Story», «Simon Lee»). Значительную часть сюжетного пространства занимают монологи автора или действующего лица, повествующие об их чувствах, переживаниях, событиях, происшедших с ними (простой лабиринт повествования). Это, как известно, свидетельствует об эксплицитности внутриличностного аспекта повествования.

Медитативная лирика преобладает в таких балладах лирического характера, как W. Wordsworth «The Convict», «Anecdote for Fathers», «We are Seven», «The Complain of the Forsaken Indian Woman», «The Female Vagrant», «The Mad Mother»; R. Burns «Lord Gregory». Ментальные пространства балладных дискурсов данного типа также могут быть представлены *гиперфреймом «герой и его страдания»*. Сценарии балладных дискурсов этого типа похожи, что находит отражение в организации их композиционно – смысловых структур.

Значительную часть сюжетного пространства занимают монологи автора или действующего лица, повествующие об их чувствах, переживаниях, событиях, происшедших с ними. Наиболее «чистыми» примерами медитативных баллад лирического характера являются баллады В. Вордсворта «The Complain of the Forsaken Indian Woman», «The Female Vagrant», «The Mad Mother», а также баллада Р. Бёрнса «Lord Gregory». Для баллад этого типа характерно качественное соединение лирического и эпического начал при значительном преобладании первого. Медитативные баллады лирического характера также отличаются довольно высокой функциональностью, однако более важную роль в них играют элементы повествования, способствующие созданию определённой атмосферы повествования, а также раскрытию образов персонажей. Об этом свидетельствует частотность употребления стилистических приёмов, благодаря которым повествование в этих балладах отличается экспрессивностью и эмоциональностью.

Таким образом, в процессе анализа было установлено, что когнитивная модель литературных баллад более вариативна, так как жанровые доминанты в большей степени подвергаются влиянию индивидуального стиля автора, в них реализуется его стремление к большей выразительности. Как показал анализ, в наиболее стёртом виде жанровые доминанты представлены в медитативных балладах лирического характера, так как они являются наиболее субъектно – ориентированными, и черты индивидуального авторского стиля в значительной степени подавляют жанровые доминанты баллады. Лишь сюжетность сохраняет свою эксплицитность. В литературных балладных дискурсах довольно часто наблюдается сочетание перспектив повествования, что свидетельствует о наличии иерархии художественных точек зрения. В некоторых случаях наблюдается функционирование категории ретроспекции, когда в повествование включается рассказ о давно прошедших событиях, способствующий созданию сюжетной напряжённости. Это характерно лишь для литературных баллад. Особенности организации ментальных пространств литературных балладных дискурсов подтверждает тот факт, что в основе литературных произведений лежит эстетика противопоставления.

***

АНДРЕЕВА В. А., 2006. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.

ВАН ДЕЙК Т. А., КИНЧ В., 1983. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.

- ВАН ДЕЙК Т. А., 1989. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. М.
- ЖИРМУНСКИЙ В. М., 1973. Английские народные баллады // Английские и шотландские баллады. М.
- ЗАЛЕВСКАЯ А. А., 2001. Текст и его понимание. Тверь.
- КОЛЛИНГВУД Р. ДЖ., 1999. Принципы искусства. М.
- КОЛШАНСКИЙ Г. В., 1977. Коммуникативная функция и структура языка. М.
- ЛОТМАН Ю. М., 1999. Внутри мыслящих миров. М.
- ЛОТМАН Ю. М., 2000. Структура художественного текста. СПб.
- ЕСО U., 1985. Semiotics and Philosophy of Language. Bloomington.
- FAUCONIER G., 1994. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. Cambridge.

Н. Н. Пелевина

АКТУАЛИЗАЦИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПРЯМОЙ ИНОСУБЪЕКТНОЙ РЕЧИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Иносубъектный речевой план репрезентирует интертекстуальность научной коммуникации, творческий диалог автора научного текста (НТ) с предшествующим знанием. Опора на предшествующее знание является одной из главных составляющих "прототипической операциональности научного интердискурса" [Гончарова, 2001: 66] и обеспечивает незыблемый закон развития науки, состоящий в преемственности научно-познавательного процесса.

Представление предшествующего знания в иносубъектном речевом плане НТ является результатом интерпретационной деятельности его автора, которая включает восприятие, осмысление и творческую переработку прежнего знания, рациональную и эмоциональную его оценку, осознание релевантности определённых его фрагментов для своего научного исследования и необходимости воспроизведения отдельных суждений предшественников в продуцируемом тексте. Поэтому отражение в НТ предшествующего знания является своеобразным индикатором научно-познавательной деятельности его автора, нацеленной на выведение нового знания. Это позволяет рассматривать иносубъектную речь в качестве одного из лингвистических способов выражения его научных взглядов и предпочтений, принадлежности той или иной школе или приверженности определённому научному

направлению, его осведомлённости в истории изучаемой проблемы и широты научного кругозора.

Пройдя через авторскую интерпретацию, предшествующее знание "распредмечивается" и включается в единый поток научных идей и концепций, образующих теоретическую основу проводимого исследования. Ценность такой "межконцептуальной" позиции интерпретатора состоит, прежде всего, в сохранении преемственности научно-познавательного процесса [Постовалова, 1982: 7].

Прямая передача чужой речи осуществляется в форме полноструктурной цитаты, отграниченной от авторской речи кавычками и сопровождаемой ссылкой на библиографический список в виде сноски или примечания. К полноструктурным цитатам мы относим высказывания учёного-предшественника, воспроизводимые автором НТ дословно (буквально), но с разной степенью точности. Перенос чужое высказывание в свой текст, автор либо полностью сохраняет его структурно-семантическую целостность и весь объём передаваемой информации, не опуская из него ни одного слова (точная полноструктурная цитата), либо сохраняет только внешнюю структурную целостность чужого высказывания, сокращая при этом полноту содержащейся в нём информации путём исключения отдельных его фрагментов (сокращённая полноструктурная цитата). Степень точности полноструктурной цитаты варьируется в зависимости от количества языковых элементов, которые автор НТ при цитировании сознательно опускает в силу их иррелевантности в новом контекстном окружении [Даирова, 1983: 6].

Таким образом, как в выборе чужого высказывания, так и в операциях по его сокращению проявляется позиция автора, его намерение приспособить цитируемое высказывание к выполнению задач проводимого исследования, которое он представляет в НТ.

Исследуемый материал показывает, что прямая передача чужой речи наиболее характерна для проблемнопостановочных и полемических разделов научных статей и монографий. Использование полноструктурных цитат способствует реализации целеустановки автора НТ на проведение аналитического обзора сложившихся исследовательских подходов к познаваемому объекту, выявление степени его разработанности и дискуссионности связанных с ним вопросов. Автор воспроизводит высказывания предшественников, эксплицирующие альтернативные точки зрения на предмет исследования, с одними из которых он соглашается, другие же полностью или частично отвергает. Как унисонные, так и несовпадающие с авторским мнением высказывания учёных организуются, оцениваются и комментируются автором

таким образом, чтобы аргументировать его позицию в рассматриваемом вопросе.

В процессе изучения предшествующего знания автор НТ отбирает не только теории и концепции для формирования методологического и теоретического фундамента проводимого исследования, но и понятия, суждения, определения, умозаключения своих предшественников, которые используются им при выведении нового знания. Некоторые из них, наиболее эффективные в их дословном воспроизведении, вводятся как полноструктурные цитаты. Они эксплицируют мысль автора на различных этапах изложения исследовательского материала и служат реализации его задач в процессе обоснования нового знания в НТ. Прямым воспроизведением высказываний ученых-предшественников, в частности, осуществляется:

(1) Введение образца, на который ориентируется автор при анализе познаваемого объекта. Ср.: *Bei der Darstellung der Varianz von Themenstrukturmustern folge ich Müller* [2002: 346], *der<...> zu folgender Feststellung gelangt: „Nach der Art der Reduktion lassen sich zwei Arten von Porträts unterscheiden <...>“* [М, S. 101]

(2) Представление исходного тезиса для последующего авторского рассуждения, которое может начинаться с пояснения заимствованного высказывания, выдвигаемого в качестве исходного пункта на новом этапе тематического развёртывания НТ. Ср.: *„Sprache als Mittel der Kommunikation ist das Resultat der Verhaltenskoordination von Individuen <...>“* [Feilke, 1996, 59]. *Das bedeutet, dass die sprachlichen Mittel im Zuge vorhergehender Kommunikationsakte erprobt und als funktional sanktioniert wurden.* (ZfAL, S. 54); *„Speakers intend their utterances to be understood with respect to their rational expectations of common ground“* [Gerrig 1993, 107]. *Anders ausgedrückt wollen Sprecher oder Autoren sich rational oder kooperativ verhalten, erwarten jedoch, dass auch mit ihren Äußerungen auf kooperative Art umgegangen wird.* [ZfAL, S. 60]

Оба примера взяты из статьи Г. Вайдахера, где они выступают зачином, соответственно, нового абзаца, открывающего авторское рассуждение о социальном характере языка, и нового раздела, посвящённого значению интерпретационной деятельности реципиента при восприятии текста. Поясняющий характер авторской речи, контактирующей с цитатой-исходным тезисом, эксплицируется выражениями *das bedeutet, anders ausgedrückt*, которые осуществляют переход от чужой речи к авторской.

Как видно из приведённых примеров, полноструктурная цитата в качестве исходного пункта рассуждения вводится без специального

сцепления с окружающим контекстом авторской речи, а её принадлежность к конкретному субъекту предшествующего знания выражается только внутритекстовой ссылкой. В то же время достаточно распространённым способом введения цитируемого высказывания как опорного пункта предстоящего рассуждения являются слова автора, эксплицирующие как его намерение использовать чужую речь в качестве отправного тезиса, так и именную координату субъекта этой речи. Ср.: *Ausgehen wollen wir dabei von folgender Unterscheidung Christian Stettens*: „Text ist dasjenige, was geschrieben und verstanden wird, die Textur das, was geschrieben ist und gelesen wird“ [Stetter 1999, 294]. [ZfAL, S. 51]

(3) Авторитетное подтверждение авторской мысли. Подтверждающая цитата, как правило, «погружается» в контекст авторской речи, выделяясь на её фоне только кавычками и завершающей её ссылкой. Показателем отчуждения может также служить отличный от авторской немецкоязычной речи язык цитируемого источника (английский или французский). Ср.: *Dieser soziale Aspekt widerspricht im Übrigen keineswegs dem, dass etwas nur dann zu einem Zeichen wird, wenn einem Signifikanten von einem Zeichenbenutzer Bedeutung zugeschrieben wird* <...>: „People have private meanings, but to succeed in communication, they gradually calibrate their semantic structures and mappings“ [Gärdenfors 2000, 202]. [ZfAL, S. 54-55]

(4) Пояснение авторского высказывания. Поясняющий характер полноструктурной цитаты обычно эксплицируется при её сцеплении с окружающим контекстом с помощью вводящих слов автора. Ср.: *Was man darunter zu verstehen hat, macht die Definition von Ch. E. Osgood einigermassen klar*: „Style is defined as an individual's deviation from norms for the situations ...“ (30). [W.S., S. 16]

(5) Иллюстрация авторской или иной точки зрения. Например, для иллюстрации своего мнения о преимуществах употребления заимствованной лексики И. Бэр воспроизводит высказывание К. Г. Иохманна, в котором представлена картина, возникающая при использовании заимствованного слова *Karavane*, в отличие от его немецкого аналога. В авторском вводе обращается внимание на скептическое отношение цитируемого учёного к заимствованиям, что усиливает ответственность его слов, наглядно демонстрирующих истинность авторской точки зрения. Ср.: *Schon den Fremdwörtern gegenüber durchaus skeptisch eingestellte Sprachkritiker Carl Gustav Jochmann wusste*: „Eine Karavane ist freilich ein Reisezug <...> Jene zu friedlichen und frommen Zwecken kriegerisch gerüstete Menge von Handelsleuten und Pilgern, <...> das Schiff der Wüste, das Kamel mit seiner köstlichen Ladung, all die

Bilder und Wunder des Morgenlandes, die mit einem solchen Reisezuge zusammenhängen, zeigt uns der deutsche Ausdruck nicht“ (12). [S, S. 127–128]

(6) Развитие авторской мысли. Полноструктурная цитата «погружается» в окружающий контекст без авторского ввода, так как цитирующий автор воспроизводит чужое высказывание как достоверный факт из авторитетного источника, наилучшим образом выражающий его собственную мысль и не требующий по этому поводу специального комментирования. Ср.: *Diese „Reflexivität“ kann in zweifacher Weise gesehen werden: Einmal für eine komplexere Handlung als ganze, zum anderen für jede einzelne Teilhandlung – auch dies eine Frage zur Beschreibung: „Wir können sagen, dass er [der Handelnde, B.S.] ein Bild gemalt oder eine Schlacht geschlagen hat; oder wir können sagen, dass er zuerst diese Operation durchführte und dann jene“ [Austin 1977, 38]. Die letztere Sehweise ermöglicht es, die Handlung als Prozess zu modellieren. [B. S., S. 55]*

В данном примере воспроизводимое в прямой речи чужое высказывание по своему содержанию вытекает из предшествующего авторского контекста и одновременно служит основанием для вывода, который передаётся последующей авторской речью. Если убрать кавычки и ссылку, маркирующие границы чужой речи, то этот фрагмент НТ можно рассматривать как образец авторского рассуждения, включающего зачин, обоснование и вывод. Такое органичное сплетение авторской и чужой речи способствует континуальности научного изложения, которая наиболее важна на этапе аргументации выдвинутых автором положений, поскольку концентрирует внимание читателя на логике авторского рассуждения, не отвлекая его внимание на дополнительную информацию, связанную с передачей чужой речи.

(7) Завершение авторской мысли. Ср.: *Resümierend kann folgendes festgehalten werden: „Roughly, we could say that what the dominant categories basically own is how it is that persons perceive reality“ [Sacks 1979, 9]. [FAL, S. 97]* Для завершения своего рассуждения автор нередко прибегает и к выводу, содержащемуся в чужой речи. Резюмирующий характер чужого высказывания в тексте-источнике эксплицируется при этом в самой цитате или авторском вводе. Ср.: *In den gleichen Kontext zu stellen wäre, und als Überleitung angemessen erscheint wohl: „Lippmans Stereotypenbegriff ist also wertneutral und bezeichnet schematische kognitive Formeln<...>“ [Quasthoff 1973, 18]. [FAL, S. 120]; Spillners **Fazit** [там же: S. 39]: „Die Konzeption von Stil als Abweichung ist als heuristisches Mittel geeignet, nicht dagegen als Grundlage einer Stiltheorie“. [Bd. S., S. 40].*

Таким образом, воспроизводимая прямым способом чужая речь активно участвует в организации содержания обзорных, проблемно-постановочных, полемических разделов НТ, где всегда сопровождается поясняющим, идентифицирующим её субъектную принадлежность авторским вводом. При освещении дискуссионных моментов эксплицируется также авторская оценка чужой речи – позитивная, выражающая согласие автора с цитируемым высказыванием, или критическая, отражающая частичное или полное несогласие автора с заключённым в цитате мнением предшественника и объяснение причин неприятия этого мнения.

Полноструктурные цитаты участвуют также в формировании предметно-логической информации, включаясь в передачу мысли автора для доказательства выдвинутого им положения в процессе выведения нового знания. При этом они выступают исходным тезисом, образцом для последующего анализа исследовательского материала, а также выполняют подтверждающую, поясняющую, иллюстрирующую, мыслеразвивающую, резюмирующую функции. Их исключение из НТ повлекло бы за собой разрушение его смысловой целостности. Такие полноструктурные цитаты вводятся словами автора, эксплицирующими их целевое назначение, или «погружением» в окружающий контекст с имплицитной положительной оценкой, выражаемой самим фактом включения чужого высказывания в авторское рассуждение в качестве его неотъемлемой части. Их использование автором для выражения своей мысли свидетельствует как о признании авторитетности чужого суждения, так и о его созвучии авторскому пониманию решаемой проблемы.

* * *

ГОНЧАРОВА Е. А., 2001. Научная коммуникация – дискурс – интердискурсивность // Текст и дискурс: Сб. науч. статей. СПб.

ДАИРОВА К. Н., 1983. Структурно-семантические особенности цитаты и ее функционирование в тексте (на материале английской научной лингвистической литературы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.

ПОСТОВАЛОВА В. И., 1982. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

B. S.- Sandig B. Stilistik der deutschen Sprache. Berlin; N. Y., 1986.

Bd. S. – Sowinski B. Stilistik: Stiltheorien und Stilanalysen. Stuttgart, 1991.

- FAL – Forum Angewandte Linguistik. Bd.33. Frankfurt/Main, 1998.
M – Muttersprache. H.2. Wiesbaden, 2005.
RF – Reale Fiktionen, fiktive Realitäten: Medien, Diskurse, Texte.
Hamburg, 2000.
S – Der Sprachdienst. Jahrgang 45. H.4. Wiesbaden, 2001.
W.S. – Sanders W. Linguistische Stiltheorie. Göttingen, 1973.
ZfAL – Zeitschrift für Angewandte Linguistik. H.41 . Frankfurt/Main,
2004.

Тимофеева З. М.

КОМБИНАТОРНАЯ ИГРА В СФЕРЕ СУБЪЕКТНО- ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Известно, что достоинство игры состоит в том, что «она диалектически соединяет свободу и необходимость, заданность и гипотетичность, открывает возможность импровизации, многовариантности, экспериментирования» [Кривко-Апинян, 1992: 55]. Как отмечает Т. А. Кривко-Апинян, правила не закрепощают игру, но дают возможность для множества комбинаций. Игра – неопределенная определенность, или определенная неопределенность [Кривко-Апинян, 1992: 56].

В постмодернизме авторская установка на комбинаторную игру часто проявляется как установка на создание намеренной неопределенности дейктического модуса текста. Комбинаторная игра может рассматриваться как «трансгрессия» семантических правил традиционного повествовательного дискурса, как экспериментирование с системной согласованностью – рассогласованностью. Согласно «Энциклопедии постмодернизма», игра обозначает особый адогматический тип миропонимания, при котором система правил создает специфическое игровое пространство, моделирующее реальность, дополняющее ее и противостоящее ей [Постмодернизм..., 2001: 293].

В семиотике, литературоведении, философии последних десятилетий одной из ведущих художественных стратегий постмодернизма, непосредственно связанной с идеей игрового моделирования художественной реальности, признается так называемый «диалог с хаосом». «Эстетика хаосмоса» (по Эко) рассматривается М. Н. Липовецким как тесное взаимодействие постмодернистской поэтики с миробразом хаоса, выразившееся в частности в расшатывании и разламывании традиционных структур художественной системы, не обязательно

приводящем к рассыпанию художественного целого [Липовецкий, 1997: 43]. Д. В. Затонский также указывает на то, что постмодернистское ощущение и «космично», и «хаотично» как бы одновременно [Затонский, 2000: 253]. Исследователи отмечают «эффект преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса о восприятии мира как разорванного, отчужденного, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности [Ильин, 1996: 192].

Парадоксальное сочетание порядка и беспорядка, представление мироздания и как некоей системы, и одновременно как некоего игрового конструкта приводят к тому, что, по мнению Д. И. Руденко и В. В. Прокопенко, постмодернистский автор «часто оказывается не столько автором отдельного текста, сколько автором картины мира, картины потенциально открытой, незавершенной, необходимым условием возникновения которой является комбинирование, во многом неожиданное и изысканное, разных фрагментов знания и восприятия мира» [Руденко, Прокопенко, 1995: 135]. Нельзя не согласиться с данными исследователями, считающими, что нетривиальность постмодернистского целого во многом определяется тем, что в постмодерне, хотя он часто трактуется как «соавторство вместо авторства», представлен вполне отчетливый субъектный, личностный аспект [Руденко, Прокопенко, 1995: 133]. Необходимо, однако, отметить, что для постмодернистских произведений, где доминирует авторская установка на комбинаторную игру, характерна «скрытость модуса существования автора-дирижера» [Руденко, Прокопенко, 1995: 137], или, скорее, неопределенность, немаркированность авторской локализации в смысловой структуре художественного текста.

Неопределенность дейктической семантики многих текстов постмодернизма, то есть, неопределенность их субъектной и хронотопической семантики (по Дымарскому) обуславливается моделированием игровой ситуации, основными семантическими признаками которой являются многовариантность, противоречивость, неупорядоченность. Другими словами, возникающая благодаря комбинаторной игре неклассическая повествовательная модель, которую можно обозначить как «невозможный фикциональный мир», актуализирует логический принцип неисключенной оппозиции, «предполагая установление между оппозитивными членами неисключающих дизъюнктивных отношений» [Льюиз, 1999: 64].

В данной модели нарушается дейктический паритет автора и читателей, поскольку на смену стабильной точки отсчета, позволяющей адресату традиционного нарратива выстраивать последовательный, линейный виртуальный мир [Изер, 2001: 188], приходит игровая по

своей природе деиерархизация субъектных, пространственно-временных и логических систем [Дымарский, 1999; Липовецкий, 1997]. Расшатывание семантических правил создания классического нарратива (дейктической определенности текста, дейктического паритета между автором и читателями) приводит к усилению иллюзии противоборства между автором и читателями, тем самым актуализируя «агональный» компонент комбинаторной игры. «Образцовый читатель» (по Эко), моделируемый во многих постмодернистских текстах, – это читатель, получающий «инструкцию» (Эко), часто содержащую сразу несколько неопределенных «текстовых позиций» (по Изеру): кто повествует? где? когда? почему?

Развивая мысль Г. В. Лейбница о том, что не существует никакой другой невозможности, кроме невозможности, обусловленной противоречием, Ю. С. Степанов отмечает, что и возможное не все может быть совозможным – возможным в одно и то же время [Степанов, 1998: 697]. Возникновение неклассической нарративной модели «невозможного фикционального мира», таким образом, обусловлено трансгрессией базовых семантических правил моделирования непротиворечивого, внутренне согласованного фикционального мира, непосредственно связанной с текстуальной комбинаторной игрой во многих произведениях постмодернизма.

Неустойчивость авторской (повествовательной) локализации в современном художественном тексте, «размывание границ между автором, повествователем и героем» (Липовецкий), «неоднозначность и “рассеянность” литературных персонажей» [Щирова, Тураева, 2005: 136] возникает благодаря ряду игровых приемов конструирования противоречивой картины изображаемого «возможного мира». Представляется, что в сфере субъектно-объектных отношений к ним можно отнести:

1. «местоименную» игру, под которой понимается намеренная неоднозначность интерпретации элементов субъектной семантики, моделирующая неупорядоченность «прагматических фокусов» повествователя;

2. «автобиографическую» игру, понимаемую как намеренное использование текстовых элементов из семантического поля «фикциональность / фактографичность» при моделировании «образа автора» (двойная экспозиция, по Левину);

3. «ролевую» игру, направленную на создание «многоликости» персонажных / повествовательных масок.

Степень энтропии субъектно-объектной определенности обуславливается, в том числе, и последовательным применением одной или сразу нескольких из выше названных стратегий.

Ограниченный объем данной статьи позволяет подробнее остановиться лишь на первой из перечисленных стратегий. Местоименная игра, предпринимаемая, например, Р. Кувером в его ставшем хорошо известном рассказе "Quenby and Ola, Swede and Carl [Coover, 1984], может рассматриваться как типичный случай моделирования игровой неопределенности субъектно-объектных отношений. С композиционной точки зрения рассказ построен в характерной для последних лет «фрагментарной» манере: он состоит из графически маркированных отрезков, усиливающих эффект «повествовательного дисконтирума», создаваемого также и местоименной игрой.

In the bow sat Carl. Carl was from the city. He came north to the lake every summer for a week or two of fishing. [ ].

You know the islands are out there, not more than a couple hundred yards probably, because you've seen them in the daylight [Coover, 1984: 150].

Вариативность повествовательной перспективы, то есть переход от объективированного повествования (1-й фрагмент) к повествованию от 2-го лица (2-й фрагмент), сама по себе еще не является манифестацией местоименной игры, так как является достаточно распространенным случаем смены «фокализатора», то есть изменения прагматической перспективы повествования [Гончарова, 1997]. Сложность построения противоречивой картины изображенного возможного мира связана с намеренной актуализацией двух из трех возможных повествовательных уровней изображенной коммуникации, а значит одновременным созданием двух взаимно исключающих друг друга повествовательных перспектив.

При анализе повествования от второго лица обычно выделяют три потенциальные уровни литературной коммуникации [McHale, 1992]:

1) объективированный повествователь (экстрадиегитический нарратор, в терминологии Женетта; экзегетический повествователь по Падучевой) обращается к экстрадиегитическому адресату. Данный случай не представляется достаточно приемлемым в анализируемом рассказе, однако следующие два случая интерпретации местоимения «уош» создают серьезные сложности для иерархизации субъектно-объектных отношений в рассказе;

2) обращение персонажа к самому себе, или одна из разновидностей «внутреннего диалога» персонажа;

3) объективированный повествователь обращается к персонажу, или так называемый риторический прием *apostrophe*.

Если приведенный выше пример соответствует скорее второму случаю, то есть внутреннему диалогу Карла, одного из четырех персонажей рассказа, то в следующем фрагменте не менее вероятным представляется и третий случай – обращение повествователя к персонажу:

The late evening sun gives a gentle glow to the leather. There is something solid and good about Quenby. Most women complain about hunting trips. [ ]. Imagine.

Her hips jammed against the gunwales, your wet bodies sliding together, shivering, astonished, your lips meeting – you wonder at your madness, what an island can do to a man, what an island girl can do.

Использование одной из ключевых лексем рассказа в форме повелительного наклонения *imagine* (ср. *Imagine Quenby and Ola at the barbecue pit*) позволяет предположить, что игра с местоимением “you” актуализирует сюжетодвижение сразу в двух направлениях, создавая неупорядоченный в рамках повествования фикциональный мир: 1) фрагменты, посвященные тайным встречам Карла с женой или / и дочерью Шведа, являются лишь игрой его воображения; 2) Карл в диалогической форме вспоминает «реальные» в рамках изображенного мира события.

Неопределенность, вызванная дейктической игрой, поддерживается также *анафорической игрой*, то есть намеренным созданием амбигуитивности при соотнесении анафорических местоимений 3-го лица (в данном случае местоимение «she») с их антецедентами. Поскольку местоимения 3-го лица не предъясвляют, как правило, никаких синтаксических требований к антецеденту [Падучева, 2002: 133], анафорическая игра иногда рассматривается как особый вид языковой игры на синтаксическом уровне [Коновалова, 2001: 19-20]. Игру с анафорическими местоимениями можно также рассматривать как игровой аспект стратегии персонажной номинации, поскольку местоименная номинация, как известно, является косвенной и представляется крайним случаем обобщения наименования. Во фрагментах, представляющих собой повествование от второго лица, читателю, встречающему только косвенное обозначение одного из двух женских персонажей в рассказе, приходится также «распутывать» и эту загадку, служащую источником объектной неопределенности в тексте.

Местоименная игра в произведении Кувера, таким образом, выполняет сразу несколько функций. Выступая как средство создания субъектно-объектной неопределенности (кто повествует? о ком?),

данная стратегия, несомненно, способствует и созданию пространственно-временной неопределенности. Вопрос о том, следует ли рассматривать моделируемый во фрагментах повествования от 2-го лица хронотоп как возможный в рамках фикционального мира «хронотоп тайных встреч» или только как фантазии одного из героев, остается неопределенным. Актуализируемая алетическая амбигуитивность (по Долежелу) обуславливает неразрешимость в рамках повествования сюжетной напряженности, связанной в рассказе с его детективной составляющей. Произойдет ли убийство, вызванное ночными встречами, встречался ли персонаж с двумя женщинами, одной или не встречался вовсе – ироническое завершение рассказа не позволяет читателю составить непротиворечивую, связную модель изображенного мира. В отличие от «открытых» концовок модернистских произведений высокая степень дейктической неопределенности текста создает явно игровую ситуацию:

Swede, Quenby, Carl, Ola...[ ]. A profound stillness, soon to be broken surely by rain. And, from far out on the lake, men in fishing boats, arguing, chattering, opening beercans. Telling stories. [Coover, 1984: 167]

В заключительном фрагменте рассказа, в последний раз сводящем вместе при помощи перечисления четырех героев рассказа (прием, использованный Кувером на протяжении всего повествования), содержится намек на ироническую «маску» автора, невидимого творца, развлекавшего читателей неприхотливыми «рыбацкими историями». Парцеллированная конструкция в сильной позиции окончания повествования [Telling stories], лексическая единица с положительной коннотацией [chattering], мирный «сценарий» рыбной ловли способствуют «разряжению» эмоционального напряжения, созданию шутивно-иронической атмосферы, одновременно указывая на скрытость модуса существования автора-дирижера.

***

ГОНЧАРОВА Е. А., 1997. Тип повествования – прагматическая перспектива – адресованность художественного текста // *Studia Linguistica* 5. СПб.

ДЫМАРСКИЙ М. Я., 1999. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб.

ЗАТОНСКИЙ Д. В. , 2000. Модернизм и постмодернизм. Харьков, М.

ИЗЕР В., 2001. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте // *Немецкое философское литературоведение наших дней*. СПб.

- ИЛЬИН И. П., 1996. Современное зарубежное литературоведение. М.
- КРИВКО-АПИНЯН Т. А., 1992. Мир игры. СПб.
- КОНОВАЛОВА О. Ю., 2001. Лингвистические особенности игры слов в современном английском языке. АКД. М.
- ЛИПОВЕЦКИЙ М. Н., 1997. Русский постмодернизм : очерки исторической поэтики. Екатеринбург.
- ЛЬЮИЗ Д. Истинность в вымысле. Логос 3 (1999) 13.
- ПАДУЧЕВА Е. В., 2002. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.
- Постмодернизм., 2001. Энциклопедия. Минск.
- РУДЕНКО Д. И., ПРОКОПЕНКО В. В., 1995. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20 века. М.
- СТЕПАНОВ Ю. С., 1998. Язык и метод. М.
- ЩИРОВА И. А., ТУРАЕВА З. Я., 2005. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб.
- COOVER R., 1984 Pricksongs and Descants. N.Y.
- MCHALE B., 1992. Constructing Postmodernism. N.Y.

И. А. Щирова

НАУКА О ТЕКСТАХ, ТЕОРИЯ ТЕКСТА, ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА

Статус лингвистики текста оценивается неоднозначно. Обычно она рассматривается как часть общих междисциплинарных наук – *теории текста* или *науки о текстах*. Эти термины также допускают разночтения. Энциклопедический словарь «Языкознание» определяет теорию текста как филологическую дисциплину, которая обладает собственным онтологическим статусом, но характеризуется множественными междисциплинарными переключениями. Теория текста возникает во второй половине XX века на пересечении текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики, семиотики и герменевтики. Подобно семиотике, она охватывает любые знаковые последовательности, но обращается преимущественно к вербальному тексту, изучая его с позиций связности и цельности, в том числе с целью выявления явных и неявных текстовых смыслов на всех языковых уровнях. Методами теории текста декодируются содержательные структуры текста, авторское отношение к ним и авторские намерения.

В рамках этой же дисциплины ставятся вопросы о месте в тексте или в его совокупностях отдельных понятийных категорий или реалий (Ср. пространство, время, человек и т. д.), решаются (неоднозначно) вопросы значимости для интерпретации культурно-исторических оценок эпохи, которой принадлежит текст и т. д. [Языкознание, 1990: 508]. Исходя из данной энциклопедической информации, можно сделать вывод о том, что задачи теории текста, обусловленные его спецификой как сложного системного объекта, включают задачи лингвистики текста как более частные.

Однако термин «теория текста» может наполняться и иным понятийным содержанием. Например, Г. Плетт [Plett, 1975] называет так лишь одну из областей более общей науки о текстах, в состав которой, по его мнению, также входят прикладная наука о текстах и анализ текста. К теории текста причисляются теоретическая лингвистика, теория литературы и теория стилей, к прикладной науке о текстах – прикладная лингвистика, методология и стилистика, к анализу текста – лингвистика текста, интерпретация литературы и анализ стиля. В работах ван Дейка [Dijk 1980] термин «наука о текстах» обозначает междисциплинарную науку, интегрирующую такие самостоятельные научные направления, как теология, история, юриспруденция, социальная и когнитивная психология, литературоведение и лингвистика. В рамках лингвистики, в свою очередь, выделяются грамматика текста и прагматика текста, и далее, в рамках грамматики текста, – синтаксис текста и семантика текста [цит. по Филиппов 2003: 13–14]. Дисциплины, отнесённые ван Дейком к «науке о текстах», рассматривают текст под разными углами зрения и, соответственно, ставят перед собой различные цели. Когнитивная психология изучает ментальные состояния и процессы, характеризующие поведение человека в отличие от иных живых существ; к этим процессам относятся процессы порождения, восприятия и понимания речевых форм, а значит, и текста. Телеология, объявляя центральной проблемой проблему богопознания и считая, что через Слово Бог сообщает человеку знания о себе, обращается к религиозным каноническим текстам, выявляет в рамках того или иного вероучения сакральные тексты и описывает их как «тексты откровения». Юриспруденция интерпретирует юридические тексты. Социальная психология исследует отношения между текстовыми структурами и их воздействием на знания, мнения и действия индивидов, групп и сообществ людей.

На основании сказанного можно сделать следующий вывод: исследователи признают правомерность выделения «особой науки», которая бы занималась проблемами текста «во всей их многогранности»

(Адмони) и интегрировала знания о тексте, выработанные отдельными научными направлениями, но расходятся во мнениях том, как следует её называть. Неоднозначно трактуются и контуры соотносимого с этой наукой исследовательского поиска. Наиболее удачным, но не приемлемым в силу ангажированности признают термин «текстология» (ср., например, [Адмони, 1988; Карасик, 2004]), возможным, но не удачным из-за искусственности звучания – термин «текстика» [Адмони, 1988]. Помимо этих именовании, можно упомянуть «филологический анализ текста» – «новую интегральную научную дисциплину, формирующуюся на базе достижений лингвистики текста» [Бабенко, Казарин, 2003: 11]. По поводу термина «лингвистики текста» мнения не совпадают. Например, В. Г. Адмони убеждён, что это название *игнорирует «исключительно сильное» влияние факторов, входящих за пределы лингвистики*. Текст, – настаивает Адмони, – «в высшей степени многообразная, закреплённая в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики». Он строится на языковом материале, но обладает собственными закономерностями, является «специфическим образованием внутри языковой стихии», а поэтому наука о тексте не должна превращаться в «пролонгированную лингвистику». Она должна предполагать более широкий концептуальный охват [Адмони: 1988: 209–212]. Такая точка зрения представляется вполне понятной, хотя, по-видимому, и может быть уточнена с учётом современных научных реалий. Они же заставляют воспринимать «лингвистику текста» широко (ср. у И. В. Арнольд: «...лингвистика текста или, как её ещё называют, теория текста») [Арнольд 1999: 203]), причиной чему служит экспансионизм самой лингвистики. Трудно игнорировать и многочисленные публикации последнего времени, решающие частные задачи, но именующие себя теориями текста.

«Надгробное слово чистой лингвистике» произнесли несколько десятилетий назад. Сегодня интегральный подход к тексту объявляют объективной необходимостью, объясняя её невозможностью описать текст на одном основании. Этот выход за пределы единой предметности соответствует общим стратегиям научного развития. Знания, раздробленные по дисциплинарным областям, оказываются неадекватными для решения сложных проблем. Как следствие, некоторые из дисциплин объединяются, дисциплинарные границы размываются, а когнитивные схемы переносятся из одной дисциплины в другую.

Принципы многомерности утверждают себя в человеческом познании и в иных формах. В качестве частного примера усложнения

проблематики, составляющей круг интересов исследователей текста, можно сослаться на изучение креолизованного текста – лингговизуального феномена», в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее комплексное, прагматическое воздействие [Слышкин, Ефремова, 2004: 14]. Подробный анализ сложной организации креолизованного текста предложен Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой в монографии «Кинотекст» [Op. Cit]. Исследователя-лингвиста, однако, в первую очередь, интересует вербальный текст и формирующие его основы слова общенародного языка. Вопросы о том, какие изменения претерпевают эти слова в «как бы мире» текста, неизменно выступают предметом научных дискуссий, хотя обычно и не получают однозначных ответов. Это подтверждается самим фактом существования множественных теоретических построений по поводу текстовой организации и объясняется рядом причин: асимметрией языкового знака, действенной по отношению к тексту и метатексту интерпретации, изменчивостью ракурса рассмотрения текста каждым отдельным исследователем и пр. Все эти причины лишь подтверждают общепризнанную сложность текста. Как и любые иные теории, теория текста не может уложиться в рамки идеальных моделей всё богатство эмпирического материала и сосредотачивается на его наиболее существенных признаках. Кроме того, вопрос о природе и происхождении текста связан с вопросами природы и происхождения человека и человеческого языка. Теории же, относящиеся к этой области знания, справедливо замечает Ю. С. Степанов, являются скорее гипотезами: их «нельзя ни непосредственно наблюдать, ни воспроизвести в эксперименте» [Степанов 1975: 161].

Сказанное не означает, что исследователь текста не должен стремиться к его познанию, – вхождение человека в эпоху ноосферы воздаёт должное человеческому разуму. Вместе с тем реальности, как и обусловленные ими проблемы, становятся сегодня всё более «глобальными, транснациональными, полидисциплинарными, многомерными и планетарными» [Морен 2004: 10]. Выходом из сложившейся ситуации является принципиальное признание сложности проблем и осмысление их на основе стратегий, учитывающих эту сложность. Об очевидности осознания сложности проблемы текста, помимо упомянутых частных аспектов, говорит принципиальный отказ от попыток свести его описание к описанию отдельных сторон или функций как изолированных. Текст понимается как иерархическое единство высшего ранга, многоаспектное, многомерное и многофункциональное

системное образование, в котором сочетаются характеристики сложного знака и коммуникативного целого.

В современной теории текста утверждают себя множественные концепции, осмысляющие текст достаточно широко. Расходясь в понимании того, чьё именно сознание (автора или читателя) определяет целостность текста, исследователи, с учётом приоритетов современной науки, как правило, акцентируют динамические процессы языковой коммуникации и когнитивную деятельность коммуникантов. Категории текста трактуются не как имманентные текстовые свойства, а как репрезентируемые языковыми средствами и зависимые от интерпретативной ситуации когнитивные параметры, что не девальвирует понятие текстuality, – ведь постулируя конститутивные свойства текста, мы а priori признаём его уникальность и необходимость выделения в качестве самостоятельного объекта исследования. Вместе с тем, правомерная обусловленность категорий работой сознания, на которой настаивают исследователи, предопределяет понимание текста не как «мёртвого» хранилища знаний, а как потенциального и, с *этой* точки зрения, «живого» носителя значений. Являясь результатом процесса текстопорождения и материальным объектом, текст закрепляет авторские смыслы и гарантирует процесс текстовосприятия, в ходе которого они актуализируются.

Широкому видению текста закономерно соответствует широкое понимание интертекстуальности, которое уточняется сегодня на основе коммуникативно-когнитивных представлений о тексте. Включение текста в новое культурное поле и бесконечность обновления текстовых смыслов в новых контекстах находят отражение в разнообразных культурологических и психоаналитических моделях, сравнивающих восприятие произведения разными реципиентами. Сложность феномена интертекстуальности закреплена в её трактовке как онтологического свойства текста, каждый элемент которого находится в разнообразных смысловых переключках с иными текстами; область функционирования интертекстуальности, т. о., охватывает практически любое взаимодействие «своего» и «чужого» (ср. каноническую формулу Барта «Каждый текст есть интертекст»). Сошлёмся на некоторые из последних по времени исследований в этой области.

Н. В. Петрова [2005], апеллируя к интертекстуальности на уровне композиции, обнаруживает в ней «универсальный семиотический закон», «общий механизм текстообразования». Интертекстуальность соотносится с памятью культуры, которая, вслед за Ю. М. Лотманом, осмысляется как сложный, иерархически организованный текст. Текстовое пространство – совокупность ранее созданных вербальных и

невербальных текстов, благодаря своей способности накапливать семиотический опыт, объявляется источником текстопорождения. Корреляция этого тезиса с признанием интертекстуальности универсальным семиотическим законом очевидна и свидетельствует о закономерности включения сложного феномена интертекстуальности в глобальный и многомерный культурный контекст.

Широкое понимание интертекстуальности демонстрирует С. В. Ионова [2006]. Важность изучения процессов вторичного текстообразования, к которым обращается Ионова, подтверждается характером нашей эпохи, – в ней отчётливо заявляет о себе «эстетика повторения» (Эко). Поскольку вторичный текст создаётся путём преобразования текста-основы и предполагает по отношению к нему определённую степень приближенности содержания, аппроксимация объявляется конститутивным свойством вторичных текстов. В соответствии с выполняемой ими функцией, выделяются четыре типа вторичных текстов (ВТ): 1) имитационные ВТ воссоздают элементы формы или содержания при изменении семантической структуры первичного текста (ср. стилизация, пародия); 2) репродуктивные ВТ воспроизводят семантическую структуру первичного текста с разной степенью развёрнутости (ср. конспект, реферат); 3) интерпретативные ВТ преобразуют текст-основу в соответствии с позицией автора (ср. комментарий); 4) адаптирующие ВТ приспособляют текст к новым дискурсивным условиям (ср. научно-популярная статья или текстовая версия для детей). Все вторичные тексты трактуются как «интертекстуальное явление парадигматического типа». [Ионова 2006: 2, 16–18].

Исследовательский интерес к категории аппроксимации показателен. Он служит косвенным признанием сложности текста и, как следствие, необходимости его широкого понимания. Неоднозначность текста, наличие в нём «непричастного никакой культуре и... доступного лишь импрессионистическому вчувствованию, а не точному анализу» [Лотман 1998: 285], различие языкового, интеллектуального, эмоционального и эстетического опыта автора и читателя, принадлежащих конкретному культурному контексту, программируют множественность интерпретаций текста. Те же факторы предопределяют неизбежную сложность изучения текста и его категорий, – их нежесткий характер заставляет исследователя, к тому же неспособного избавиться от ипостаси интерпретатора, демонстрировать гибкость теоретических и методологических подходов. Понятийно-терминологический аппарат когнитивно-дискурсивной парадигмы представляет с этой точки зрения очевидные преимущества. Гуманитарные знания давно переместились из области абсолютных истин в коммуникативное про-

странство диалога, превратив интерпретатора в знаковую фигуру времени. В когнитивной философии, претендующей на статус «теоретического фундамента» когнитивных наук, истина оценивается не с позиций объективности, а с позиций эвристической полезности: решающим фактором в её определении признаётся собственное мировоззрение человека, основанное на индивидуальности ментальных репрезентаций. В сложившейся интеллектуальной ситуации исследователи обращаются к понятиям, способным заполнить лакуны в нечётко структурированных знаниях. Аппроксимация, которую связывают с генетически присущей индивиду способностью устанавливать связи на основе сходства и подобия и традиционно используют для описания приблизительного знания в математике, философии, социологии и лингвистике, является одним из таких понятий. В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы аппроксимация разрабатывается как понятийная категория, а её языковые маркеры трактуются как репрезентанты сложной концептуальной структуры.

Итак, сегодня, когда картезианское разграничение объективного хода событий и его отражения в сознании перестало служить стратегическим ориентиром в понимании научных реалий, наука о тексте развивается в русле антропоцентричных парадигм научного знания. Переосмысливаются сами понятия текстуальности и текстовых категорий. Базой для формирования новых подходов к тексту становится признание значимости «человеческого фактора» в языке и обусловленная им критика структурного описания текста как герметичного самодостаточного образования. Всё это указывает на влияние, как писал Вернадский (хотя и по отношению к философии) «сил человеческой души». Поскольку стратегии познания текста определяются общими стратегиями научного познания, сам текст, вне зависимости от того, в рамках какой из наук о тексте мы его обсуждаем, должен осмысляться как сложное явление, часть глобального, многомерного и неоднозначного контекста. Любые жёсткие и категоричные оценки по отношению к тексту исключаются природой человека, которая неизбежно выступает основой для любых оценок.

***

АДМОНИ В. Г. , 1988. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.

АРНОЛЬД И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Спб.

БАБЕНКО Л. Г., Казарин Ю. В., 2003. Лингвистический анализ художественного текста. М.

- ИОНОВА С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Автореф... канд. филол. наук. Волгоград.
- КАРАСИК В. 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.
- ЛОТМАН Ю. М., 1998. Об искусстве. Спб.
- МОРЕН Э., 2004. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.
- ПЕТРОВА Н. В., 2005. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования» (на материале англо-американских коротких рассказов). Дис. ...д. филол. н. Волгоград.
- СЛЬШКИН Г. Г., ЕФРЕМОВА М. А. , 2004. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. М.
- СТЕПАНОВ Ю. С., 1975. Основы общего языкознания: Учебное пособие. М.
- ФИЛИППОВ К. А, 2003. Лингвистика текста. Спб.
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ, 1998. Большой энциклопедический словарь. М.
- DIJK T. A. van, 1980. Textwissenschaft. Munchen.
- PLETT H. F, 1975. Textwissenschaft and Textanalyse. Semeotik, Linguistik, Rhetorik. Heidelberg.

Е. В. Яковлева

ИНДЕКСАЛЬНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ И ТРАНСПРЕДИКАТИВНОСТЬ

Настоящая статья посвящена анализу некоторых особенностей индексальной референции, причем для описания используется теория психосистематики Г. Гийома [Гийом, 1992].

Референция, при создании которой основную роль играют местоимения, называют индексальной, при этом, с одной стороны, «тип референции предопределен типом местоименного референциального показателя» [Шмелёв, 2002: 32], а с другой – характерными особенностями местоимения как части речи. К таким общим характерным чертам местоимений в первую очередь относится транспредикативность. Представляется, что данный термин, широко использующийся работах, выполненных в рамках теории психосистематики, все же требует уточнения, хотя бы в самых общих чертах.

В теории психосистематики части речи делятся на предикативные (существительное, глагол, наречие, прилагательное), непредикативные (предлог, союз, отрицание) и транспредикативные (артикуль, местоимение, вспомогательный глагол). При этом отмечает-

ся наличие взаимосвязи между частями речи, которая обусловлена разнообразными причинами (генетически и системно). Противопоставление частей речи по характеру предикативности базируется на следующих критериях: (1) по механизму образования; (2) по характеру лексической составляющей; (3) по степени зависимости от контекста. Таким образом, для местоимения, как транспредикативной части речи, характерны следующие черты: значительная зависимость от контекста, своеобразная лексическая «опустошенность», (которая не должна пониматься как отсутствие семантической составляющей) и способность ряда местоимений «перенимать», как бы повторять грамматические и лексические черты других частей речи. Эти черты позволяют местоимению играть важную роль для осуществления референции. Покажем это явление, анализируя механизм референции с участием указательных местоимений (УМ).

Нами выделяются несколько подвидов индексальной референции: анафорическая, идентифицирующая (в рамках номинативных групп), специфическая интродуктивная и прямая дейктическая (в рамках устного дискурса). Кроме того, мы различаем референтные и нереферентные употребления.

При идентифицирующей референции транспредикативность проявляется в том, что выражения, содержащие УМ, заставляют адресата искать соотносимый элемент в предшествующем фрагменте текста. Отсюда очевидно, что идентифицирующий тип референции, как правило, используется при вторичном упоминании.

Словосочетание (*estos perros*), содержащее УМ, или самостоятельное функционирующее УМ (*éste*) уже заранее предполагают наличие некоторого предшествующего контекста, в котором существительное *perros* уже было введено в контекст рассмотрения. Восклицание *¡Estos perros de mierda! – gritó – ¡Que los maten! Эту мерзкую собаку! Пусть их убью!* [Márquez, 1981: 97] воспринимается вне контекста как странное и незавершенное, поскольку использование УМ требует соответствующей опоры на контекст. Эта опора содержится в предыдущем тексте: *...Además, los perros alborotados por el olor de la muerte aumentaban la zozobra. No habían dejado de aullar desde que yo entré en la casa ...* [Márquez, 1981: 96]. Отметим, что в данном случае для первичного введения существительного *perros* используется определенный артикль в типичной для него функции интродуктивной референции. Можно сопоставить референциальное значение артикля и последующего УМ. При помощи артикля референт вводится в денотативное пространство и получает следующие харак-

теристики: референт является определенным, известным говорящему. Иной характер имеет идентифицирующая референция, создаваемая при помощи УМ.

С одной стороны, местоимение повторяет грамматические категории, свойственные существительному, с которым оно соотносится, а, с другой стороны, вся информация, которая относилась к этому существительному, “наследуется” местоимением и служит логичным объяснением для возникновения восклицания, которое употребляется. Транспредикативность здесь проявляется и как способность к “наследованию” информации, и как возможность соотнесения с другой частью речи.

Аналогична ситуация с УМ, функционирующим самостоятельно, УМ *éste* соотносит нас с предшествующим контекстом: *Él parecía feliz con su padre hasta que éste murió de repente* [Márquez, 1981: 14]. В данном случае мы сталкиваемся с анафорическим типом референции.

Таким образом, словосочетание *estos perros* или местоимение *éste* ощущаются как нечто вторичное и повторное, нуждающееся в семантическом объяснении и дополнении. Инцидентия УМ может быть внутренней (*éste*) или внешней (*estos perros*), в любом случае транспредикативность предполагает наличие соотносимого компонента и соответствующего контекста. Кроме того, наличие соотносимого компонента создает возможность повтора некоторых семантических и грамматических характеристик антецедента (в наших примерах рода и числа).

Как уже отмечалось, УМ, как правило, не используется в абсолютном начале текста. Появление подобного словосочетания сигнализирует об особом стилистическом приеме, о наличии своеобразной референции к знаниям адресата. Между тем, мы наблюдаем использование такого типа референции в латиноамериканской современной прозе. В следующем фрагменте указательное местоимение появляется в начале романа современной чилийской писательницы И. Альенде *El Zorro*:

Ésta es la historia de Diego de la Vega y de cómo se convirtió en el legendario Zorro [Allende, 2005 : 7].

В данном случае при помощи такого начала автор, представляя свою версию приключений знаменитого персонажа, подчеркивает его легендарность и известность для читателя. Кроме того, возникает намек на стандартные сказочные зачины. Читателю предстоит сравнить то, что ему предстоит прочитать с тем, что он уже знает. Таким образом, чита-

тель все же не находится в абсолютном начале, поскольку имеет «стандартную» версию о приключениях и подвигах протагониста.

Приведенные случаи референтного употребления противопоставляются случаям нереферентного использования, при которых изменяется качество транспредикативности.

(1) *Tienes razón – dijo el Pelirrojo, señalando a Montezuma.- Éste resulta un personaje más nuevo* [Carpentier, 1987: 77]. *Ты прав, сказал Рыжий, указывая на Монтесуму. Этот кажется более новым персонажем.*

(2) *¿Qué es esto, pregunté? Diego se encogió de hombros: “Un sobre me han dado en recepción”* [Montero, 2005: 145]. *“Что это такое?”, спросила я. Дьего пожал плечами. “Этот конверт мне дали на стойке”.*

В примерах УМ имеют статус референтных: местоимение имеет соотнесение с конкретным референтом, на который они указывают и который они замещают: *éste = Montezuma, esto = un sobre*. В первом примере референция определенная, причем явно прослеживается дейктичность, т. к. идея указания подкрепляется лексическими средствами, которые подразумевают наличие жеста (*señalando*). Такой тип референции является идентифицирующим, позволяющим выделить референт на фоне других. Идентификация подразумевает фокусирование, фиксацию внимания на некотором элементе, который находится в денотативном пространстве.

Хотя в примерах местоимения используется референтно, между ними имеется различие, т. к. характер референции неодинаков. В примере (1) референция носит определенный характер, в примере (2) неопределенный. Определенность обусловлена тем фактом, что референт уже известен говорящим, он был введен в фокус рассмотрения в предыдущем предложении.

В примере (2) неопределенность референции связана с характером высказывания, которое представляет собой вопрос. Такой тип нами рассматривается как неспецифическая неопределенная референция. Для создания такого рода контекстов важным является наличие вопроса, гипотетичности, побуждения, иными словами, речь идет о разнообразных контекстах, в которых отсутствует утвердительность. Подчеркнем, что в примерах 1 и 2 имелся референт и соответствующее им местоименное слово.

Для нереферентных употреблений различаются несколько речевых ситуаций, которые объединяют три момента:

- а) отсутствие указания на конкретный соотносимый референт;
- б) необходимость дополнительной интерпретации предложения;
- в) наличие отсылки к знаниям адресата.

(3) Era un señor que me gustaba mucho y eso [Madrid, 429]. Это был господин, который мне очень нравился, ну и все такое.

Очевидно, что в высказывании (3) отсутствует как определенный, так и неопределенный референт, с которым бы соотносилось УМ eso, отсутствует также и дейктическая составляющая. Подобные употребления носят нереферентный характер. Однако, будучи словом транспредикативным, местоимение нас соотносит с общей ситуацией, заданной контекстом, в частности, в данном высказывании основное направление поиска связано с глаголом *gustar*. При этом имеется отсылка к общему фонду знаний слушающего, который должен дополнить недостающие элементы в соответствии с собственным пониманием ситуации. Иначе говоря, слушающий должен представить себе то, как люди себя ведут в подобном положении и соответствующим образом «дополнить» семантическую составляющую УМ eso. При подобном нереферентном использовании УМ приобретает особое значение прагматическая составляющая, причем все выражение ощущается как устойчивое, т. к. отсутствует живая и явная связь с референтом.

Очевидно, что при нереферентном использовании в связи с отсутствием дополнительной лексической составляющей, позволяющей дополнить значение местоимения, оказывается особо значимым прагматический компонент. Значения, невыраженные явно в контексте, но на которые намекает автор высказывания, возникают в результате дополнительных мыслительных операций. В следующем примере читатель должен догадаться, какой референт скрывается за aquello, поскольку ни ближайший, ни предшествующий контексты не содержат соотносимого компонента:

(4) era vino con poso, ... vino de jeringa, vino bueno para lavarse aquello, para ... [Carpentier, 1987: 14].

Очевидно, что автор, не желая называть табуированный референт, использует УМ, тем самым, заставляет читателя самостоятельно заполнять лауну, основываясь на собственных знаниях.

В случаях референтного использования имеется отсылка к соответствующему элементу текста или прямое указание на элемент реальной действительности (например, при помощи жеста в рамках устной коммуникации). При нереферентном употреблении имеет место соотношение с фондом знаний говорящего и слушающего. Транспредикативность УМ при нереферентном употреблении может рассматриваться двояко, исходя из двух различных позиций. Для говорящего транспредикативность – это наличие в языке такого слова, которое, не называя непосредственно предмет, заставит слушающего (читающего) строить догадку. Для слушающего

транспредикативность представляет собой сигнал о необходимости осуществлять поиск соотносимого компонента, обращаясь к общему фонду знаний.

Транспредикативность УМ проявляется в необходимости дополнительной семантической информации. Для этого слушающий либо обращается к контексту и находит соответствующий соотносимый компонент (референтные употребления), либо находит дополнительную информацию в соответствии с собственной пресуппозицией, знаниями о мире и т. п. В любом случае обнаруживается необходимость дополнительной мыслительной операции. В результате референция, основанная на транспредикативности УМ, служит для связи элементов текста и возможности быстрого продвижения по тексту.

В случаях нереферентного употребления транспредикативность лежит в основе разнообразных явлений, например, намека.

***

ГИЙОМ Г., 1992. Принципы теоретической лингвистики. М.

ШМЕЛЁВ А. Д., 2002. Русский язык и внеязыковая действительность. М.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ALLENDE I., 2005. El Zorro. Comienza la leyenda. Buenos Aires.

CARPENTIER A., 1987. Concierto barroco. La Habana.

EL HABLA CULTA DE MADRID. 1983. Madrid.

GARCÍA MÁRQUEZ G., 1981. Crónica de una muerte anunciada. Bogotá.

MONTERO R., 2005. Amantes y enemigos. Cuentos de parejas. Buenos Aires.

СЛОВО И ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

А. Л. Афанасьева

КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ЛЕКSIКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Проблеме культурной составляющей лексических единиц в настоящее время уделяется все больше внимания [Русское Культурологическое Пространство, 7].

В данном исследовании рассматривается культурная составляющая лексики в произведениях французских писателей XX века – Мориака, Саган и других.

Выделены культуемы различных типов – зооморфные (основанные на образах животного мира), а также культуемы, опирающиеся на прецедентные имена и прецедентные ситуации.

Культурные коннотации шире представлены у Мориака, чем у Саган, что обусловлено различием кругозора этих писателей. Но в произведениях обоих авторов присутствуют зооморфные культуемы, что свидетельствует об их широкой распространенности во французском языке.

Прослеживаются некоторые общие закономерности.

1. В контекстах реализуются лишь отдельные значения лексем.

Лексема *chat* «кошка» используется при уподоблении человека тощему животному – драной кошке: “*sa longue échine de chat maigre était d’un adolescent*” [Mauriac, 245]. В другом контексте один из синонимов лексемы *chat* фигурирует в значении «дамский угодник»: “*Une femme sachant que le premier minet venu s’assiérait à sa table*” [Mauriac, 174].

2. Использование культуем может сопровождаться распространением данного образа.

Так, *régner* в значении «властвовать» сопровождается образами «царства» – *goûaume* – и «регента» («регентши») – *régente*.

Изображение несчастного ребенка как зайчишки сопровождается введением слов *gîte* «убежище», *débusquer* «выгонять из леса, из логовища», *tapir* «съежиться, притаиться, забиться»: “*Le petit lièvre débûsqué de son gîte désespérait s’y tapir encore*” [Mauriac, 331].

Ассоциация погребенных мертвецов с подземными животными – кротами приводит к сравнению могильных холмиков с кучами вырытой кротами земли: “*Les morts, ses taupes humâmes, dont la présence se manifeste par petits monticules*” [Mauriac, 253].

3. Качественное восприятие культурем приводит к образованию дериватов с производными значениями.

Ange «ангел» как образ чистого и доброго человека дает производное *angélique* «ангельский»: “Vous, vous êtes un ange...Les filles n’aiment pas les garçons angéliques” [Mauriac, 321].

Античный образ Медузы, мифического существа, взгляд которого обращает человека в камень, порождает глагол *méduser* «ошеломлять».

Зооним *âne* «осел» обозначает глупого человека, отсюда *ânerie* «глупость»: “S’il avait fait des âneries, il aurait sûrement beaucoup de choses à dire” [Sagan, 174].

От наименования мифологического существа фавна образуется прилагательное *faunesque* «чувственный»: “Ce que je ressentis alors ne fut pas un désir...faunesque. Non, les petites filles ne me donnent pas encore de mauvaises pensées” [Mauriac, 386].

Качественное осмысление прецедентных имен приводит к совместному употреблению их рядов с культурологической семантикой. Так, общее значение «сказочности» объединяет лексемы в следующем контексте: “Qu’aurais – je tenté, pour Donzac, depuis que je rédige ce journal, que de lui proposer une vue imaginaire de Maltaverne, aussi ir-réelle que la Belle, la Bête, que Riquet à la houppe?” [Mauriac, 369].

Образ властной женщины делает синонимами имена Агриппины и Гофолии: “Je l’ai vu, toi, Alain, ton visage d’ange m’est apparu, s’est détaché de cette grande figure impérieuse d’Agrippine, d’Athalie” [Mauriac, 376].

4. Некоторые культуремы, употребленные в их основном значении, используются как средство датировки событий и характеристики персонажей:

Датирует событие снимок, выполненный известным фотографом Надаром: “Père, il ne restait de toi, accroché au-dessus du lit de man, que ta photographie agrandie par Nadar” [Mauriac, 330].

Праздник святого Мартина является знаком поздней осени: “Le plateau du déjeuner, les rideaux tirés sur un pâle soleil d’été de la Saint-Martin, ne réveillèrent pas le même garçon désespéré” [Mauriac, 335].

Упоминание Вердена характеризует учителя как участника первой мировой войны: “Cet instituteur, ce rescapé de Verdun, comment recevrait-il la vieille baronne?” [Mauriac, 230].

Реакционер, старик де Лассю оказывается одним из версальцев, разгромивших Парижскую коммуну, причем он осуждает всех парижан, считая их коммунарами: (Le vieux) avait fait le coup de feu dans les

rangs des Versaillais. Pour lui, Paris était toujours les communards' [Mauriac, 290].

5. Литературные образы характеризуют определенные особенности людей или событий.

Так, сравнение с Квазимодо рисует горбуна: "Balège, le commis bossu, habitait le quartier Saint-Genis... Mais lui aussi, ce Quasimodo, Marie l'occupe" [Mauriac, 341].

Геркулес традиционно символизирует сильного человека: "Adolphe Duros, qui à vingt ans et qui est pareil à Hercule, tel qu'il est reproduit dans mon histoire grecque" [Mauriac, 278].

Папаша Горио выступает как тип буржуа, оценивающего человека по его имущественному положению: "Elle me jugeait selon l'échelle de valeurs qui avait cours chez les siens: la même que celle du père Grandet. Rien n'a changé en France depuis Balzac; "Un pauvre être" voilà ce que j'étais pour maman en dépit de toutes mes lectures" [Mauriac, 344].

Античный лабиринт дает образ запутанных улиц: "Je me serai encore crevé dans le dédale de ces quartiers sinistres" [Mauriac, 235].

Евангельский левит иронически типизирует священника: "Où est-il maintenant, ce petit prêtre? Du désespoir de ce lévite, à peine sorti d'une adolescence attardée, elle n'avait jamais très bien compris les raisons secrètes" [Mauriac, 235].

Переносные значения топонимов могут опосредованно характеризовать персонажей. Жесткий догматизм мадам Донажак определяется как «испанская религия» в память о средневековой инквизиции в этой стране: "Simon lui avait retracé (le tableau) de mon enfance scrupuleuse, de ma mère et de sa religion espagnole" [Mauriac, 341].

6. Очень характерно эмоциональное использование зоонимов и даже «плантонимов». С одной стороны, это ласкательные слова: "L'unique Fräulein couvait d'un amour quasi charnel son poulet, son canard" [Mauriac, 233]. "Pauvre chou! Il comprend plus de choses que nous ne pensons" [Mauriac, 241].

Вместе с тем наблюдается и употребление этих имен в отрицательном значении. Противопоставление того и другого эмоционального значения ярко выступает в драматическом эпизоде из «Подростка»: "Elle était devenue aussi différente de la petite fille que nous appelions le Pou qu'un papillon l'est d'une chenille" [Mauriac, 391]. Здесь происходит преобразование невзрачного ребенка в прелестную девушку, подобное превращению неприятной гусеницы в прекрасную бабочку.

7. Прецедентные ситуации раскрывают ситуацию в тексте. Так, появление в Париже человека в провинциальной одежде уподобляется

ситуации Люсьена да Рюбампре из «Утраченных иллюзий»: “Tu te souviens de ce qu’il en a cuit au pauvre Lucien de Rubempré de débarquer à Paris habillé comme à l’Angoulême” [Mauriac, 405].

При этом источником прецедентных ситуаций могут быть произведения из широкого круга произведений мировой литературы.

Порабощенность арендаторов семейства Донжак уподобляется положению русских мужиков, угнетаемых мелким помещиком: “Ils lui étaient soumis comme les petits moujiks aux petits boyards au temps du servage” [Mauriac, 371].

Различные способы свести счеты с жизнью сопоставляются при упоминании Анны Карениной и Офелии: “Je me savais sans courage devant la fin d’Anna Karénine, mais non devant celle d’Ophélie” [Mauriac, 385].

Лесной царь (Erlkönig) из баллады Гете упомянут в ситуации, противоположной гетевской: у Гете лесной царь вырывает ребенка из рук отца, тогда как у Мориака вслед за ребенком погибает и отец: “Ce n’est pas le roi des aulnes qui poursuit le fils dans une dernière chevauchée, mais l’enfant lui-même qui entraîne son père découronné et insulté vers l’eau endormie de l’écluse” [Mauriac, 268].

8. Столкновение первичного и культурологического значения обуславливает выразительность ситуации у Мориака. Для взрослых учитель представляется красным, чуть ли не коммунистом. А ребенок, не понимая политического смысла прилагательного, воображает, что речь идет о цвете в основном значении: “Dites, maman, c’est un rouge, cet instituteur?.. Guillaume imaginait cet homme rouge, barbouillé de sang de boeuf” [Mauriac, 232-233].

Использование культурем сообщает некоторую универсальность трактовке литературных образов.

***

РКП: Русское культурологическое пространство.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ., 2004. М.

MAURIAC, F. LE SAGOUIN. Un adolescent d’autrefois., 1975. М.

SAGAN, F., 2006. Un peu de soleil dans l’eau froide. М.

КОНЦЕПТЫ «WORK» И «JOB» КАК КОНСТАНТЫ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Концептосфера современного английского языка США, как и концептосфера любого развитого языка, широка и многообразна. Она включает в себя концепты, различные по степени абстракции. В ней присутствуют, например, такие ценностные концепты как «успех», «мечта», «идеализм», «благотворительность» и др. В последние десятилетия большую дискурсивную активность приобрели концепты «diversity» и «community», включающие в себя квинтэссенцию американской социальной философии.

Концепты, представленные в данной работе, характеризуются большей конкретностью. Эти концепты представлены лексемами, характеризующимися высокой степенью рекуррентности, в первую очередь, в художественных текстах. Их актуальность для современного американского дискурса подтверждается материалами публицистического и информационного характера. Мы рассматриваем на примере отобранных лексических единиц и представленных ими концептов ценности реальные, то есть те, которыми люди руководствуются в повседневной жизни и которые выражены в материальном коде культуры.

По мнению О. А. Корнилова [Корнилов, 2003], знание национально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов – это составная часть когнитивной базы любого социума, объединённого общим языковым сознанием.

Центральность позиции концепта в концептосфере национального языка определяется его присутствием в фольклоре, мифологии, литературе и других формах национальной культуры а также его дискурсивной активностью, т. е. частотностью употребления в различных типах дискурса. В современной когнитивной лингвистике утвердилось представление о полевой организации структуры концепта. Когнитивные компоненты, представленные в его словарной дефиниции соотносятся с ядром концепта, а контекстуальные репрезентации смысла образуют его периферию.

Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, можно, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка: «Чтобы очертить концепт в национальном сознании народа, необходимо суммировать все его семемные и семные репрезентации в языке

и текстах и на основе этого сделать вывод о его содержании и возможной структуре» [Попова, Стернин, 2003: 89]. Следует, однако, отдавать себе отчёт в том, отмечают вышеуказанные исследователи, что это всегда будет лишь часть концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью, поскольку он является нежёстко структурированной единицей и результатом индивидуального опыта.

В данной работе мы попытаемся максимально полно представить когнитивное содержание отобранных для анализа концептов, используя следующие информационные блоки: этимология, принадлежность к концептуальному домену, объём лексического значения в соответствии со словарной дефиницией, данные культурологических словарей (там, где это возможно), контекстуальные признаки. Рассмотрим в соответствии с предложенной логикой концепты *work* и *job*:

WORK – [ME *werk*, *work*, fr. OE *werk*, *weork*, *work*, akin to OHG *werk*, *werah*, *work*, ON *verk*, Gk *ergon*, *erdein*, *rhezein* to do, make sacrifice]. По данным Концептуального Словаря Английского Языка [CDE] лексическая единица «work» возглавляет домен «work», который характеризуется следующим образом: перечисление видов работ и деятельности, требующей значительных затрат энергии. Включает в себя следующие идеи: строительство и производство; ручные инструменты и место работы (*jobs*); усилие и труд.

В соответствии со словарными дефинициями английского (Hornby's) и американского (Webster's) словарей к ядерной зоне концепта относятся следующие когнитивные компоненты: определённые виды деятельности, требующей приложения силы или использования инструментов и приспособлений; физическое или умственное усилие, направленное на достижение цели или результата; трудовые обязанности, обеспечивающие средства к существованию; напряжённая деятельность, сопряжённая с преодолением трудностей и отсутствием удовольствия. Разница между составом основных значений лексемы «work» в английском и американском словарях незначительна, но, тем не менее, отражает лингвокультурную специфику языкового сознания американцев. Так, третий пункт словарной статьи словаря американского английского содержит значение «business», которое соотносится с одним из ключевых концептов американского менталитета, в то время как словарь английского языка не содержит такого значения.

Последние исследования в области лингвокультурологии [Вежибickaя, 2001; Елизарова, 2002] уже привлекли внимание исследователей к словам, имеющим чёткие переводческие эквиваленты, но значительные концептуальные различия в сопоставляемых языках, на-

пример, «friend» и «друг», «freedom» и «свобода» в английском и русском языках. Исследователи в области культурной антропологии идут ещё дальше и показывают, что концептуальные различия в содержании слов имеют место не только у представителей разных культур, но и у разных поколений в рамках одной и той же культуры. Сошлёмся на исследование Маргарет Мид, посвящённое анализу концепта «работа» («work»):

«Возьмите слово *работа*. Для ваших родителей работа – это то, что они получили по окончании школы: следующая ступень, отчасти пугающая, отчасти волнующая; конец беззаботных школьных дней. Работа – это то, что они собирались получить, были обязаны получить; нечто, что ждало их после школы с той же неумолимостью, что и осень, сменяющая лето. Но что значит работа для тех, кто родился в 1914 или 1915 годах? То, чего вы могли никогда не получить; то, к чему стремишься и о чём надо молиться; то, для чего голодаешь и крадёшь; в общем – работа. Её не было. Когда эти два поколения вступают в разговор, и всплывает слово *работа* — как они могут понять друг друга?» [Мид, 1988: 127].

Рассмотрим когнитивные компоненты, составляющие интерпретационное поле концепта в художественном, информационном и публицистическом дискурсах. Для американского народа характерно трудолюбие и практицизм, ориентированность на действие, оправданность любого предпринимательства и коммерческой деятельности, приносящей успех; высокая моральная оценка денег и богатства, уважение к плодам своего труда, ответственность, что отражено в воспоминаниях о детстве, проведённом на ферме героини романа Дж. Смайли «Тысяча акров»:

«Every story, when we were children, revealed a lesson – “**work hard**”...» (J.S. – 132).

В работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 1972] даётся анализ истоков подобного отношения к труду. Объяснение состоит в том, что труд издавна считался испытанным аскетическим средством церковью Запада. Считалось, что он служит превентивной мерой против всех искушений и является поставленной богом целью всей жизни человека. Профессиональная принадлежность человека связывается с провиденциальной идеей, в соответствии с которой Провидение дало каждому его профессию, которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться. О значении провиденциальной цели, в соответствии с которой люди делятся по профессиям, мы узнаем по плодам этого деления, поэтому определенная профессия (“certain calling”/ “stated calling”) является наивысшим

благом для каждого человека. Полезность профессии по М. Веберу определяется:

- 1) с нравственной точки зрения;
- 2) степенью важности для «всего общества»;
- 3) доходностью.

Моральный кодекс американца выразил в литературе Б. Франклин: труд, а вместе с ним и успех, есть путь к достижению человеком своей независимости.

Библейские предписания: «Трудитесь в поте лица на стезе своей» и «не трудящийся да не ест» вошли в ядерную зону как провозглашаемой, так и практически воплощаемой морали американского общества. Словарь крылатых высказываний английского языка издательства «Penguin Books» (PDQ) также даёт нам богатый материал актуализации концепта «work», прежде всего, из Библии:

Man goes forth to his work, and to his labour until the evening (PDQ – 37, №24).

Every man's work shall be made manifest (PDQ – 53, №24)

Весьма показательным является тот факт, что наличие анализируемого нами концепта и репрезентирующих его лексем характерно и для политического дискурса. В выступлении президента США Дж. Буша в конгрессе по поводу террористического акта 11 сентября 2001 г. лексема «work» стоит на первом месте в перечислении основ американского общества:

I ask your continued participation and confidence in the American economy. Terrorists attacked a symbol of American prosperity. They did not touch its source. **America is successful because of the hard work and creativity and enterprise of our people.** These were the true strengths of our economy before September eleventh, and they are our strengths today (G. B.).

Кандидат на пост вице-президента США от Демократической партии сенатор Дж. Эдвардс также начинает свою предвыборную речь в июле 2004 года с вербализации концепта «work» как одной из основных ценностей американского образа жизни:

You taught me the values that I carry with me in my heart: faith, family, responsibility, and opportunity for everyone. You taught me that there's **dignity and honor in a hard days work** (J. E.).

В информационных материалах американской прессы, посвящённой деятельности американских президентов, постоянно присутствует лейтмотив работы, часто упоминаются слова «ranch», «horse» и традиционные виды работ, выполняемых на ранчо. Таким образом

создается имидж президента, который является типичным представителем своего народа («a common man»):

"We will have an opportunity to continue **the work** on this, one of the very difficult issues, at **the Crawford ranch**," the Russian president said during a joint press conference at the White House on Tuesday.

The Russian leader has been told to dress "casual," said the official, possibly a sign that Bush may not just give him a tour of the property but may encourage him to indulge in his favorite **ranch pastimes**, which include **clearing cedar and chopping wood**.

"We're going to be riding John Deere Gators," a sort of souped-up golf cart, Bush said. "They're a little more compassionate than some **horses**" (O. K.).

В работе «Национальный эрос в культуре» известный исследователь философии языка Г. Д. Гачев делает следующее наблюдение о месте концепта «work» в американском менталитете: «Вот во что перелился Эрос американца – в бешеный Труд, страстный и яростный» [Гачев, 2002: 19].

Для сравнения можно привести данные исследования Н. В. Уфимцевой [10] о месте концепта «труд» в русской культуре. Она отмечает, что труду в системе ценностей русской культуры, в отличие от протестантизма, отводится место отнюдь не главное: работа для русского прежде всего трудная (33), труд – тяжёлый (40), непосильный (7), напрасный (6), каторжный (5), бесполезный (4). Подобное отношение к труду отражено и в многочисленных поговорках: «от работы кони дохнут» и т. п. Практически не связаны в сознании русских концепты «труд» и «деньги». Как справедливо отмечает М. В. Никитин, «своеобразие концептов одинаковой предметной отнесенности в разных языках следует относить не на счёт своеобразия языка как формы, ... а на счёт своеобразия культур, природных факторов и истории, структур совокупной деятельности общественного человека и особенностей того мира, в котором эта деятельность развёртывается» [Никитин, 2003: 277].

JOB – входит в домен «work» по принципу гипо — гиперонимических отношений.

Словарь американских идиом Р. Спирса (EAI) приводит также выражение «between jobs», которое является эвфемизмом слова «unemployed», что также характеризует отношение американцев к наличию и отсутствию работы. В современном словаре высказываний знаменитых людей приводится цитата из речи Флоренс Кеннеди – юристки и борца за гражданские права, которая явно имплицитно подразумевает гендерный аспект данного концепта:

There are very few **jobs** that actually require a penis or vagina. All other **jobs** should be open to everybody (NPDMQ – 254).

По утверждению А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996: 35], ключевые слова являются одним из основных способов понимания иной культуры. Один из рассказов современной американской писательницы Э. Прул называется “Job History” («История его работы»).

Тематическая цепочка ключевого смысла «работа» представлена в рассказе структурой из 29 элементов, включающей в себя кульминацию – потерю работы. Среди перечисленных профессий и видов занятий мы находим следующие: фермер, работник заправочной станции, солдат, дорожный рабочий, водитель грузовика, владелец магазина, рабочий мясокомбината, безработный, член добровольной пожарной дружины, повар и т. д.

Идейное содержание всего рассказа, отражающее один из аспектов американского этоса, состоит в том, что человек наиболее полно проявляет себя через работу; труд представляет собой главную ценность и непререкаемое условие выживания, становления и ценности человеческой личности, несмотря на жизненные испытания. При этом суть работы не имеет большого значения, важен сам факт ее наличия как источника средств к существованию и как образа жизни.

Стабильность присутствия этого концепта в американской языковой картине мира подтверждают примеры из художественных текстов разных временных периодов. Так, в рассказе Э. Хемингуэя «Очень короткая история» (*A Very Short Story*) концепты «работа» и «семья» выведены в качестве основных ценностей послевоенного периода:

After the armistice they agreed he should go home to get **a job** so they might be married. Luz would not come home until he had **a good job** and could come to New York to meet her. It was understood he would not drink, and he did not want to see his friends or any one in the States. Only **to get a job** and be married. (Е. Н., 34).

Концепты национальной культуры всегда формируются под влиянием геополитического фактора. Отобранные нами для анализа концепты «work», «job» и ряд других принадлежат к константам американской культуры, передают её базовые ценности. Об этом свидетельствует тот факт, что они широко употребляются в качестве художественных образов в литературных произведениях, темой которых является осознание американцами своей идентичности, своих корней, поиска ответа на вопрос «кто мы?», а также в современном политическом, информационном и публицистическом дискурсе.

Когнитивный подход к явлениям языка на основе междисциплинарных исследований позволяет глубже проникнуть в содержание ментальных структур, стоящих за словом и показать своеобразие некоторых семантические прототипов, считавшихся ранее универсальными. По нашему определению национально-специфический концепт – это прототипический образ объекта, ситуации, характеристики, эмоции и т. п., заключающий в себя опыт коллективного языкового сознания и коллективного бессознательного того или иного этноса. За содержанием одних и тех же слов в разных языках стоят разные, не совпадающие по смысловому объёму концепты, информационное поле которых составляют факты реальной жизни, культурные символы и мифы.

***

- ВЕБЕР М., 1972. Протестантская этика и дух капитализма. М.
- ВЕЖБИЦКАЯ А., 2001. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.
- ВЕЖБИЦКАЯ А., 1996. Язык. Культура. Познание. М.
- ГАЧЕВ Г. Д., 2002. Национальный эрос в культуре // Национальный эрос и культура. М.
- ЕЛИЗАРОВА Г. В., 2002. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях). – СПб.
- КОРНИЛОВ О. А., 2003. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.
- МИД М., 1988. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.
- НИКИТИН М. В., 2003. Основания когнитивной семантики. СПб.
- ПОПОВА З. Д., СТЕРНИН И. А., 2003. Язык и национальная картина мира. Воронеж.
- УФИМЦЕВА Н. В., 2000. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж, т. 1.
- ROBERT ANDREWS., 2001. The New Penguin Dictionary of Modern Quotations. Penguin Books.
- DICTIONARY of AMERICAN PROVERBS., 1955. N. Y.
- JULIUS LAFFAL., 1973. A Concept Dictionary of English. Gallery Hress and Halsted Press. New York – (CDE).
- RICHARD A. SPEARS, 1999. Essential American Idioms. Lincolnwood.

WEBSTER'S NEW WORLD DICTIONARY OF THE AMERICAN LANGUAGE., 1974. Second College Edition. The World Publishing Company (WNWDAL).

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- BUSH G. W., 2002. Joint Session of Congress // A documentary History of the United States. Richard D. Heffner, A Signet Book.
- PROULX A. E., 1999. Close Range. N.Y.– (A. P.).
- KNOX O., 2001. Bush Welcomes Putin To Ranch. Crawford (AFP) <http://www.spacer.com/news/bmdo-01zzf.html> – (O. K.)
- EDWARDS J., 2004. Speech to the 2004 Democratic National Convention. <http://www.cbsnews.com/stories/2004/07/28/politics/main632628.shtml> – (J. E.).
- SMILEY J., 1991. A Thousand Acres. Fawcett Columsine, New York– (J. S.).
- HEMINGWAY E., 1971. Selected stories. M., «Progress»– (E. H.).

Ю. П. Вышенская

КУРГУАЗНАЯ ТРАДИЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Литературные традиции романских стран средневековой Европы во многом определили стилистическую специфику творчества Дж. Чосера. Однако, как отмечает известный американский литературовед Ч. Мьюскатин, приоритет принадлежит французской литературной традиции. Французская литература являет собой не только сюжетный источник для произведений английского поэта, но и сокровищницу литературных поэтических канонов, на основе которых был создан неповторимый самобытный стиль Дж. Чосера [Muscatine, 1957: 6].

В настоящей статье предлагается опыт анализа одного из наиболее значимых в литературном наследии Дж. Чосера поэмы “The Canterbury Tales” с точки зрения взаимосвязи английской и французской литературных традиций на примере «весенней темы».

Одной из важных составляющих французской стилистической традиции является кургуазная традиция, согласно которой кансона – один из наиболее любимых и популярных жанров провансальских трубадуров, должна была открываться так называемым «весенним за-

певом» – описанием весны, выдержанном в лишённом пышности и цветистости стиле, предварявшим собственно повествование. Устойчивость этого элемента определяется старинными связями с южно-французским фольклором, в частности с весенней обрядовой песней [Дынник, 1979: 215].

В известной мере этой схеме подчиняется и композиция анализируемой поэмы – пролог открывается описанием цветущей английской природы:

Whan that Aprille with his shoures sote
The droghte of Marche hath perced to the rote,
And bathed every veyne in swich licour,
Of which vertu engendred is his flour;
Whan Zephirus eek with his swete breeth
Inspired hath in every holt and heath
The tender croppes, and the yonge sonne
Hath in the Ram his halfe cours y-ronne,
And smale fowles maken melodye

[Chaucer, 1995: 1].

Приведённый пример демонстрирует применение довольно скудного арсенала стилистических средств – в основном, устойчивых метафор и эпитетов, характерных для английских народных баллад *swete breeth*, *tender croppes*, *the yonge sonne*. Использование названий месяцев, в данном случае весенних – *Aprille*, *Marche* в качестве маркеров художественного хроноса – типичный приём для куртуазной поэзии, также роднит с нею “*The Canterbury Tales*”.

Стилистическое родство проявляется не только в идентичности ономастических констант художественного времени, но также и в использовании названий месяцев в составе образных средств. Так, название весеннего месяца *May* – самого любимого в английской фольклорной традиции неоднократно встречается в портретном описании Эмили (Emelye), героини рассказа Рыцаря. Май следует рассматривать как английский аналог апреля в провансальском поэтическом календаре, что объясняется причинами географического характера, поскольку на юге Франции весна наступает именно в этом месяце. Май – период распускающихся цветов, а потому в портрете Эмили преобладают эпитеты и метафоры флористического круга:

This passeth yeer by yeer, and day by day,
Til it fil ones, in a morwe of May,
That Emelye, *that fairer was to sene*
Than is the lilie upon his stalke grene,
And fresher than the May with floures newe –

For with the rose colour stroof hir hewe,
I noot which was the fairer of hem two

[Chaucer, 1995: 27].

Эмилия – чосеровский двойник куртуазной Донны, центрально-персонажа лирической провансальской поэзии. Её портрет «написан» в соответствии с правилами формульного описания, принятого в куртуазной поэзии. За эту типичность английский исследователь творчества Дж. Чосера М. Юссе называет Эмилию «бесцветной» [Hussey, 1968: 52], очевидно, подразумевая отсутствие индивидуальности героини. Однако образы Донны, Весны, Любви в куртуазной традиции полагаются тождественными, поэтому образ Эмилии следует рассматривать как эквивалент образа Весны.

Отметим, что в цветовой палитре портрета героини, а также и описании природы неоднократно встречается прилагательное *grene*, в то время как другие цвета практически отсутствуют. Объяснение этому следует искать в специфике колористического восприятия средневековым человеком окружающего мира. Как отмечает У. Эко, в эстетической шкале цветовых предпочтений эпохи средневековья наибольшая ценность принадлежит непосредственности, простоте. Эта особенность мировосприятия проявляется в отсутствии колористического изобилия, появляющегося значительно позже, и ограничении цветовой палитры простыми, основными цветами в средневековой живописи, а в поэзии – исключение всякого рода двусмысленности в определении цвета «трава – зелёная, кровь – красная, молоко – девственно бело» [Эко, 2004: 92].

В рамках средневековых эстетических теорий цвета цвет рассматривается как источник красоты, при этом, например, Гуго Сен-Викторский предпочтению отдаёт именно зелёному цвету как символу Весны [Эко, 2004: 92].

Помимо композиционных и образных параллелей с кансоней, в анализируемой поэме наблюдается подобная взаимосвязь с другим популярным жанром в куртуазной лирике – провансальской балладой, сюжетная основа которой строится на взаимоотношениях трёх центральных персонажей – юной красавицы жены, её возлюбленного и обманутого ревнивого мужа. По этой сюжетной схеме развиваются события в рассказе купца. Весенняя тема в этом рассказе получает некоторую переакцентуацию.

Имена главных персонажей – названия месяцев *Januarie* – имя седовласого старца *Maïus* – имя его молодой прекрасной супруги, выступают в качестве, соответственно, символов старости и юности. Флористические образы используются, например, при описании старика *Januarie*, ко-

торый, объявив друзьям о своём намерении вступить в брак, сравнивает себя с сухим деревом, внезапно покрывающимся весной бутонами:

Though I be hoor, I fare as dooth a tree
That blosmeth er that fruyt y-waxen be;
A blosmy tree nis neither drye ne deed.

[Chaucer, 1995: 392].

Эта метафора вносит грустную ноту в повествование, традиционно интерпретируемое как рассказ об обмане молодой женой старого мужа, однако это не единственно возможная трактовка. При анализе поэтического наследия Дж. Чосера следует иметь в виду, что для него как с эстетической, так и с философской точки зрения человек и вселенная являются собой нечто неделимое целое. Сквозь смех проступают размышления самого поэта о необратимости временного потока человеческой жизни.

В силу ограниченности рамок данной статьи дальнейший анализ представляется невозможным, но направление его – достаточно перспективным.

* * *

- ДЫННИК В. А., 1979. Б. де Вентадорн и «радостная наука» трубаду-
ров // Бернарт де Вентадорн. Песни. М.
ЭКО У., 2004. Эволюция средневековой эстетики. М.
CHAUCER G., 1995. The Canterbury Tales. London.
HUSSEY M., 1968. Chaucer's World. Cambridge.
MUSCATINE CH., 1957. Chaucer and the French Tradition. A Study in
Style and Meaning. Berkley and Los Angeles.

И. В. Кононова

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНГЛОСАКСОНСКОЙ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПЕРИОДА УТВЕРЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Постепенное утверждение христианского мировоззрения, начавшееся в VII в., было связано с новым этапом этнического развития англосаксов и, соответственно, с формированием новых этических категорий и обретением старыми новым концептуальным содержанием. Принятие христианства выдвигало на первый план новую систему отношений – «Бог – человек», которая с течением времени становится доминирующей.

нирующей. В течение VII–VIII веков существовал период «двоеверия», языческие и христианские ценности сосуществовали в этической системе англосаксов, вживаясь друг в друга и одновременно находясь в растущем конфликте. Христианские идеи учили тому, что главные трагедии и триумфы человека связаны не с героическими подвигами на земле ради богатства и славы, а с его душой после смерти.

Однако новое не может не вытекать органично из уже существующего. Анализ текстов англосаксонской поэзии христианского периода (поэмы «Елена», «Христос», «Бытие», «Юлиана», «Андрей» и др.) показывает, что взаимоотношения между Богом и человеком моделировались на основе доминирующей в этнической концептосфере англосаксов дохристианского периода системе отношений – «вождь – воин»:

...Peoden Brymfäst his ðegna gedryht, leof veorud [Cri. 457–458].

‘...прославленный Лорд собрал свою дружину танов (последователей).’

Основываясь на анализе текстов этого периода, можно утверждать, что концепт «Бог» в англосаксонской раннехристианской модели мира включает все положительно маркированные признаки концепта «вождь»: «обладание силой (могуществом)», «щедрость», «обладание славой». В поэмах концепт «Бог» часто номинируется словосочетанием *duguða dryhten* [El. 81], лексема *duguð*, прежде называвшая дружину, теперь соотносится с ангелами в царстве небесном. Во многих наименованиях Бога используется корень *cyning*: *heofuncyning*, *Brymcyning*, *wuldorcynning*, *soþcynning*, *radorcynning*, *mægencynning*.

Отношения «Бог» – «человек», также как отношения «вождь» – «воин», строятся в англосаксонской христианской модели мира на основе договора – *wæg*, предполагают доверие – *(ge)truwa*, определенные условия и взаимные обязательства. Договор людей с Богом заключается через избранных святых – *gesoren halgan*, которые осознаются как лучшие вожди, наделенные Богом особой властью [Dan. 310–315]:

Ne forlat þu usic for þæm treovum þe þu tirum fast, niða nergend, genumen hæfdest to Abrahame, and to Isaace and to Jacobe, gæsta scyppend!

‘И через тот договор, который ты, Спаситель людей, неизменный в славе, Создатель душ, заключил с Авраамом, Исааком и Иаковом, не оставь нас!’

Верность договору проверяется испытанием, которое теперь понимается не как трудная минута в битве – *þearf*, а как трудности жиз-

ни – cunnung (от гл. cunnian – «проверять трудностями жизни», а также как искушение (от гл. costian – «искушать»).

...þær his sawl wearð clæne ond gecostad [Gut. 535–536].

‘...там его душа стала чистой и прошла испытание искушени-ем.’

Теперь испытания человека ассоциируются прежде всего не с войной, а с верой – gelyfa (leafa; treow) в Христа. Прежняя **этнокультурная доминанта** [Шапошникова, 1990: 60] «войны во имя богатства и славы» постепенно вытесняется новыми стереотипами и ценностями, прежде всего идеей о *бренности всего земного* и мотивом *страдания во имя веры*. Важно отметить тот факт, что при смене этнокультурной доминанты некоторые значимые концепты входят в концептосферу новой доминанты с противоположным оценочным знаком. В этом, безусловно, можно усмотреть закономерность: новые ценности, как уже отмечалось выше, опираются на уже существующие этические представления и из них вытекают либо их отрицают. Так, отрицательно маркированный в рамках этической концептосферы героического мира мотив «страха» (это был, прежде всего, страх перед смертью и трудной минутой в битве либо страх изгнания, одиночества) сменился на положительно маркированный мотив «страха перед гневом Господним», а положительно маркированный мотив страдальца пришёл на смену отрицательно маркированному в условиях прежней доминанты мотиву изгоя. Духовная ориентация новой этнокультурной доминанты способствует повышению роли индивида в обществе. Новое время порождает новых героев. Теперь это добровольные изгнанники – отшельники – anbuendra [Gut. 88] и святые мученики – martyra [And. 878], которые считаются избранныками Бога, наиболее верными его завету:

Þæt bið...cempan gecorene, Criste leofe, berað in breostum beorhtne geleafan,...heofoncyniges bibod fremmað on foldan [Gut. 796-808].

‘ Они...– *избранные воины, Христом любимые, несут в своих душах чистую веру, ...исполняют завет Царя (конунга) небесного.*’

Изгоями в условиях новой системы ценностей становятся те, кто не чтит законов божьих, им отказано в небесном блаженстве, их ждёт вечное прозябание *yrnþu butan ende* [El. 925] и смертные муки *deaþcwale* [там же, 765] в огне ада *fyres feng, helle grund* [там же, 1287, 1305].

О христианском отшельничестве – anseld [Gut. 1240] повествует поэма «Гутлак». Неверующие постоянно нападают на отшельника, подвергая его оскорблениям и истязаниям. Гутлак покорно сносит все

унижения [Gut. 480–490]. Такое поведение считалось позорным в рамках этической системы героического мира, где всякое оскорбление требовало отмщения. Однако в христианской модели мира месть как средство восстановления справедливости отрицается. На смену ей приходит терпение – *geþyld* [And.107; Gut. 600; Gen. 760], смирение – *eaþmodnes* [Gut. 103, 328, 776] и прощение – *forgiefnes, liss* [Gen. 662].

Очевидно, что в структуре ряда концептов по мере утверждения христианства и в результате конфликта распадающейся и формирующейся этно-культурных доминант образуются противоречащие друг другу концептуальные признаки. В частности, концепт «долг чести» – *riht* (неотделимый в дохристианский период от концепта «закон») включал к VIII–IX веку признак «совершение кровной мести за вождя и родича», входящий в его этимологический слой (по Ю. С. Степанову), а также признак «праведное служение Христу, соблюдение его заветов» (одним из которых был отказ от мщения, считающегося греховным). Задачей исследователя является по возможности полно и достоверно выявить хронологические рамки и объяснить причины формирования новых «слоев» концепта, что позволит наиболее подробно описать его структуру и функционирование в синхронном срезе. Несомненным является тот факт, что даже самые удаленные в историю слои концепта, те признаки, которые уже в полной мере не осознаются и не переживаются современными носителями языка, все же обуславливают его синхронную структуру и репрезентацию.

Ни один из ранее значимых концептов не теряет полностью своей актуальности в концептосфере этноса при распадении одной этнокультурной доминанты и утверждении другой. Он может лишь модифицироваться, обретая новые признаки, либо изменить оценочный знак в ценностной картине мира. Так, концепт «война», доминантный в героической модели мира ранних англосаксов, не утрачивает своей значимости и с утверждением христианства, однако меняется структура концепта, в ней формируется признак «борьба за веру». В поэме «Elen» можно наблюдать процесс адаптации старого языкового материала к описанию новой концептосферы. При том, что военная сфера в этом произведении представлена лексически очень богато, мотивированность воинственности иная: это уже война за святыни, за утверждение божьей воли и заветов Христа, а королева-воительница – пример для подражания, слуга господина, дарящая своему народу добытые ею святыни. В ряду атрибутов королей не только прежде щедрость, могущество, доблесть и слава воителя, защитника и благодетеля своих воинов (*hildfruma* [10] ‘the battle-prince’; *hereteman* [10] ‘army-leader’; *guþweard gumena* [14], ‘the war-guardian of men’; *guþcwen* [254] ‘the

warlike queen'; sigecwen [997] 'the victorious queen'; since brytta [194] 'the giver of treasure'), но и слава благородного христианина, а значит набожного, мудрого, сильного духом и верой исполнителя воли божьей, наставляющего своих подданных на путь истинный к вечному блаженству (Cristenra cwene [1068] 'the Cristian queen'; Pære arwyrþan cwene [1128] 'the venerable queen'; cwene seleste [1169] 'most noble queen'; eorlum arfæst [12] 'gracious to men'; wilgifan [221] 'the giver of joy').

В рамках христианской модели мира испытания человека ассоциируются прежде всего не с войной, а с верой в Христа – gelyfa (leafa, treow). Об испытаниях верой повествует поэма «Андрей», в которой герой, постепенно укрепляясь в вере, превращается из робкого последователя в святого чудотворца. Наиболее важным испытанием для христианина является соблюдение завета – слова Божьего. Христианская верность понимается англосаксами как исполнение завета – bedod (cwide) læstan, а неверность как нарушение его – bedod bræcen:

Pa þu lifes word læstan noldes, ac min bibod bræce...and after hingonge hreosan sceoldes hean in helle helpendra leas [Cri. 1393–1414].

'Тогда вы не последовали слову жизни, но нарушили мой завет..., и, лишенные моей помощи, после смерти должны вы, несчастные, пойти в ад.'

Концепт *долг чести* связывается в рамках христианской системы ценностей со служением Христу и выполнением его заповедей. При этом в силу давления прежних стереотипов это *служение* на начальном этапе понималось как *служба* (Fegnung, Fegnscipe, Feowung) воинов вождю или слуг конунгу. С постепенным утверждением в этническом сознании новой доминанты в понятийной составляющей концепта «служба» появляется еще один признак – «духовное служение Богу»:

...sellað ælmeßan, earme frefrað...daghwam dryhtne Feowiaþ [Gut. 76–79].

'...давали милостыню, утешение бедным, ...ежедневно Богу служили.'

Новым, духовным, содержанием наполняется также концепт «дары, вознаграждение богатством» – gifu. Теперь это и само учение Христа (gife unscynde) и знание, мудрость как дар божий и одновременно как сила ума и духа: «heo gefylled was wisdoms gife» [El. 1143]. Меняется структура самого концепта «щедрость», он приближается по содержанию (в отношении к Богу) к концепту «милость» milts [Cri. 299, 417] – способность Бога простить прегрешения человека и облагодетельствовать его за праведную жизнь.

Доминантный в морально-этической концептосфере ранних англосаксов концепт «верность» не утрачивает своей организующей роли, он лишь претерпевает значительные изменения. Христианская модель мира отражает духовные иерархические отношения, поэтому верность Бога человеку и человека Богу понимается по-разному. Первая ассоциируется с помощью – help [Gen. 702], защитой – waru, gescyld, hleo [Gut. 360, 242; Gen. 102], поддержкой – wraþu [Gut. 249] человека Богом. Такое покровительство понимается как милость Бога – hyldo, milts [Gen. 474; Jul. 655]. Верность человека Богу ассоциируется с послушанием – hiernes [Gen. 711; Cri. 1591] и страхом – egsa (forth), который, как отмечалось выше, приобретает в христианской модели мира положительные коннотации [см.: Gut. 167, 420]:

...þe him godes egsa hleonaþ ofter heafdum. Ну þу hyhstan beoð þrymme gebreade [Gut. 72–76]

‘...те, чьи головы склоняет страх божий, стремятся к этому (царствию небесному). Их сдерживает это высокое величие.’

Отрицательный полюс христианской модели мира – мотив дьявола, воплощающего в себе антимир, зло в чистом виде. Атрибуты дьявола не отличаются разнообразием. Это, прежде всего, тьма, ужас, зло, грех, адское пламя (Piestro, scyld, synn, lieg). Тот факт, что пара противоположных по оценочному знаку концептов «верность» – «неверность» сохраняет свою значимую для этической концептосферы англосаксов роль и в период утверждения христианских ценностей, находит подтверждение всё в тех же текстах христианских поэм. Концепт «неверность» – un-getriewnes [Gnom. I. 163] приравнивается в христианской модели мира к максимально возможному злу – неверию в Христа и несоблюдению его заветов. В поэме «Генезис» воинство Сатаны называется *неверным* – verlogan [Gen. 36], потому что оно не хотело подчиняться порядку, установленному Богом: noldan dreogan leng heora selfra ræd [Gen. 23–24]. В этой же поэме *неверные* ангелы именуются лексемой synsceaðan [Gen. 55] – «грешники, злодеи, преступники». «Зло» и «неверность» неотделимы друг от друга, они образуют единое концептуальное пространство, к которому относятся также отрицательно маркированные концепты «грех» – synn, «преступление» – vroht, firen, morþ [Gen. 19, 297, 703], «предательство» – swicdom [Gen. 284, 601] и «вероломство» – facen, searo [Gen. 632]. Провести четкую грань между этими концептами в рамках данной, еще недостаточно расчлененной, этической концептосферы невозможно.

Проявленная неверность Богу приводит человека к вечным мукам – ece swealm, это наказание за грехи – wite, synwacu, которое уготовано Богом для неверных в аду – hell. Проявленная верность, как и в

дохристианской модели мира ранних англосаксов, ведет человека к радости, только это уже не земные радости бренного мира, а вечное блаженство – *ese dream, bliss* [Cri. 1259, 1343]. Это жизнь на небе с Богом и ангелами в радости – *wynn, gefea* [Gen. 367; Cri. 1079] и счастье – *gesælinges, blæd* [Gen. 18, 14].

Важно отметить, что рамках христианской этической системы англосаксов сохраняет достаточную значимость доминантный в героической модели мира концепт «слава». Предполагалось, что, будучи *верен* Богу и его заветам в течение земной жизни, человек попадает в рай, где его ждет наивысшая слава:

...*De is neorxna-wang, blæda* beorhtost... *hama hyhtlicost halegum mihtum torht ontyned, Pær þu tires* most to vidan feore villan brucan [And. 102–106].

‘Рай, ярчайшая слава, счастливейший дом, откроется тебе в сиянии святыми силами. Там ты сможешь вечно наслаждаться желанием славы’

Мотив славы человека, даже в его загробной жизни, в принципе чужд сложившейся христианской доктрине, где признаётся лишь слава Господа, а уделом человека является смирение. У ранних англосаксов христианские воззрения преломляются через призму уже устоявшихся этических представлений. Таким образом, слава Бога не отделяется от славы праведника в его загробной жизни. Вероятно, потребность в *завоевании славы каждым отдельным человеком* была настолько мощным этическим мотивом англосаксонского *nobiliteta*, что концепт, претерпев значительные изменения в структуре, тем не менее, остался в числе наиболее значимых. Исследуя семантическое развитие синонимического ряда существительных, вербализирующих концепт «слава» в древнеанглийском языке, Н. В. Феоктистова приходит к выводу о том, что, с распадом старых ассоциативных связей эта группа слов (*mærþ, lof, tyg* и др.) получает новое христианское толкование. При этом в структуре лексического значения слова **lof** семантический признак «слава героям» уступает место признаку «прославление высшего божества». Слово **tyr**, ассоциировавшееся со славой удачливого в войне победителя, раскрывает в христианском контексте представление о славе как небесном блаженстве мученика. Вместе с тем, в этом синонимическом ряду появляются и новые элементы, не ассоциировавшиеся с прежней доминантой – *þreat, þrumm* «слава, величие, могущество, сила» (в отношении к Богу) и *hlusa* как слава хороших дел, как репутация (применительно к сфере человека) [Феоктистова, 1984: 161–166].

Неотъемлемой чертой хорошего вождя в рамках дохристианской героической модели мира англосаксов являлась мудрость – **wisdom**. В раннехристианский период именно на основе этого концепта в этической системе англосаксов формируется концепт «справедливость» – своего рода высшая мудрость, *мудрость, основанная на долге и законе (riht)* и состоящая в вершении этого закона. Сама внутренняя форма лексемы **rihtwisnes** содержит информацию об этимологическом слое англосаксонского концепта «справедливость». Совершенно очевидно, что образование этого концепта в этической системе англосаксов стало возможным только после того, как по мере утверждения христианских воззрений в англосаксонской среде, изменилась структура концепта «закон», базовым концептуальным признаком которого теперь был признак «заповеди Христа».

Как бы ни были отличны стереотипы поведения разных поколений людей, но одним из наиболее очевидных признаков, по которым можно судить об особенностях этногенеза является преемственность этно-культурной традиции. «Очень сильно сказывается на культуре временной момент, момент памяти – памяти генетической, памяти традиционной – памяти прежних культур, т. е. наличие в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами» [Гумилев, 1994: 130–131]. Это позволяет нам представить динамику смены морально-этических концептосфер в разные конкретные периоды жизни этнической системы как определенный континуум развития на основе исходного кластера признаков. Общегерманская система ценностей послужила исходным кластером концептуальных признаков для морально-этической концептосферы ранних англосаксов. Последняя же, в свою очередь, стала исходной концептосферой (прототипом), через которую присваивались новые христианские ценности. Результатом этого процесса явилась новая самобытная этическая система, являющаяся важнейшей частью англосаксонской этно-культурной традиции, которая впоследствии сделала возможным для англичан вхождение в начавшую формироваться западноевропейскую христианскую суперэтническую систему.

***

ГУМИЛЕВ Л. Н., 1994. Этногенез и биосфера земли. – М.

ФЕОКТИСТОВА Н. В., 1984. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). – Л.

ШАПОШНИКОВА И. В., 1999. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте. – Иркутск.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- AND. – ANDREAS // Bibliothek des Angelsächsischen Poesie/ Hrsg. V.C.W.M. Grein.- Goettingen: G. H., 1958. – В. II. Wigand.
Cæd. – Cædmon's Hymn // Lehnert M. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. –, 1955. Berlin.
CRI. – Cynevulfs Christ // Bibliothek des Angelsächsischen Poesie / Hrsg. V.C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H., 1957. – В. I. Wigand.
DAN. – Cædmons Daniel // Bibliothek des Angelsächsischen Poesie / Hrsg. V.C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H., 1957. – В. I. Wigand.
El. – Cynevulfs Elene // Bibliothek des Angelsächsischen Poesie/ Hrsg. V.C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H., 1958. – В. II. Wigand.
GEN.—Cædmons Genesis // Bibliothek des Angelsächsischen Poesie/ Hrsg. V.C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H., 1957. – В. I. Wigand.
GNOM. – Versus Gnomici // Bibliothek des Angelsächsischen Poesie/ Hrsg. V.C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H., 1958. – В. II. Wigand.
GUT. – Guthlac // The Exeter Book / Ed. By G. P. Krapp and E.V.K. Dobbie. – : Columbia Univ. Press, 1936. N.Y.

Ю. В. Сергаева

ТРАДИЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ В НОМИНАЦИИ

В данной статье на материале системы личных имён США рассматриваются такие вопросы ономастики, как современные тенденции номинации и обуславливающие их факторы.

Исследуя состояние ономастикона какой-либо страны в разные исторические периоды, можно проследить не только этапы формирования нации в результате миграции и завоеваний, но и найти отголоски мировых исторических событий, внешнекультурных контактов. Частотность имен, их внутренняя и внешняя форма, традиции именования способны отражать все стороны жизни страны – этническую и социальную стратификацию, религиозные взгляды и течения, ментальность населения, персоналии, заметные события в области литературы, музыки, кино и т. д.

В то же время, изучение различных аспектов номинации позволяет не только дополнить обобщенное описание общества, но и отчасти проникнуть во «внутренний мир» отдельной семьи или личности, т. е. имена в меньшей степени являются формальной системой ярлыков, а, как считает Дж. Кэплан, «names penetrate the core of our being and are a form of poetry, storytelling, magic, and compressed history» [Kaplan, Bernays, 1999: 13]. Далее обратимся к традициям имянаречения, сформировавшим современное состояние ономастикона США, и проследим тенденции его развития.

Существующая во многих культурах традиция называть ребенка в честь какого-либо родственника варьируется в США от абсолютно произвольного выбора до строго определенного правила. Например, в семьях с испанскими корнями, как правило, называют первую родившуюся дочь в честь матери отца, а первого сына, соответственно, в честь деда по этой же линии, в то время как американцы французского происхождения часто используют имена двух бабушек (дедушек) в качестве средних. В колониальный период дети нередко получали имена в честь родителей, умерших братьев и сестер или особо почитаемых родственников, что способствовало циркулированию одного и того же антропонима, при этом даже братья могли оказаться тезками. На современном этапе появление в семьях тезок своих отцов с аббревиатурой Jr. нельзя назвать распространенной практикой, гораздо чаще имя отца становится средним. Например, сына актера *Humphry Bogart* зовут *Stephen Humphrey*, певец *Michael Jackson* назвал сыновей и дочь, соответственно, *Prince Michael I*, *Prince Michael II* и *Paris Michael*. Можно отметить и тенденцию называть дочерей в честь отцов, при этом мужское имя несколько модифицируется: отец *Emilio Estefan* – дочь *Emily*, *Bobby Brown* – *Bobbi*, *Kenny Anderson* – *Kenni*. Иногда имя ребенка представляет собой своеобразную аббревиатуру или анаграмму имени родителя. Так, имя дочери актрисы *Courtney Cox* совпадает с начальными слогами имени и фамилии матери – *Coco*, а отца и сына из штата Юта зовут, соответственно, *DeVerle* и *VerleDe* [Celebrity Baby Names, 2006; Utah Baby Namer, 2005]. Традиция имянаречения в чью-либо честь, конечно же, не ограничивается кругом близких родственников и зависит от пристрастий родителей: первым и средним именем могут стать как имя и фамилия писателя (*Dylan Thomas Brosnan*, сын известного актера), так и комбинация фамилий известных исполнителей *Dylan Jagger* (от *Bob Dylan* и *Mick Jagger*) в имени сына рок-музыканта *Tommy Lee*.

Следующая традиция связана с религиозными взглядами американцев, в первую очередь, с христианством. Библейские имена (3337

мужских и 181 женское), начиная с 12-го века, вытесняли языческие английские антропонимы и долгое время одними из самых популярных в Великобритании и США оставались имена *Mary, Sarah, Ruth, Elisabeth, James, John, Thomas, Michael, David*. С середины 20-го века эти имена стали уступать в популярности небиблейским антропонимам *Christopher, Jason, Jennifer, Jessica, Kimberly*, но в последние годы среди американцев вновь отмечается бум на ветхозаветные и евангельские мужские имена *Jacob, Joshua, Mathew, Joseph* [Crystal, 2002 : 151; Popular Baby Names, 2006]. В современных семьях верующих американцев, особенно среди миссионеров, распространен обычай давать (в основном, сыновьям) библейские имена, а потому всё чаще встречаются ранее считавшиеся редкими антропонимы *Jesus, Elijah, Isaac, Noah, Zachary, Titus* и др.

С приездом в Америку первых поселенцев-пуритан распространение получили не только предпочитаемые ими ветхозаветные имена *Benjamin, Adam, Abraham, Moses, Habakkuk, Rachel, Rebecca, Deborah, Isis* и др., но именослов обогатился и апеллятивными именами с особым смыслом. Воспринимая имя как судьбоносный знак, как символ причастности к Богу, пуритане старались вместе с ним передать ребенку добродетели и другие благородные понятия: *Charity, Mercy, Grace, Prudence, Hope, Faith, Felicity* и т. п. Наиболее благозвучные из таких антропонимов до сих пор пользуются любовью среди американцев. Пуритане ввели в обиход и довольно претенциозные составные имена, звучащие как заповеди: напр., *Fear-God, No-Merit, Seek-Wisdom, Fly-Fornication, Safe-Deliverance, Jesus-Christ-came-into-the-world-to-save* и уже ставшее хрестоматийным примером нелепости имя *If-Christ-had-not-died-for-thee-thou-hadst-been-damned* [Кторова, 2002; Сох J., 2005]. Конечно же, громоздкие составные пуританские антропонимы быстро вышли из употребления, хотя современные мормоны из штата Юта отчасти поддерживают традиции имянаречения пуритан и наряду с другими необычными именами предлагают и такие, как *Genesis, Worthy, Virtue, Mistidawn, Paradise Sunrise, Precious Blessing, Mormon Beauty, Marvelous Man, Confederate American, Friends Forsaken, Miracles Precious One, Blessing Ream, Sincere Devotion* и т. п. [Utah Baby Namer, 2005].

Разнообразны традиции коренных американцев – индейцев разных племён. Как правило, это апеллятивные имена, отражающие качества и физические черты его носителя, окружающую природу, часто связанные с тотемным животным. Например, в некоторых семьях племени мивок апеллятивные имена связаны с названием воды, при этом учитывается, как выглядела река в момент рождения ребенка

[Cox J., 2005], а имена *Hausu* (yawning), *Haucku* (gaping), *Hopoto* (round), *Sewati* (curved) имплицитно, но не называют явно определенное тотемное животное. В данном случае только члены семьи знают, что, например, имя *Sewati* получает дополнительный смысл «bear claws», а *Hopoto* с буквальным значением «круглый» имплицитно «frog eggs hatching in the water». При этом члены другой семьи, называя своих детей данными именами, будут вкладывать в них совсем другой сокровенный смысл [The Miwok, 2005]. Современные индейцы используют разные модели номинации: англоязычные антропонимы, имена индейского происхождения (напр., *Tawanna*, *Shea*, *Darla*, *Dwayne*, *Sachem*) или же имена, являющиеся комбинацией фамилии-племенного прозвища и ассимилированного имени (напр., *Tom Longboat*, *George Yellow Wolf*). Интересно, что последняя модель особенно популярна среди общественных лидеров и старейшин (среди них *Sam Brownback*, *Jay Taken Alive*, *Cecelia Fire Thunder*, *Eugene Little Coyote*, *Thomas Blackweasel* и др.), тогда как представители шоу-бизнеса предпочитают менее экзотичные имена (напр., кинорежиссер и сценарист *Billy Luther* и Miss Indian World 2004 *Delana Smith*) [Native News, 2005].

Традиции номинации афро-американцев уходят корнями в рабовладельческое прошлое США. Привезенным рабам, как правило, давали другие, отличающиеся от принятых в белом сообществе имена. Сначала это были универсальные для всех мужчин и женщин имена *Adam* и *Eve* или названия кораблей, на которых они прибывали из Африки, затем диминутивы от англоязычных имен типа *Tom*, *Cas*, *Lil*, *Bo* (вместо *Thomas*, *Cassandra*, *Lillian*, and *Robert*), в ходу были имена-клички *Smart*, *Goliath* (для низкорослых), *Curly* (для лысых) и т. д. При смене хозяина часто менялось и имя. Нередко одинаковые односложные имена-клички давались мулам и рабам: *Jack*, *Kitt*, *Ned* и т. п. Практически до отмены рабства в 1863 году выходцы из Африки не могли сами давать имена своим детям. Право выбора имени принадлежало рабовладельцу, при этом его фамилия традиционно передавалась рабам. Хозяин, а чаще всего хозяйка, иногда выбирали претенциозные имена, например, аллюзивные антропонимы из мифологии *Daphne*, *Apollo*, *Jupiter*, *Phoebe*, истории *Pompey*, *Cato*, *Caesar*, *Homer*, *Columbus*, *Napoleon*, литературы (чаще всего из произведений У. Шекспира) *Othello*, *Romeo*, *Hamlet* [Кторова, 2002; Cox J., 2005]. Обретя свободу, афро-американцы старались давать своим детям ранее запрещенные имена, типичные для белого сообщества (напр. библейского происхождения), а также использовать полные формы вместо диминутивов. Начиная с 60-х гг. 20-го века, появилась тенденция со-

хранять национальный колорит имени, которое становится в этом случае одним из средств культурного самоопределения, указывает на этнические и религиозные (мусульманство) корни: напр., мужские имена *Muhammad, Hassan, Hashim, Ali*, женские – *Shawana, Naajila, Malaika, Latisha*. Реваншем за годы обезличивания является популярная в последние десятилетия практика создавать для подчеркивания уникальности псевдоафриканские имена-неологизмы типа *Alexicor, Zikkiyyia, Laskesia, Rasheena, LaTanya, Najja*, что можно назвать «a distinctive form of black style» [Kaplan, 1999: 85].

Подобно афро-американцам, проживающие в штате Юта мормоны известны своей системой уникальных во многих отношениях имен. Среди представителей этого сообщества популярны следующие механизмы создания имен: 1) необычные орфографические варианты часто с удвоением и даже утроением букв: *Abcde, Katlynn, Lee, Alysoon, Laalaa, Vvhs*; 2) использование начальных элементов *De, La* и *Le'* – *DeBekka*, но в отличие от афро-американских антропонимов *La* присоединяется к имени на французский манер – к прописной букве *LaJune* (ср. афроамер. *Latoya, Latifa*); 3) сложные имена, составленные из имен родителей (напр. *Lewis + Amanda* может трансформироваться в *Le'Anda*) или любых других слов: *StormiAnn, Luvit*; 4) анаграммы и ребусы: *Leumas* (= Samuel), *Evol* (= love), *K-8* (произносится как Kate); 5) апеллятивация и модификация апеллятивов *Soda, Auto, Moonyene, Jennyfivetina* и т. п. [Utah Baby Namer, 2005].

Говоря о новых тенденциях в номинации, можно отметить, что современные американцы различного происхождения наряду со стремлением к сохранению в антропониме этнического своеобразия обращают пристальное внимание и на имена, считавшиеся ранее устаревшими, а теперь вновь вошедшие в моду, как, например, *Abigail, Hannah* или же стараются найти что-то новое.

В поисках нового на состояние современного ономастикона США, как и на языковую политику в целом, влияет тенденция к глобализации. Благодаря трансграничным потокам товаров, капитала, технологий, информации и гораздо более свободному перемещению людей, общим достоянием становится не только мода, музыка, стиль жизни, но и именослов, предлагающий имена со всего света. Глобализация как высшая степень интернационализации способствует расширению сложившегося именослова не только за счет иммигрантов, но и посредством активного взаимодействия иноязычных имен, в том числе русских, представителями других культур. Это приводит к тому, что национально-культурный компонент значения имени собственного в эпоху глобализации постепенно теряет стабильность и имя, в проти-

воположность рассмотренным выше примерам, во многих случаях перестаёт указывать на этническую принадлежность своего носителя.

Так, справочные пособия по выбору имени для ребёнка активно предлагают имена, принимая во внимание не только такие факторы, как уникальность, неизбежность имени, его этимологическое значение, но и отсутствие вычурности, претенциозности. Среди особо рекомендуемых предложений обнаруживаются имена практически со всех концов света: Irish – *Brielle* (hill), *Gannon* (fair-skinned), Scandinavian – *Audny* (new prosperity), Latin – *Cerelia* (fertile), *Kyra* (light), African – *Ramla* (one who predicts the future), *Kendi* (loved one), Indian – *Achir* (new), Slavic – *Nikolai* (victorious), French – *Desiree* (so long hoped for), Hindi – *Sesha* (serpent who symbolizes time), *Kalinda* (the sun), Gaelic – *Keegan* (small and fiery), Hebrew – *Jed* (beloved by God), Hawaiian – *Lana* (afloat, calm as still waters), Japanese – *Toshi* (year of plenty) и др. [Baby Names, 2006]. Наряду с типичными англоязычными антропонимами предлагаются имена и русского происхождения – *Tanya*, *Elena*, *Alena* и др. При этом дериваты имен получают статус самостоятельного имени, хотя и со ссылкой на их «родственность»: *Aleksei / Alyosha / Alyoshenka*, *Andrei / Andrusha*, *Arkadi / Arkasha*, *Boris / Borya / Boryenka*, *Anechka / Anya*, *Arina / Arisha*, *Belka (om Bella)* и т. п. (подробнее о русских именах в американском ономастиконе см., напр., [Сергаева, 2005]).

Активное заимствование имён из других культур, помимо процесса глобализации, обусловлено в американском сообществе и такими чертами национального характера, как стремление к индивидуальности личности, лояльность и открытость в принятии нового. Отход от стереотипов проявляется, например, в тенденции к стиранию границ между женскими и мужскими именами. Это в первую очередь касается изначально универсальных апеллятивных (*Hunter*, *Piper*, *Robin*, *Baby*, *Angel*, *Young*, *Ivory*, *Dusty*) и отфамильных (*Reagan*, *Clinton*, *Parker*, *Kennedy*, *Taylor*) имен, бывших топонимов (*London*, *Dakota*, *America*, *Guadalupe*), но процессы нейтрализации вносят серьёзные изменения и в устоявшуюся систему. Так, по данным последней переписи населения США [Census, 2004], в списки женских имен попали традиционно мужские антропонимы *Shawn*, *Toby*, *Billie*, *Dylan*, *Kevin*, *John*, *James*, *Richard*, *Thomas*, *Frank*, *Arthur*, *Andrew*, *Paul*, *Mark*, *Robert*, *Charles* и наоборот, увеличивается число мужчин, носящих женские имена *Carol*, *Lynn*, *Shannon*, *Courtney*, *Lester*, *Kelly*, *Dana*, *Mary*, *Kim*, *Jessie*, *Cory*, *Ira*.

На выбор имени зачастую влияет и такой фактор, как род деятельности родителей, их статус. Проанализировав имена детей неко-

торых «звездных пар», можно отметить, что иногда знаменитости стараются отразить в именах детей род своих занятий, например, *Lily-Rose Melody* – дочь певицы Ванессы Паради и актера Джонни Деппа, или же, как музыкант-авангардист Фрэнк Заппа, придумывают что-нибудь необычное, вроде *Moon Unit, Diva* [Celebrity Baby Names, 2006].

Также внимания заслуживает психология номинации братьев и сестер, в особенности, близнецов, где можно выделить несколько моделей. Достаточно стереотипным является подбор имен по созвучию (*Ann – Andy, Jeremy – Jaimy – Jourdin*) и/или орфографии, когда имена являются зеркальным отражением друг друга (*Aidan – Nadia*) либо анаграммами (*Amy – May, Reva – Vera, Ira – Ria, Mary – Myra*). Иногда используются две части одного названия, фразы: *Okla* и *Homa* (по названию штата), *Cara* и *Mia*, что в переводе с итальянского значит «*my beloved*». В качестве новой модели в пособиях по выбору имени предлагается наречение именами разного происхождения, но с одним значением, напр., *Eve* и *Zoe* ("life" в переводе с иврита и греч.), *Erica* ("heather" в переводе с лат.) и *Heather*. В другом случае имена могут быть одинаковыми по происхождению, но противоположными по смыслу: например, греческие имена *Melanie* и *Phoebe* означают "dark" и "light" соответственно [Cool Baby Names, 2005].

Итак, как показывает анализ современного ономастикона США, стремление к индивидуальности и необычности, проявляемое родителями при выборе имени ребёнку, реализуется не только при заимствовании иноязычного имени, но и в словотворчестве. Основными моделями образования «креативного» имени являются как видоизмененная форма традиционного антропонима (*Abaigeal, Alexzander, Brooklynn, Jennyfivetina*), так и совершенно оригинальное имя, полученное путем апеллятивации (*Essence, Thermos*), словосложения (*Luvit*), немотивированного использования заглавных букв, апострофа (*ClarEtta, DavidO, LaVeDrienne, NaLa'DeLuhRay*), анаграммы *Leumas* (= Samuel), *Evol* (= love) или же простого набора букв (*Abcde, Vvhs*). Несмотря на свою абсурдность, последний способ предлагается Интернет-сайтами в виде интерактивной программы Name Wizard, продуцирующей из комбинации букв каждый раз новый набор имен по 3-м категориям – “for boys”, “for girls”, “unisex” – от вполне приемлемых *Pharanata(ж), Kelan (м), Calil (ж/м)* до одиозных *Hrtread (ж), Harlvio (м), Ffeage (ж/м)* [Baby Names, 2006]

Мнения расходятся относительно роли нестандартных имен в жизни их носителей. С одной стороны, психологи предостерегают от креативности при имянаречении, т. к. редкое или нетипичное имя может впоследствии создать трудности для ребёнка. С другой стороны,

отмечено, что большую пропорцию в альманахе *Who's Who?* составляют как раз люди с необычными именами, что в какой-то степени объясняется нон-конформизмом их родителей: "This refusal to go along with the crowd is also reflected in the nature of the intellectual push and emotional support they give their children." [Kaplan, 1999:127]. В целом же, заимствование из других культур и словотворчество являют собой характерные черты американского ономастикона на современном этапе, и, по словам А. Кторовой, «занятие изобретения новых имен отражает независимость мышления человека и изменение его сознания в понимании мира, равно как и желание войти в духовный мир других наций» [Кторова, 2002: 107]. Поощряя американских родителей давать детям необычные, заимствованные из других культур или изобретенные имена, ономасты, тем не менее, призывают соблюдать меру и предупреждают: "And remember, when little Wynante (boy or girl, you choose) grows up, you'll have to live with the consequences" [Clark, 2005].

Итак, представленный в статье обзор некоторых традиций и тенденций в номинации позволяет говорить о том, что на фоне общих для англоязычного ономастикона черт в антропонимии США выявляются и национально-культурные особенности, отражающие, с одной стороны, полиэтничность населения и стремление к самоидентификации группы, с другой же – тенденцию к отходу от стереотипов, включая гендерные, лояльность и открытость в принятии нового, креативность мышления.

***

- КТОРОВА А., 2002. Сладостный дар, или Тайна имен и прозвищ / Занимательные рассказы об именах, фамилиях и названиях в русской и иноязычной речи. М.
- СЕРГАЕВА Ю.В., 2005. Русские имена как часть американского ономастикона // *Studia Linguistica XIV*, Спб.
- COX J., 2005. Baby Naming Traditions around the World // <http://www.babyzone.com/features>
- CLARK C. B., 2005. What's In a (Utah) Name? // [www.wesclark.com / ubn / article.html](http://www.wesclark.com/ubn/article.html)
- CRYSTAL D., 2002. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*, Cambr.
- KAPLAN J., BERNAYS A., 1999. *The Language of Names*. N.Y.
- THE MIWOK, 2005 // <http://www.josemite.ca.us/history/kroeber.html>.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- BABY NAMES, 2006. // <http://www.babyzone.com/babynames/>
CELEBRITY BABY NAMES, 2006. // <http://www.babyzone.com/babynames/>
COOL BABY NAMES, 2005. // <http://www.babyzone.com/babynames/>
NATIVE NEWS, 2005. // <http://www.indianz.com>
POPULAR BABY NAMES, 2006. // <http://www.ssa.gov/OACT/babynames/>
US CENSUS 2000 GATEWAY, 2004. // <http://www.census.gov/genalogy/>
УТАН BABY NAMER, 2005. // <http://www.wesclark.com/ubn.html>.

Л. П. Тарнаева

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В исследовательской литературе не существует единого мнения относительно определения понятия «концепт» и его вербального выражения. Проблема концепта стала, по сути, предметом междисциплинарных исследований. Вместе с тем следует отметить, что изучение концепта в каждой области научных знаний имеет свою специфику.

В когнитологии концепт понимается как оперативная содержательная единица концептуальной системы и всей картины мира, отражённой в человеческой психике [Кубрякова, 1996: 90]. Совокупность концептов представляет собой единую систему, называемую исследователями «концептуальной моделью мира» [Кубрякова 1988: 143]. Концепты, входящие в концептуальную модель мира всегда основаны на опыте человека, причём многие концепты как бы «пропущены» через языковые выражения и соотнесены с вербальными формами [там же: 173].

В ряде исследований авторы предлагают трактовку концепта с позиций психолингвистики текста. В таком понимании концепт предстаёт как «свёрнутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением интенции ... автора» [Красных, 1998: 57]. В определённом тексте совокупность концептов, характеризующихся многомерностью и ценностной значимостью, образует текстовую концептосферу [Слышкин, 1999: 23].

В когнитивной лингвистике концепт определяется как совокупность всех значений слова, отражающих «представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко, 1995: 75]. Иную трактовку концепта даёт Д. С. Лихачёв. Учёный считает, что концепт существует для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и является своего рода «алгебраическим» выражением значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи. Д. С. Лихачёв отмечает, что концепты, эксплицированные в языковых знаках, существуют не сами по себе, а в определённой человеческой «идеосфере», следовательно, каждый человек обладает своим индивидуальным кругом ассоциаций, оттенков значения и в связи с этим своими особенностями в потенциальных возможностях концепта. Совокупность концептов, которыми обладают все носители определённой лингвокультуры, Д. С. Лихачёв назвал концептосферой языка и культуры в целом [Лихачёв, 1997: 281–283].

По мнению И. А. Стернина, понятие концепта в когнитивной лингвистике используется для раскрытия внутреннего единства и структурированности лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединённых репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях [Стернин, 2000: 239]. В такой интерпретации концепт предстаёт как основа речевой деятельности человека в целом – совокупность концептов составляет тот понятийный фонд, из которого извлекаются мыслительные единицы для осуществления речемыслительного процесса [Худяков, 1996: 102].

Для исследований, связанных с рассмотрением проблем межкультурной коммуникации, особую значимость имеет культурологически ориентированный подход к определению концепта, в соответствии с которым концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2001: 43], как некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», которая не имеет визуального прототипического образа, «хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [Красных, 2003: 272].

С позиций проблем межкультурной коммуникации важнейшей характеристикой концепта является его способность эксплицировать культурные ценности, которые составляют ценностную картину мира, закрепляющую «наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2004: 129]. Культурные концепты, отражающие ценностные

отношения определённого этнокультурного социума, всегда отмечены национально-специфической уникальностью, и даже если они «повторяются в другой культуре, то уже в другой конфигурации» [Бунеева, 2004: 36]. Концепты – это то, что связывает людей, говорящих на одном языке, в этно-культурную общность, поскольку информационные результаты познавательной деятельности индивида, преобразуясь с помощью этнического языка в концепты, становятся достоянием всех людей, говорящих на этом языке [Морковкин, Морковкина, 1994: 66].

Национально-культурная специфичность концептов нашла широкое отражение в исследовательской литературе. Многочисленные работы посвящены выявлению концептов, являющихся доминантными в той или иной культуре [А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, А. Д. Шмелёв, С. Г. Тер-Минасова, Н. Д. Арутюнова и др.]. Концепты исследуются на основе различных подходов – это и интроспективные определения, и гипотетические модели, и социологические и социолингвистические эксперименты, и интерпретативный анализ, и целый ряд других подходов.

В контексте проблем межкультурного общения значительный интерес представляет концепция О. А. Леонтович, в соответствии с которой концепты выступают в качестве необходимой основы формирования межкультурной личности, характеризующейся владением двумя и более системами концептуализации действительности. О. А. Леонтович полагает, что степень национально-культурной специфичности концепта может быть различной. Исследователь выделяет среди ключевых культурных концептов так называемые лакунарные концепты, не имеющие эквивалентов в другой лингвокультуре, и сопоставимые, но не совпадающие, а лишь частично пересекающиеся концепты-аналоги. Лакунарные концепты (например: *русские – цельность, умиление, лукавство, разгул...*; *американские – challenge, privacy, efficiency, competitive, self-made...*) в наибольшей степени отражают особенности менталитета носителей определённой лингвокультуры, т. е. имеют максимальную степень национально-культурной специфичности. Частично пересекающиеся концепты-аналоги, хотя и не являются идентичными, тем не менее могут использоваться в межкультурной коммуникации как соответствия-аналоги (*people – народ, fun – веселье, friend – друг*) [Леонтович, 2005: 112–119].

Признавая правомерность такого подхода к пониманию национально-культурной специфичности концептов, вместе с тем нельзя не отметить, что в современных социокультурных условиях, характеризующихся нарастанием процессов глобализации во всех сферах жизни, специфичность «лакунарных» концептов в значительной степени

«размывается», поскольку глобализация стирает многие различия в общественной, деловой, бытовой, межличностной и прочих сферах, в связи с чем многие явления «перетекают» из одной культуры в другую, а вместе с ними «экспортируются» и «импортируются» и культурные концепты. Наиболее значительна трансляция культурных концептов из американской лингвокультуры в русскую, как, впрочем, и во многие другие лингвокультуры. Особенно стремительный «импорт» англоязычных концептов наблюдается в таких сферах как бизнес и политика, что не удивительно, поскольку развивающийся российский капитализм строит свои стратегии в соответствии с западными моделями.

В качестве примера можно, в частности, привести концепт *challenge*, который, как считает О. А. Леонтович, являясь ключевым для понимания американского национального характера, практически не имеет аналога в русской лингвокультуре, т. е. относится к числу лакунарных. Этот концепт выражает отвагу, готовность рисковать, дух авантюризма – черты, гораздо более присущие американцам, чем носителям русской лингвокультуры [там же: 114].

Однако нельзя не заметить, что в последние годы наблюдается «импорт» этого концепта в русскую лингвокультуру. Проявляется это в том, что из нескольких значений слова, выражающего данный концепт (*проблема, трудность, испытание, вызов*), представителями политики и бизнеса всё чаще используется именно слово *вызов*, семантика которого наиболее близка концепту американской лингвокультуры, поскольку включает такие коннотации как *сопоставительность, соперничество, готовность к борьбе*, т. е. именно то, что выражено в американском аналоге. Следует отметить, что заимствуется не только значение лексической единицы, но частично и её валентность, например, *Мы стоим перед новыми вызовами... (We are facing new challenges...)*.

Подобные явления свидетельствуют о подвижности концептов, о возможности их трансляции из одной культуры в другую. Культуры развиваются и вместе ними развиваются под влиянием социокультурных факторов и национально-культурные концептосферы. Процесс овладения иноязычными культурными концептами, в результате которого происходит своеобразный «симбиоз» концептосфер, может означать изменение языкового сознания носителей контактирующих лингвокультур, что, по всей вероятности, неизбежно в условиях нарастающей глобализации.

***

- БУНЕЕВА Е.С., 1996. Концептологическая модель признака старшинства // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск.
- КАРАСИК В.И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.
- КРАСНЫХ В.В., 2003. «Свой среди чужих: миф или реальность? М.
- КУБРЯКОВА Е.С., 1988. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.
- КУБРЯКОВА Е.С. и др., 1996. Краткий словарь когнитивных терминов. М.
- ЛЕОНТОВИЧ О.А., 2005. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.
- ЛИХАЧЕВ Д. С., 1997. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М.
- МОРКОВКИН В. В., МОРКОВКИНА А. В., 1994. Язык, мышление и сознание et vice versa // РЯЗР. №1.
- СЛЫШКИН Г. Г., 1999. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград.
- СТЕПАНОВ Ю. С., 2004. Константы: словарь русской культуры. М.
- СТЕРНИН И. А., 2000. Концепты – предмет исследования какой науки? // Языковое сознание: содержание и функционирование. М.
- ХУДЯКОВ А. А., 1996. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Архангельск.
- ЧЕРНЕЙКО Л. О., 1995. Гештальтная структура абстрактного имени // Философские науки. №4. М.

О. Е. Филимонова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Одной из актуальных задач современной эмоциологии является выявление особенностей репрезентации категории эмотивности в разных типах текста. Особенно большой интерес в этом отношении представляют художественные и фольклорные тексты, о чем свидетельствуют, в частности, данные ряда исследований последних лет [Ионова, 1998; Филимонова 2001; Синтоцкая, 2003; Воинова, 2006]. Тем не ме-

нее, публицистика и некоторые типы текстов официально-деловой коммуникации также пронизаны эмоциями, что делает актуальной задачу изучения лингвистической репрезентации эмотивных ситуаций в нехудожественной коммуникации.

В современных условиях, характеризующихся ростом разрыва между богатыми и бедными в большинстве стран мира, а также пугающей частотой природных катаклизмов, техногенных катастроф и международных конфликтов, возрастает число людей, нуждающихся в том или ином виде гуманитарной помощи. Такая помощь может оказываться людям как государственными структурами, так и неправительственными благотворительными организациями.

Благотворительность (charity) определяется как денежная или иная помощь бедным, больным, обездоленным, доброта и щедрость по отношению к ним [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000: 207] (перевод мой – О. Ф.).

В данной статье представлен анализ репрезентации категории эмотивности в текстах официальных обращений президентов международной благотворительной организации “Lions Clubs International Foundation”, опубликованных в информационном журнале этой организации “The Lion” за 2003–2006 годы. Как и социальный рекламный текст (см. [Томская, 2000, 2004]), рекламирующий своеобразный объект – социально-значимое поведение человека, анализируемые в данной статье тексты обращений президентов международной организации Лайонз, способствуют решению социальных проблем в обществе.

Как пишет В. И. Шаховский, соотношение сознательного и бессознательного в языке может получить плодотворное изучение на основе материала вербализованных эмоциональных доминант высказываний/текстов [Шаховский, 2004: 165]. В текстах анализируемого типа имеет место эмоциональная доминанта служения, эксплицитно представленная в девизе организации Лайонз “We serve”. “Эмоциональная доминанта играет роль регулятора, направляющего восприятие реципиента на фиксированный в доминантной эмоции путь” [Пищальникова, 2003: 119]. Ведущая эмоция, фиксированная в тексте и высказывании, по мнению В. И. Шаховского, проявляется как эмоциональная доминанта текста или высказывания, а производные – как модификации доминантной. В вербальных актах выявляются также эмоции, нагнетающие эмоциональную доминанту, т. е. преобладающие, а также постдоминантные, т. е. гасящие доминанту. Доминантные эмоциональные смыслы совместно с имплицитными и ассоциативными смыслами эмотивного дискурса образуют подвижное, с размытыми

границами *ассоциативно-смысловое поле доминантной эмоции* (термин В. А. Пищальниковой) [Шаховский, 2004: 155].

Соглашаясь в целом с выводами В. А. Пищальниковой и В. И. Шаховского, отметим, что в анализируемых благотворительных социальных текстах нам не удалось обнаружить постдоминантных эмоций, гасящих доминанту. Видимо, это связано с ведущей прагматической установкой авторов обращений – вызвать у реципиента дух служения, призвать к благородным бескорыстным действиям, направленным на помощь нуждающимся: Mission statement of Lions Clubs International: “To create and foster a spirit of understanding among all people for humanitarian needs by providing voluntary services through community involvement and international cooperation”.

Перейдем непосредственно к анализу текстов обращений президентов “Lions Clubs International”. Анализ проводится по следующим направлениям: тип эмотивной ситуации, семантика социальных эмоций, прагматические эмотивные установки, роль и место эмотивных единиц в структуре целого текста, стилистическая характеристика эмотивных единиц текста.

Под социальными эмоциями мы понимаем рационализированные чувства и настроения, имеющие положительную общественную направленность. Сравним наиболее частотные социальные эмоции, представленные в анализируемом типе текста, с базовыми эмоциями:

социальные эмоции	базовые эмоции
sharing	fear
concern	anger
enthusiasm	joy
pride	love
dedication	happiness
generosity	sadness
caring	

Нетрудно заметить, что в социальных эмоциях значительно выше рациональный компонент значения, его интеллективная доля.

В текстах обращений президентов международной организации “Lions Clubs International Foundation” (далее президентов LI) можно выявить эмотивные ситуации, различающиеся по типу носителя эмоционального состояния – единичного или множественного. Наряду с выражением личных эмоций автора обращения – президента LI, встречаются и ситуации, в которых речь идет об эмоциях человека, нуждающегося в помощи благотворительной организации.

Наиболее частотными, однако, являются ситуации с множественным субъектом эмоционального состояния. Выявляются два типа

множественного субъекта эмоционального состояния – члены лайонз-клубов (представленные преимущественно местоимением *we*, а также существительными и словосочетаниями) и группы людей – объектов благотворительной помощи (*those in need, the street children, the underprivileged*). Приведем примеры эмотивных ситуаций с различными субъектами (носителями) эмоционального состояния.

1). Единичным субъектом эмоции в анализируемых текстах преимущественно является президент Лайонз клуб.

Как правило, семантика его эмоций ограничена этикетными формулами типа “*I am pleased*”, а также выражением уверенности или сомнения в чем-либо либо гордости чем-либо: *I was pleased to learn that clubs around the world are responding passionately to the needs of children who live in adverse circumstances by providing education and health services (A. Mehta); During my visits thus far to Lions in more than 50 nations, I had the pleasure to witness how this concept of sharing is becoming a central theme in their lives (C. F. Kusiak); I am confident that Lions, not only in those nations affected, but throughout this association, will continue to support rebuilding projects and ease the burden of the victims work that is certain to take years to accomplish (C. F. Kusiak); I am proud to say that Lions, through their districts, clubs and individually, respond magnificently (A. Mehta).*

Особо следует отметить частотное употребление выражений, подчеркивающих искренность и горячий энтузиазм выражаемых в обращении социальных чувств, как в следующем примере: *My fellow Lions, I am sincerely passionate in my desire for SightFirst to continue along its path of eliminating the scourge of blindness from the face of the earth (A. Mehta).*

2). Множественный субъект эмоции (как правило, отрицательной), представляющий группу людей, нуждающихся в помощи имеет место в следующих примерах:

Because so many children today suffer from poverty, illness, disability and illiteracy, I am asking that every Lions club conduct at least one service project this year to help disadvantaged children (A. Mehta); There are young people who live in desperate need, who look for the hands of concern, caring and love extended to them. They can be found in every community and are the victims of drug and alcohol, who come from dysfunctional families, are poorly clothed and fed and who lack opportunities for healthy outlets for their energy (Tae-Sup-Lee).

3). Наиболее частотными, и это вполне естественно для данного типа благотворительного текста, являются эмотивные ситуации, отражающие эмоции группы людей – членов благотворительного сооб-

щества. Это могут быть члены Лайонз-клубов какой-либо страны или города, но часто представлены и эмоции, объединяющие людей всего мира, представляющих данную организацию: We share when our club works as a team to plan and carry out service or fundraising projects, and we share the satisfaction in knowing that our efforts have benefited our communities or given hope and a sense of self-fulfillment to those who were sadly lacking these qualities of life (C. F. Kusiak); The Lions Clubs International Foundation enables us to exercise our passion to serve freely and generously in helping others and provides the means to turn dreams into realities. It gives us confidence in knowing that we gain so much for ourselves by making life better for someone else (A. Mehta).

Как видно из примеров, типичными социальными чувствами-ожиданиями, являющимися конечной целью данной международной организации и представленными в данном типе текста, являются такие, как *“the passion to serve”, “the spirit of volunteerism”, “the spirit of understanding”, “good will and harmony”, “humanitarian spirit”* и т. п. Они образуют эмоциональную доминанту исследуемых благотворительных текстов: *All they learn from their Leo membership will, in fact, last a lifetime, ensuring that the spirit of volunteerism will continue to flourish in the community and that there never will be a shortage of leaders who truly understand the passionate need to give of their time and talents on behalf of others. The Lions International Peace Poster Contest, Youth Exchange and Youth Camps teach the young participants the value of promoting and practicing global good will and harmony. Whether it be joining together on a personal basis to share values or to artistically express visions for peace, they truly cultivate the essence of the very first Object of this association: “To create and foster a spirit of understanding among the peoples of the world” (A. Mehta).*

Изучение эмотивных прагматических установок анализируемых текстов обращений президентов LI показывает, что все они реализуют ярко выраженную прагматическую установку “воодушевить, призвать к благотворительному действию”. Во всех без исключения анализируемых обращениях реализуется установка на призыв к бескорыстному служению людям (вспомним девиз организации “We serve”), однако конкретные “преддоминантные” эмотивные смыслы варьируются в зависимости от установки на решение какой-либо конкретной насущной задачи определенного периода. Такими конкретными, частными задачами в рамках сверхзадачи “служения” могут быть следующие (как правило, вынесенные в название обращений): *Our Passion to Serve Youth, SightFirst: Our Special Passion to Perform; Our Passion to Promote International Good Will; Global Good Will and the Spirit of Innova-*

tion; Lions Respond to the Tsunami Disaster; Share Success Through Leadership; The Fine Art of Sharing; Proper Recognition: A Tool For Sharing Personal Success.

Заголовок – сильная позиция любого текста. Анализируя заголовки, необходимо различать понятия эмотивности и экспрессивности. Экспрессивный заголовок далеко не всегда содержит эмотивные лексемы, реализующие эмоциональные концепты. В анализируемых текстах экспрессивность заголовка может создаваться менее традиционной для заголовков, чем утвердительное предложение, вопросительной формой или императивом, а также использованием метафор и других выразительных средств. Сравните: *Club and Membership Growth: Are we on Target?; Open the Gateway for Youth.*

Прагматические установки текстов благотворительных обращений обуславливают некоторые особенности грамматической структуры предложений, входящих в состав эмотивных микротекстов и вкраплений. Прежде всего обращает на себя внимание нетипичное для других текстотипов большое количество предложений с эмотивными глаголами и конструкциями в будущем времени: *Sharing our success will not only reinforce our pride in our membership, it will also convince our service-minded people to be a part of the good work we do (C. F. Kusiak); It will lead to greater productivity because when Lions are rewarded for their achievements they feel that they are making meaningful contributions and consequently will become more enthusiastic and productive. Morale will be boosted in the entire club for morale is contagious... This will also serve to inspire younger members to never slacken their pace as active, dedicated Lions (C. F. Kusiak).* Нацеливая членов организации на благотворительную деятельность, президенты LI прогнозируют не только материально ощутимые результаты совместной деятельности, но и ее эмоциональные и этические последствия. Формулируя установки на помощь обездоленным людям, авторы обращений используют большое количество модальных глаголов и других лексико-грамматических модальных средств и императивных конструкций, свидетельствующих о прескриптивном характере анализируемых в данной статье текстов: *I have always maintained that we must never waver in our resolve to develop and implement increasingly innovative ways to enhance our image (Tae-Sup Lee); It is a passion we all need to share if we are to fully answer Helen Keller's challenge to the "Knights of the Blind" (A. Mehta); We must be on the alert at all times (A. Mehta); How better may we, as Lions, by word and example, inspire the citizens of the world to establish international care and understanding as common human values (A. Mehta); Have no doubt whatever that, today, giving impetus to*

our passion for global peace and good will is not a luxury but a dire necessity (A. Mehta).

В заключение необходимо отметить, что наиболее частотными стилистическими эмотивными средствами воздействия на адресата в анализируемых текстах являются эмотивно-заряженные пафосные эпитеты, стертые метафоры, а также такие традиционные синтаксические средства, как повторы, параллельные конструкции и инверсия. Приведем наиболее характерные примеры: *The ethical standards which have guided Lions over the years give further direction throughout the world by disseminating seeds of concord and mutual respect. Let us never hesitate to extend our hands of friendship across borders, oceans and seas to help ensure a world in which people can live without fear, but with the assurance that help will always be forthcoming to answer immediate and long-term needs and those which occur in times of natural disasters (A. Mehta); The projects funded by LCIF deserve your support and I ask every member of this association to understand the crucial importance of exercising their passion for extending our arm of humanitarian service to people in need the world over (A. Mehta).* Использование интертекстуальности в виде ссылки на авторитеты также служит цели усиления воздействующей силы послания. Высказывания знаменитых людей используются, как правило, в конце послания для эмоциональной поддержки призыва к благотворительности, образующего доминантный эмотивный смысл текста, как в следующем завершающем послание президента фрагменте текста: *The great Jonas Salk once said: "I feel the greatest reward for doing is the opportunity to do more." This is precisely how Lions view their accomplishments on behalf of their communities and people in need and why Lions Clubs International has grown to be the largest and most active service club organization in the world. "Doing more" is central to the vision we all share for the expansion of the LCIF and for the role we wish to play in realizing its increasing impact. I assure you, the extent of the generosity of every Lions club member will determine just how successful your foundation will be in helping to answer the growing needs of humanity (Tae-Sup Lee).*

Эксплицитными сигналами воздействия на членов Лайонз-клубов, читателей журнала "The Lion", являются использование глаголов и существительных *urge, encourage, assure, call for, plead, inspire, desire, dedication* и т. п., а также использование императивных конструкций. Сравните: *I urge all Lions to join in membership growth and share the success of sponsoring new members (C. F. Kusiak); How better may we, as Lions, by word and example, inspire the citizens of the world to establish international care and understanding as common human*

values (A. Mehta); *Let each of us share in this quest to successfully bring about a better, safer, more peaceful world* (C. F. Kusiak). Призывы такого рода содержатся, как правило, в конце посланий, однако достаточно распространены и в других частях исследуемых текстов.

***

- ВОИНОВА В. В., 2006. Реализация категории эмотивности в англоязычной детской литературе. Дисс. ... канд. филол. наук, СПб.
- ИОНОВА С. В., 1998. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Дисс. ... канд. филол. наук, Волгоград.
- ПИЩАЛЬНИКОВА В. А., 2003. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация, Волгоград.
- СИНТОЦКАЯ Н. А., 2003. Реализация категории эмотивности в тексте англоязычной драмы. Дисс. ... канд. филол. наук, СПб.
- ТОМСКАЯ М. В., 2000. Эмотивная оценка в социальном рекламном дискурсе // Язык и эмоции: личные смыслы и доминанты в речевой деятельности, Волгоград.
- ФИЛИМОНОВА О. Е., 2001. Язык эмоций в английском тексте, СПб.
- ШАХОВСКИЙ В. И. 2004, Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личные смыслы и доминанты в речевой деятельности, Волгоград.
- LONGMAN DICTIONARY OF ENGLISH LANGUAGE AND CULTURE, 2000. Longman.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Фетисов А. Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

Занимаясь исследованием теоретических основ перевода, а также анализом реально существующих переводов, несложно сделать вывод, что проблема оценки в переводе связана не столько с критериями (они подробно изучаются и успешно применяются для выполнения, изучения перевода и в обучении переводу), сколько с тем, как эти критерии называть.

Часто при оценке перевода можно услышать высказывания типа: «Вроде все в нем (в переводе) хорошо, но что-то не нравится». Не забывая о том, что здесь скорее выражены чувства, нежели объективная оценка, следует признать, что подобное высказывание содержит в себе и рациональный элемент. Рациональным является то, что перевод, как и всякое явление, связанное с языком и речью, имеет две стороны: идеализированное представление о какой-либо сущности и реальное воплощение ее в речи (ср. напр.: фонема - аллофоны). «Все в нем хорошо» может подразумевать, что передано основное содержание оригинала, учтен стилевой регистр и т. п. Так что же «не нравится»? И почему понравилось тому, кто переводил? По-видимому, и у автора перевода, и у того, кто анализирует перевод, есть некие общие представления о том, что такое «хорошо» в данном случае. Но у аналитика есть еще «что-то», что не входит в систему критериев оценки перевода у переводчика. Это «что-то» может быть довольно мало, но заставляет аналитика испытывать дискомфорт, причины которого не всегда объяснимы.

По нашим наблюдениям, общим во взглядах переводчиков и переводоведов на оценку перевода является то, что все безошибочно отделяют перевод от отсутствия такового¹. Допустим, нужно перевести с английского языка мини-текст типа «запретительная надпись» *No smoking!*

Вариант 1 – Не курить!

Вариант 2 – Курить запрещается!

---

¹ Бывают, хотя и редкие, пограничные случаи. См. напр., перевод «Алисы в Стране Чудес» Б. Заходера, который называл это не переводом, а пересказом, изложением, и настаивал на таком понимании.

Вариант 3 – Туалет закрыт!

Последний, третий, вариант всеми без исключения будет расцениваться как неостроумная шутка, но не перевод, тогда как варианты 1 и 2 будут восприняты как перевод. Причины такой разницы в оценках очевидны: в первых двух случаях в русской версии сохранен смысл английского текста – предметный и логический, - а в варианте 3 общим является только тип текста. Следовательно, можно предположить, что общность смысловых элементов обеспечивает перевод как таковой.

На этом единство впечатлений о «хорошем» в переводе заканчивается, поскольку общность содержания между оригиналом и переводом может варьироваться в самых широких пределах и никогда не бывает стопроцентной (что уже стало аксиомой в переводе). Тем не менее, предварительный вывод таков: в переводе, в переводческой деятельности, сосуществуют два явления: одно из них обеспечивает само наличие перевода как такового; другое обеспечивает его возможную вариабельность. Исходя из этого, можно заключить, что одно явление представляет собой величину абсолютную, т. е. существующую в переводе независимо от условий, в которых перевод протекает; и величину относительную, которая зависит, по крайней мере, от того условия, что разные переводчики имеют разные представления о том, каков должен быть перевод. Примем за абсолютную величину наличие в переводе общности смысла, а за относительную – меру этой общности, которая зависит от разнообразных факторов.

В исследованиях по переводу существование рассматриваемых величин не оспаривается никем, однако можно наблюдать расхождения в наименованиях. Так, В. Н. Комиссаров общность содержания (смысловую общность) называет эквивалентностью, а степень максимально достижимой общности содержания – адекватным переводом [Комиссаров, 1990: 58]. И. С. Алексеева под эквивалентностью понимает меру соответствия переведенного текста исходному тексту, независимо от цели перевода, а под адекватностью – соответствие переведенного текста цели перевода. Развивая свое видение проблемы, И. С. Алексеева в дальнейшем не использует понятие «мера» в определении эквивалентности и трактует последнюю, в частности, как представление о возможном результате перевода, максимально близком к оригиналу. Также этот автор делает вывод о том, что понятие эквивалентности предполагает комплексность, разнообразие условий достижения возможного «максимально эквивалентного» перевода [Алексеева, 2004: 139].

В двух описанных выше концепциях, а также в ряде других² прослеживается некий параллелизм: представление о том, каким должен быть перевод «в идеале» - эквивалентность; объем, степень достижения «идеала» - адекватность. Одно выступает мерой другого. Нам представляется возможным разграничить два обсуждаемых понятия именно на этом основании: эквивалентность, как «равность по состоянию», и адекватность, как «движение, стремление к равному» (что предполагает возможность проследить путь такого движения, со всеми его этапами, а значит, и степенью достижимости). Если вернуться к примеру выше, то варианты 1 и 2 как раз показывают такое движение: в обоих учтены некоторые «состояния» (предметное содержание, коммуникативная цель), но вариант 1 на один «шаг» дальше – он учитывает текстовые конвенции общения (в русскоязычной культуре принято и закреплено именно «Не курить!»). Стало быть, варианты 1 и 2 представляют собой тексты, эквивалентные оригиналу, но вариант 1 адекватен большему спектру требований к переводу, а значит, в большей степени отвечает требованию коммуникативной равноценности, как одному из главных в переводе. Поэтому уместно заметить, что нет таких оценок, как «хороший» или «правильный» перевод. Есть, например, правильная грамматика оформления высказывания, а перевод может быть (или не быть) адекватным этой правильной грамматике, - в случае, когда вообще речь идет о переводе, т. е. о наличии двух эквивалентных друг другу, на основе общности смысла, текстах.

***

АЛЕКСЕЕВА И. С., 2004. Введение в переводоведение. СПб.

КОМИССАРОВ В. Н., 1990. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.

ШВЕЙЦЕР А. Д., 1988. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.

---

² См. напр., А. Д. Швейцер «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты». - М., 1988

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

О. А. Авдеева

АДЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА «СТАРСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Центром концептуального пространства «старость» является широкозначное и полисемантическое прилагательное *old*. Мы заявляем об этом с достаточной степенью уверенности, так как процедуры анализа, проведенного нами, дают основание для подобного заявления.

В первую очередь, на основе метода сплошной выборки по ключевому слову *old* из разнообразных лексикографических источников нами был выделен список единиц, составляющий концептосферу «старость». Единицы этого списка, во-первых, отличаются принадлежностью к разным частям речи – существительным, прилагательным и глаголам (например, *oldness, senility; elderly, senile; to age, to mature*). Во-вторых, они обладают разными морфологическими, а точнее, словообразовательными характеристиками. Единицы, составляющие концептосферу «старость», бывают как простыми и производными, так и сложными лексемами. Производные единицы образуются при помощи словообразовательных процессов словопроизводства (*senility, dotage, elderliness, hoary, oldish, to ripen*) и конверсии (данный способ словообразования касается только глагольных лексем – *to age, to wrinkle, to mature*). В-третьих, эти единицы отмечены некоторыми структурными характеристиками, а именно, они могут быть представлены не только цельнооформленными, но и раздельнооформленными единицами, то есть, словосочетаниями (например, *riper age, too old, not so young as one was, no spring chicken*).

Следует отметить, что имена прилагательные представлены вдвое большим списком лексем, по сравнению с именами существительными и глаголами (24 существительных, 44 прилагательных и 14 глаголов соответственно). Значения этих лексем-прилагательных либо «называют» человека, находящегося на данном отрезке жизненного пути (*old, elderly, aged*), либо эксплицируют концепт «старость» посредством указания на какие-то характеристики, признаки *старости*. Наличие этих признаков характерно для человека, находящегося на заключительном этапе своего возрастного развития (*wrinkled, hoary, grizzled, senile, doting*).

Кроме того, что имена прилагательные, составляющие концептосферу «старость», количественно превосходят глагольные лексемы

и лексемы-существительные, в большей степени именно они являются первичными образованиями (*old, senescent, moribund, senile, anile, overage, mature, mellow, ripe, grey, ancient, decrepit, infirm*). Первичные глаголы и существительные представлены гораздо меньшими списками единиц (в списке первичных существительных оказались лексемы *years, decay, senectitude, eld, winter*, а первичные глаголы составили лексемы *to get on, to decline, to fade, to wane, to ferment, to develop*).

Таким образом, лексемы «старости» имеют главным образом *адъективный характер*, и имя прилагательное является основанием, фундаментом концептосферы «старость» в английском языке. Интересно заметить, что в русском языке лексемы возраста имеют, в отличие от лексем английского языка, субстантивный характер (заключение, сделанное в диссертационном исследовании Власовой К. А.) [Власова, 2002: 6].

Вышеприведенный вывод об адъективном характере единиц концепта «старость», по нашему мнению, позволяет говорить о том, что исследуемый нами концепт базируется на прототипическом значении имени прилагательного, а именно, значении признака, свойства. Это значение является основным для данной концептосферы, а значит описание концептосферы «старость» в общем осуществляется посредством указания на признаки, свойства и характеристики этого явления.

Исходя из частеречного принципа распределения единиц концептуального пространства «старость», были выделены центральные, или ядерные и периферийные единицы каждой части речи. Центральными единицами имени существительного стали *old age, years, oldness, elderliness*, центральными глагольными лексемами – *to age, to grow/become/get old*, а ядро имен прилагательных составили *old, elderly, aged, aging, oldish*. Проанализировав лексемы *old* и *age* как основные единицы ЦЕНТРА концептосферы, от которых образуются другие ядерные единицы, в *диахроническом аспекте*, то есть, изучив этимологические истоки этих единиц, мы обнаружили, что именно прилагательное *old* является единственной исконно английской лексемой, истоки которой восходят к англосаксонскому **eald**. (Лексема *age* происходит от старофранцузского **aage, eage**). Может быть, по этой причине лексема «old» служит опорой для определения остальных единиц концептосферы и является наиболее частотной лексемой из всех выделенных нами лексем концептосферы «старость».

На примере дефиниций некоторых единиц исследуемой концептосферы проиллюстрируем, что все они определяются через прилагательное *old*. Это относится к единицам, находящимся как в центре концептуального пространства «старость», так и на его периферии.

В первую очередь, обратимся к определению лексемы *old*. Все определения этой лексемы, проанализированные нами в толковых словарях английского языка, сводятся к следующему – **живущий или существующий достаточно долгое время; проживший много лет и больше уже не молодой** (someone who has lived for a long time and is no longer young). Это значение занимает первую позицию в списке значений данного слова в толковых словарях The Oxford English Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, The Cobuild English Language Dictionary, Cambridge International Dictionary of English, Macmillan English Dictionary.

Old age определяется как **отрезок времени, период, когда индивид является старым человеком** (the part or period of one's life when one is *old*). *To age* – **стареть, становиться старым** (to become *older*), *elderly* – **пожилой, довольно (достаточно) старый** (rather *old*, getting near *old* age), *aged* – **престарелый, очень старый** (very *old*), *hoary* – **старый седой человек** (having grey or white hair in old age), *venerable* определяет человека, **заслуживающего глубокое уважение и почтение, потому что этот человек стар и мудр** (someone deserving great respect and honour because he's *old* and wise); *past it* характеризует **очень старого человека, который не может выполнять ту работу, которую он мог выполнять, когда был моложе** (someone is too *old* to do something which they could have done when they were younger), *with one foot in the grave* – **человек настолько стар или болен, что возможно скоро умрет** (somebody is so *old* or ill that he/she probably will die soon) [Longman Dictionary of Contemporary English, 1995; Collins COBUILD English Language Dictionary, 1990].

Следующие ниже положения целесообразно рассматривать как доказательства гипотезы, согласно которой лексема *old* обладает статусом концептуального центра концептосферы «старость», т. е. является её ПРОТОТИПОМ, и служит её именем.

1) Все приведенные дефиниции лексем и синтаксических единиц концептуального пространства «старость» содержат прилагательное *old*, с помощью которого толкуются практически все выделенные нами единицы рассматриваемого концептуального пространства.

2) Лексема *old* является не производной, а первичной лексемой.

3) С позиций этимологии, именно прилагательное *old* является исконно английской лексемой.

Вывод об адъективном характере концептосферы «старость» позволяет сосредоточиться на лексемах-прилагательных концептосферы и подробнее описать их. Как уже было отмечено, к центру рассматриваемого концептуального пространства относятся единицы *old*,

elderly, aged, aging, oldish, являющиеся именами прилагательными. Категория «старость», как и категория «возраст» вообще, является градуируемой категорией. Члены подобной категории отличаются друг от друга **разной степенью проявления одного и того же признака**. Порядок нарастания характеризует лексемы-прилагательные, являющиеся центральными в концептосфере «старость». Словари синонимов и толковые словари английского языка дали нам возможность проследить градацию этих единиц.

Прилагательные *old, elderly, aged, aging*, и *oldish* в общем плане описывают человека преклонного возраста (*far advanced in years*). Под лексемой *aged* подразумевается крайне преклонный возраст с присущими ему признаками: слабостью, дряхлостью и иногда старческим слабоумием (*The aged creature came shuffling along with ivory-headed wand – Keats*). Лексема *old* подчеркивает преклонные годы жизни человека, но его жизнь пока не отмечена ...упадком физических и интеллектуальных сил, в отличие от лексемы *aged* (*a man, old, wrinkled, faded, withered – W. Shakespeare*). Прилагательное *elderly* обычно подчеркивает только тот факт, что расцвет жизни уже позади, и человек очень близок к состоянию, именуемому *old* (*When you see me again I'll be an old man – that was a slip, I meant to say elderly – J. R. Lowell*) [Webster's New Dictionary of Synonyms, 1968]. *Aging* характеризует стареющего человека, который уже не является таким привлекательным и умелым, каким был раньше (*an aging film star, an aging playboy*) [Collins COBUILD English Language Dictionary, 1990]. Лексема *oldish* относит человека к разряду «довольно старых, староватых» (*quite old, somewhat old*), что является более смягченным вариантом по сравнению с *old* (*I wouldn't say that her parents are old, oldish perhaps, but not old*) [Cambridge International Dictionary of English, 1995].

Рассмотрев различия в значении прилагательных ЦЕНТРА, по сути обозначающих одно и то же явление, только разную степень его проявления, можно расположить эти единицы на шкале градуально, сделав следующий вывод: *the aging man* только-только начинает приобретать характеристики человека пожилого возраста, *the elderly man* уже пересек зенит своей жизни, *the aged man* быстро приближается к концу, пределу своего существования, а *the old man* уже достиг этой границы или даже перешагнул через нее, то есть, попал в разряд должителей.

Единицы *elderly, aging, oldish* и *aged* всегда звучат более вежливо по сравнению с *old*. В современном политкорректном обществе со-

ветуют избегать употребления слов *old* или *elderly* и не обращаться к старым и пожилым людям как *the old* и *the elderly*. Эти слова и выражения считаются оскорбительными. Более уместными объявляется использование таких сочетаний, как *older people, retired people, the over 50s/60s, seniors* и им подобных [Macmillan English Dictionary, 2006: 985].

Единицы, образующие ПЕРИФЕРИЮ концептуального пространства «старость», характеризуются наличием дополнительной семы и на ее основании могут быть разделены на четыре группы (см. таблицу ниже).

Группы	Единицы концептуального пространства «старый»
1. Заслуживающий уважения, потому что «старый».	Venerable, patriarchal, time-honoured.
2. Характеризующийся некоторыми признаками физического и интеллектуального состояния, потому что «старый».	Doddering, senile, anile, geriatric, decrepit, infirm, dotting.
3. Более непригодный в профессиональной деятельности, потому что «старый».	Superannuated, overage, past it, over the hill.
4. Имеющий некоторые внешние проявления старости.	Hoary, grey, grizzled, grey-bearded.

***

ВЛАСОВА К.А., 2002. Словообразовательные гнезда МОЛОДОЙ – СТАРЫЙ в русском языке: Автореф. дис...канд. филолог. наук, М. CAMBRIDGE INTERNATIONAL DICTIONARY OF ENGLISH, 1995. Cambridge.

COLLINS COBUILD ENGLISH LANGUAGE DICTIONARY, 1990. London; Glasgow.

LONGMAN DICTIONARY OF CONTEMPORARY ENGLISH, 1995. London.

MACMILLAN ENGLISH DICTIONARY, 2006. Oxford.

WEBSTER'S NEW DICTIONARY OF SYNONYMS, 1968. Springfield (Mass), Merriam.

АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

С точки зрения лингвостилистики аллюзия обычно трактуется как преднамеренное использование элемента предшествующего текста в виде скрытого или явного намека (упоминания) с целью вызова соответствующих ассоциаций, направленных на выявление связи двух контекстов. Аллюзия ведет к обогащению содержания нового текста и изменению объёма значения самой аллюзии [Гальперин, 1981]. Стилистический приём аллюзии рассматривается и с учётом её роли в создании имплицитного содержания в тексте [Арнольд, 2004].

Аллюзия относится к важным смысловым составляющим текста [Ирисханова, 2000: 25], а её исследование находится в русле антропоцентрических подходов к языку и тексту и представляет интересный материал для описания ценности событий, их репрезентации в языке и культуре. Способствуя категоризации знаний человека об окружающем мире, аллюзия выступает способом обращения мысли к прошлому, позволяет воспринимать предшествующий опыт. Как инструмент человеческого мышления, основанный на нахождении ассоциативных взаимосвязей между разнообразными системами понятий, она обеспечивает концептуализацию действительности и может быть, т. о., причислена к явлениям концептуального порядка.

Выбор аллюзии и выявление её способности актуализировать первоначальный контекст представляет особый интерес в «демонстративно субъективном» жанре эссе, запечатлевающем поток мыслей эссеиста и раскрывающем его субъективный взгляд на мир. Новые возможности для изучения особенностей авторского мировосприятия и мирооценки открывает когнитивистика, которая обращает исследователя эссе, в том числе и по отношению к аллюзии, к выявлению соотношения языковой формы и мыслительной деятельности. В рамках когнитивной науки аллюзивная единица воспринимается как элемент, сигнализирующий о существовании глубинных когнитивных процессов. Аллюзия превращается в катализатор новых смыслов, подлинное значение которых сопрягается с её ассоциативными связями, с более широким социо-культурным миром представлений и ценностных установок [Ирисханова, 2000: 25].

Выявление аллюзии, определение ее связи с источником и интерпретация аллюзивной единицы предполагают актуализацию экстралингвистических знаний реципиента, который должен продемонстрировать

знание историко-культурного контекста, литературного стиля и жанра, индивидуального авторского стиля и пр. [Потылицина, 2005: 33].

В силу своей двойственной природы – одновременной принадлежности к двум или более текстам – аллюзия традиционно рассматривается в рамках теории интертекстуальности. «Интертекстуальность, – пишет В. Е. Хализев, – это совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам» [Хализев, 2000: 261]. Интертекстуальность программируется заранее и является стратегией автора [Петрова, 2005: 147]. По мнению И. В. Арнольд, интертекстуальность «создает двойственность знака: он одновременно принадлежит и данному, и другому тексту, и разным "возможным мирам"» [Арнольд, 1999: 376]. Адекватную расшифровку аллюзивного текста может обеспечить лишь полное двустороннее восстановление этого знака.

Для обозначения субъектов интертекстуальных отношений используются различные термины: предтекст, прецедентный текст, опорный текст, текст-донор и пр. При анализе аллюзии как средства объективации авторской картины мира в рамках статьи для обозначения текста, предшествующего данному и являющегося источником аллюзий, будем использовать термин «прецедентный текст» [Караулов, 1987], а для обозначения текста, содержащего аллюзию как ссылку на прецедентный текст, – аллюзивный текст. Показателем прецедентности текста является наличие отсылок к данному тексту в виде реминисценций [Слышкин, 2000: 28], «осознанных vs. неосознанных, точных vs. преобразованных цитат или иного рода отсылок к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун, 1995: 17]. Данное положение позволяет характеризовать тексты-источники аллюзивных единиц как прецедентные.

Основными прецедентными текстами различных периодов развития эссе являются Библия, мифология, научные и философские трактаты, литературные произведения. Аллюзия соответствует стремлению эссеиста убедить читателя в правоте своей (субъективной) оценки ситуации путем ссылки на общеизвестные факты и события. Смысловая насыщенность аллюзии способствует тому, что она может определить главную тему произведения или участвовать в ее развертывании. Возникнув на одном участке текста, аллюзия может отражаться на другом, в котором она отсутствует, но на который воздействует. Смысловое и содержательное наполнение аллюзии влияет на кон-

текст, благодаря чему аллюзия определяет смысловую линию произведения [Потылицина, 2005].

В эссе Р. В. Эмерсона "Love" затрагивается тема высочайшего чувства человека – любви. Весь мир представляется влюбленному большим праздником, в котором каждый звук ласкает слух и каждое движение напоминает танец. Любовь понятна всем, именно поэтому люди увлекаются любовными историями и проявляют глубокий интерес к их героям, несмотря на то, что никогда не видели и не увидят их. Любовь – чувство, объединяющее все человечество.

При выявлении смыслового содержания текста определяющей является аллюзия *Venus*, введенная в самом начале текста: "Every soul is a celestial Venus to every other soul" – у каждого человека есть своя божественная Венера. Актуализация авторского концепта *Venus* основывается на взаимодействии элементов его ассоциативного поля, а именно: ассоциатов *love* и *Venus*. В мифологии Венера является богиней красоты и любви и любовной страсти. Таким образом, в семантическое поле ассоциатов *love* и *Venus* включаются концептуальные смыслы чувства, сильного душевного волнения, трепета, а также божественности, совершенства, привлекательности, влечения. Перечисленные смыслы характеризуются положительной оценочной коннотацией и могут быть определены как коннотативные синонимы. Объяснение аллюзии сводится к следующему: любовь не обходит стороной никого, это чувство, затрагивающее каждого; влюбленный человек воспринимает объект своей страсти как богиню, самую прекрасную и самую любимую.

Смысловое содержание аллюзии определяет последующий текст и эмоционально-возвышенный тон эссе. В индивидуально авторской картине мира любовь – это вездесущее явление. Она, как могущественная Венера, овладевает человеком, рождая в нем бурю эмоций. Пламя любви, зародившись в каждом отдельном человеке, разгораясь, согревает и озаряет весь мир и всё человечество. Не стоит делить любовь по возрасту, поскольку она всегда молода, всегда прекрасна. Аллюзивный концепт *Venus* становится главным приёмом, с помощью которого строится основная сюжетная линия текста. Смысловое содержание аллюзии служит фоном для всего текста.

В эссе А. Коули "The Dangers of an Honest Man in Much Company" аллюзия *the sons of Adam* (сыновья Адама) участвует в развертывании основной темы, но действует на одном участке текста. Автор описывает различные ситуации, в которые может попасть честный человек, и общество, в котором ему придется жить. Добродетельного человека всегда окружают негодяи, с которыми он, в силу порядочности, не может вести борьбу, а поэтому чаще всего он бывает одинок. На ве-

ликой дороге жизни он встречает сострадание, горе, гнев, ненависть, негодование, словом, все проявления чувств, кроме зависти, поскольку ничто в нем не вызывает зависть окружающих. Вследствие этого, он никогда не испытает того, что случилось с сыновьями Адама (the sons of Adam).

Прецедентным текстом аллюзии the sons of Adam является Ветхий Завет Библии. Актуализация авторского концепта the sons of Adam основывается на взаимодействии ассоциатов *honest man* и *much company*, которые включают концептуальные смыслы честности, добродетели, мучения/зависти, свирепости, злодеяния. Данные смыслы образуют единое семантическое поле борьбы добра и зла. По мнению эссеиста, людьми управляют скупость и амбиции, а поэтому честному человеку следует остерегаться толпы, для которой характерны качества, унаследованные от Каина.

Аллюзия the sons of Adam раскрывает отдельный аспект развития тематической линии эссе. Честный человек, несмотря на все подстерегающие его опасности, может быть уверенным в том, что никогда не столкнётся с завистью, которая повлечёт за собой неожиданные разрушительные действия людей. Автор исключает вероятность того, что честного человека может погубить зависть окружающих.

Текст эссе – это динамичная комплексная структура, источник различных стилистических приёмов, в частности, аллюзии. Тексты английского эссе характеризуются широкой областью применения аллюзии, что является следствием богатого разнообразия их тематической направленности. Создаваемый средствами конкретного языка, целью которого является выражение концептуальной картины мира, эссе основывается на общесистемных концептах, однако, неизбежно отражает авторское видение окружающей действительности, ее индивидуальную версию. Это неизбежно предполагает индивидуальную модификацию общесистемных концептов.

Аллюзии в тексте эссе формируются вокруг понятий, имеющих отношение к человеку. Человек, все то, что с ним связано, являются центральной темой повествования. Уместно напомнить, что появление жанра эссе явилось в большей степени следствием возросшего интереса к личности человека.

***

АРНОЛЬД И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.
АРНОЛЬД И. В., 2004. Стилистика. Современный английский язык. М.

- ГАЛЬПЕРИН И. Р., 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М.
- ИРИСХАНОВА К. М., 2000. Стилистические ресурсы и парадигмы их исследования // Стилистические аспекты. Вып. 451. М.
- КАРАУЛОВ Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М.
- ПЕТРОВА Н. В., 2005. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): Дис. ...док. филол. наук. Волгоград.
- ПОТЫЛИЦИНА И. Г., 2005. Дискурсивный аспект аллюзивной интертекстуальности английского эссе: Дис. ...канд. филол. наук. М.
- СЛЫШКИН Г. Г., 2000. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.
- ХАЛИЗЕВ В. Е., 2000. Теория литературы. М.
- COWLEY A., 2001. The Poetical Works of Abraham Cowley. Elibron Classics.
- EMERSON R. W. Love. <http://www.pdgp.net>

С. С. Бойцова

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОМИЧЕСКОГО

Комическое охватывает многие стороны человеческого бытия, и многочисленные его исследования в рамках философии, социологии, биопсихологии, лингвистики составляют обширный пласт научной литературы. Тем не менее, мы вынуждены признать, что, несмотря на пристальное внимание к феномену комического со стороны целого ряда научных дисциплин, юмористический код на данный момент по-прежнему остаётся неразгаданным и обнаруживает в процессе функционирования всё новые грани своей полимодальной сущности. Ни одна из сменяющих друг друга теорий комического так и не смогла предоставить исчерпывающего объяснения тому, как возникает, где скрывается и каким образом проявляет себя ядро комического в высказывании, способном вызвать у реципиента сложную физико-психическую реакцию – смех.

Изучение категории комического имеет богатые лингвистические традиции. В отечественных исследованиях вербального юмора долгое время преобладала односторонняя ориентация на стилистический приём. В рамках структурно-семантического и грамматического направления возникновение комического смысла считалось (и в праве

считаться) возможным благодаря наличию в системе языка определённого набора трансформационных моделей: на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях. Не случайно наиболее изученным на данный момент является собственно лингвистический аспект комического, а совокупность вербальных средств репрезентации комического смысла рассматривается как одно из проявлений изоморфизма языковых систем. Не отрицая всей важности способов вербальной репрезентации юмора, нужно отметить, что собственно лингвистических критериев для описания комического явно недостаточно.

Принципиально новым этапом в развитии теории комического стало «вторжение» в его сферу интересов когнитивной лингвистики. Когнитивизм – взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации [Демьянков, 1994: 17], а различия между языками сводиться не к тому, что они могут выразить, а к тому, что они должны выражать [Демьянков, 1994: 29]. Лингвокогнитивный подход к вопросам комического базируется на тезисе о параллелизме языковых и мыслительных процессов. Исследования показали, что существует определённая связь между комическим и дивергентным мышлением. Следовательно, порождение комического неотделимо от творческого характера мышления, поскольку всегда связано с неоднозначностью, игрой смыслов, лингвокогнитивным экспериментом [Желтухина, 2000: 24].

Среди когнитивных теорий комического, наиболее ценными нам представляются следующие: семантическая теория сценариев В. Раскина, бисоциативная теория А. Кёстлера, формальная теория С. Аттардо.

Исходное положение теории А. Кёстлера сводится к тому, что структура комического бисоциативна. Мы воспринимаем действительность в двух ассоциативных контекстах (фреймах, сценариях). При резком переключении хода мыслей из одного контекста в другой возникает бисоциативный шок, который и становится причиной возникновения комического смысла.

Согласно теории семантических сценариев В. Раскина, сценарий как носитель семантической информации моделирует лингвистическую и экстралингвистическую компетенцию человека. Соположение таких сценариев при участии *переключателя* вызывает в сознании человека одну из оппозиций, затрагивающих важные категории человеческого существования: реальное / нереальное, истинное / ложное и т. д. [Желтухина, 2000: 23–25].

Следует отметить принципиальное отличие когнитивного юмора от тех проявлений комического, интерпретация которых не требует

от реципиента напряжённого интеллектуального участия и определённой понятийной и познавательной компетенции, как, скажем, в случае с ситуативно-обусловленным юмором (ситком), вызывающим сугубо инстинктивную реакцию смеха. В основе когнитивного юмора лежат сложные ментальные процессы на уровне абстрактного мышления, а сам комический текст, несущий заряд когнитивного юмора, может быть отнесён к одному из следующих классов: 1) аллюзивный юмор – возникает в результате соотнесения ситуации с известным читателю ассоциативным контекстом; 2) интерпретационный юмор – возможен благодаря гибкости мышления и способности человека по-разному интерпретировать одно и то же явление действительности; 3) юмор парадокса – базируется на соотнесении взаимоисключаемых явлений; 4) инференциальный юмор – состоит в приведении реципиента к определённом выводу, осознание абсурдности которого и порождает комический смысл [Chalmers, 1989:1].

Таким образом, анализ лингвокогнитивных теорий свидетельствует о том, что комическое возникает путём совмещения противоположных модусов, взаимоисключающих ассоциативных контекстов, то есть во фреймовых трансформациях. Примером подобного фреймового совмещения, порождающего комический эффект, может служить следующий отрывок из романа К. Воннегута «Колыбель для кошки» (“The Cat’s Cradle”):

Oh, a sleeping drunkard
Up in Central Park,
And a lion-hunter
In the jungle dark,
And a Chinese dentist,
And a British queen –
All fit together
In the same machine.
Nice, nice, very nice;
Nice, nice, very nice;
Nice, nice, very nice -
So many different people in the same device.

Заявленные в данном отрывке имена персонажей окружены определённым ассоциативным контекстом. Парадоксальное соположение таких контекстов порождает в сознании читателя целый пучок пересекающихся оппозиций, противопоставленных, в частности, по признакам: а) социального статуса (a drunkard – a queen), б) географического положения (Central Park – jungle dark), в) этнической (Chinese – British) и профессиональной (dentist – hunter) принадлежности и т. д.

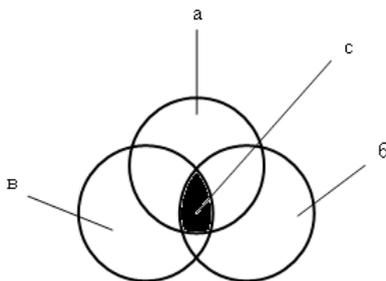
Закономерным результатом такой карнавальной игры образов становится возникновение комического эффекта. Подобная лингвистическая игра представляет собой результат манипуляции автором дискурсивным пространством собеседника/читателя и может возникать на различных уровнях языка. Не случайно для осознания когнитивной природы комического чрезвычайно важно понятие *текущего дискурсивного пространства* – Current Discourse Space. Образованное системой элементов, связей и отношений, текущее дискурсивное пространство является общим для автора и читателя концептуальным полем и предоставляет операционное пространство для осуществления различных когнитивных процессов, в том числе для формирования и передачи комического смысла [Veale, 2006: 321].

Итак, комическое мироощущение, свойственное исключительно человеку, представляет собой одну из древнейших и наиболее развитых форм общественного сознания. Каждая языковая система располагает определённым набором механизмов фиксации и передачи комического смысла, достаточно широко освещённых в лингвистической литературе. Однако на современном этапе мы убеждаемся, что изучение комического выходит за рамки структурно-семантического и грамматического анализа языковых механизмов его формирования. Феномен комического не исчерпывается набором операций по преобразованию языковых единиц, но заявляет о себе как сложная психолингвистическая сущность, как специфическая форма отражения внутреннего мира и когнитивного существования человека.

В заключение следует отметить, каким образом рассмотренные положения когнитивной природы комического находят отражение в рамках художественного текста, в частности в жанре художественного романа.

Комический рисунок способен проявляться на материале текстов художественного романа особым образом. Значительно более сложный по своей структуре в сравнении с малоформатными художественными текстами, роман обязан своей комичностью, с одной стороны, его внутренней связности (посредством системы персонажей и образов), а с другой стороны, более тесным контактом с дискурсивным пространством читателя и апелляции к энциклопедическим знаниям последнего [Galinaes, 2005: 78]. Не отрицая научной ценности теории семантических сценариев В. Раскина как таковой, К. Триценберг дополняет её понятием «усилителей комического смысла» (*humor enhancers*) – особых механизмов, создающих эстетический и эмоциональный фон художественного текста и вводящих читателя в интеллектуальное пространство автора. Сводя к минимуму степень ожи-

дания «серьезности», «усилители комического» настраивают читателя на адекватное восприятие комического смысла художественного текста. К числу таких приёмов, в частности, автором относятся: техника подбора слов, включение элементов этнического юмора, различные формы повтора и т. д. [Triezenberg, 2004: 411–418]. Так, в названии одной из глав романа К. Воннегута – *A Tentative Tangling of Tendrils* – приём аллитерации не только служит цели усиления акустического комического образа, но также провоцирует активацию и, как следствие, соположение, содержащихся в каждом наименовании семантических сценариев. Процесс подобного соположения семантических сценариев вследствие фонетического сближения изображает следующий ниже рисунок, где *а*, *б*, *в* – семантические поля слов *tentative*, *tangling*, *tendrils*, а *с* – область перекрывания данных сценариев, непосредственное ядро комического эффекта:

***

- ЖЕЛТУХИНА М. Р., 2000. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. М.
 ДЕМЬЯНКОВ В. З., 1994. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. № 4.
 CHALMERS D., 1989. A Taxonomy of Cognitive Jokes
 GALINANES C. L., 2005. Funny Fiction; or, Jokes and Their Relation to the Humorous Novel // Poetics Today 26:1
 TRIEZENBERG K., 2004. Humor Enhancers In the Study Of Humorous Literature // Humor 17–4
 VEALE T., FEYAERTS K., BRONE G., 2006. The Cognitive Mechanisms of Adversarial Humor // Humor 19–3.

РЕЗОНАНСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Понятие «**дискурс**» (фр. *discours*, англ. *discourse*) рассматривается в современной лингвопрагматике как важная составляющая коммуникации, как речь (устная или письменная), включенная в широкий коммуникативный контекст. В определении Кубряковой Е.С. дискурс квалифицируется как когнитивный процесс, связанный с восприятием и реальным речепроизводством [Кубрякова, 1997: 13]. Популярность термина и понятия «дискурс» не только в лингвистике, но и в целом ряде дисциплин, смежных с лингвистикой, привела к тому, что содержание, вкладываемое в это понятие, не всегда и не во всем тождественно. Причину отсутствия четкости в определении дискурса можно усмотреть, прежде всего, в широте охватываемого данным понятием явления, а также в том, что каждая наука выделяет в качестве ядра ту его характерную черту, которая представляет наибольший интерес для данной отрасли научного знания [Арутюнова, 1990: 136].

Подобное понимание дискурса становится базой для выделения **политического дискурса** в отдельную систему коммуникации, к которому относят правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков, то есть те жанры, которые принадлежат сфере политики. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью политиков, исследователи отмечают также, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса, то есть он актуализируется в такой институциональной обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Иными словами, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [Dijk, 1981: 45]. Политический дискурс оказывает большое влияние на общественное сознание, широко распространен в средствах массовой коммуникации и неразрывно связан с понятием «резонансная коммуникация» [Haberland, 1999: 67].

Резонансная информация представляет собой особую форму межличностной коммуникации, включающую в себя такие находящиеся в «самодвижении» автотекстовые комплексные коммуникативные единицы, как слухи, сомнительные были, подсказки и «советы бывалых», личностные и институциональные мифы различного порядка, которые, циркулируя с определенной частотностью в социальном пространстве, выступают в качестве организационной основы

объединения людей на базе общности интерпретационного содержания такой информации [Романова, 2001: 144–146].

Резонансная информация направлена на реализацию следующих функций:

– *вуалирование информационной некомпетентности* (у СМИ в ряде случаев отсутствуют точные данные об источнике информации, и введение «слуховых маркеров» позволяет несколько завуалировать этот недостаток). «Investigators had originally said the attacker was believed to have acted alone, but the Sun reported he possibly had an accomplice» [НТ, 2006].

– *преднамеренное утаивание источника информации* (часто использование неопределенного авторства связано не с отсутствием знания об источнике информации, а с необходимостью скрыть его на основе договоренности, заранее достигнутой между руководством СМИ, ведущим и журналистом).

«Some journalists had apparently started a muttering campaign against Politkovskaya» [TG, 2006].

– *функция манипуляции* (за ссылкой на слухи стоят мнения и прогнозы самого журналиста, который в целях политической выгоды не хочет оформлять их как собственные, однако, заинтересован в том, чтобы они стали достоянием общества). «...the diplomatic tour is designed...amid rumors that some of the key players are growing nervous of military action» [TG, 2006].

– *функция толерантности* (при наличии малейшего сомнения в достоверности сообщаемой информации, становится не принятым настаивать в своей правоте в терминах «it's true, exactly, undoubtedly»).

«Some opposition leaders said that it's true that the vote was riddled with fraud» [НТ, 2006].

– *функция произвольной оценки* (ведущий оформляет необходимое ему для оценки содержание в рамки слуха, а затем в режиме прямой или косвенной речи вводит модусный объект «субъект авторитетного мнения»).

«Kadyrova denied any “Chechen trace” in the killing. “It’s hearsay and rumors, which don’t show either politicians or the media in a good light» [TS, 2006].

– *функция «конфликт мнений»* (кроме обязательного для каждого текста автора, в него вводится субъект авторитетного мнения. Как следствие – возможное столкновение различных точек зрения) [Кубрякова, 1997: 16].

«On one side are doctors who say that the definition of mental illness should be broad enough to include mild conditions...

On the other are experts who say that the current definitions should be tightened to ensure that limited resources to go to those who need them the most and to preserve the profession's credibility» [TN, 2006].

Реализация резонансной информации (РИ) в актах политической коммуникации имеет свою специфику, которая проявляется на семантическом (содержательном), коммуникативно-прагматическом и регулятивном уровнях функционирования ее **коммуникативных единиц** – слухов, былей, мифологизированных историй, советов бывалых людей, советов авторитетных людей. В семантическом плане выделенные коммуникативные единицы характеризуются не только содержательной (семантической) спецификой их плана выражения, но и коммуникативными особенностями, присущими резонансной информации в целом. К их числу следует отнести, прежде всего, такие характерные особенности, как:

- *анонимная природа*;
- *автотекстовость и самотранслируемость*;
- «самодвижение» как по заданной (когнитивной, коммуникативной или часто резонансной) схеме распространения, так и по произвольному (т. е. резонансно направляемому) маршруту;
- *гибкая вариативность* форм воздействия относительно адресатной аудитории и способность выступать в качестве базового прототипа (основы) для построения последующих резонансных коммуникативных единиц;
- *функциональная протяженность* используемых резонансных коммуникативных единиц во времени и их стираемость или вытесняемость из коммуникативного пространства новыми информативными единицами резонансного типа;
- *легкая транспонируемость* и смена (а также быстрая смена и замена) целевых установок и функционально-семантическая гибкость их плана выражения;
- *символичность и мифологичность*;
- *эмоциональная окрашенность*;
- *активность* в обиходе массового общения и легкая *подстраиваемость* под каналы сенсорного восприятия (устная и визуальная форма)
- *объективная субъективизация* информативного содержания, основывающаяся на принципе включения или вводности резонансных коммуникативных единиц, так называемых маркеров «слухового канала»: «they say, that...», «I heard, that...», «sources say» «they said on the radio \ I read in the newspaper, that...», « an authorized man said, that...»[Романова, 2001: 146].

Затемнение истинности высказывания, создание модуса неопределенности позволяет избегать четкого обозначения в тексте того, кто, когда и где стал источником публикуемой информации. Исключение субъекта как источника информации осуществляется с помощью:

- пассивных конструкций с глаголами to seem, to believe, to consider, to understand, to expect;

- конструкций с семантикой говорения, сообщения чего-либо типа is said, is announced;

- обстоятельств, указывающих на косвенный источник информации (allegedly, reportedly) или ее выводной характер (evidently, apparently)[Макаров, 1998: 200].

И как следствие, автор порождаемого текста не несет ответственность за достоверность или фактуальность его тематического пространства или иллюкативную направленность, потому что у него всегда есть возможность сослаться на предыдущего автора, независимо от степени отклонения от услышанного: «An authorized man said that the vote was riddled with fraud»[TN, 2006]; « They said on Sunday that those who participated in a cover-up would have to resign»[TG, 2006]; «I interviewed Hale in 2002 because I had heard he was becoming a key figure in America's hate community» [HT, 2006].

В чисто прагматическом плане резонансная информация примечательна тем, что функционально она опирается на принцип неравенства (различия) между информационным входом и информационным выходом, когда информационный вход значительно меньше, чем информационный выход.

Прагматическая специфика резонансной коммуникации и ее единиц – резонансных коммуникативных актов (РКА) – определяется их семиотической природой, когда порожденные и направленные по определенному «маршруту» РКА самотранслируются с определенной частотностью и порождаются с новым объемом информации на определенном витке взаимодействия между автором \ ретранслятором и адресатом, который в дальнейшем также становится автором. Тематическое пространство актов резонансной информации затрагивает, как правило, принципиально умалчиваемую (скрываемую) информацию. Интерес к открытию тайн повышает интерес и доверие к их содержанию, чем нельзя воспользоваться в период, например, предвыборных кампаний, в пропаганде, агитации.

Прагматический и психологический механизм «поделиться с близкими раскрытой тайной» обуславливает быстрое распространение РКА. Такие РКА, как правило, никогда не повторяют того, что уже известно из средств массовой коммуникации, т. к. они не представля-

ют интереса с точки зрения таинства и сакральности. Отсюда легко установить и масштаб распространения РКА: зона «говорения» равна зоне «молчания» и наоборот.

Обозначенная модель, как представляется, может быть востребована в любых формах агитации, пропаганды или контрпропаганды [Романова, 2001: 145].

***

АРУТЮНОВА Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совр. энцикл.

КУБРЯКОВА Е. С., 2000. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН.

КУБРЯКОВА Е. С., 1997. АЛЕКСАНДРОВА А. В., Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира, пространства и времени. М.: Диалог-МГУ.

МАКАРОВ М. Л., 1998. Интерпретационный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Тверского ун-та.

РОМАНОВА А. А., РОМАНОВА Л. А., 2001. Резонансная информация в политической коммуникации // Филология и культура. Матлы III межд. науч. конференции. Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г.Р. Державина.

DIJK T. A., 1981. Studies in the Pragmatics of Discourse. Mouton.

HABERLAND H., 1999. Text, discourse: The latest report from the Terminology Vice Squad // Journal of Pragmatics. No. 31.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

HT – Herald Tribune

ST – St. Petersburg Times

TG – The Guardian

TN – The New York Times

**ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ НАУЧНОГО СТИЛЯ НА
РЕАЛИЗАЦИЮ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В ТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ЭССЕ ДЖОЙС КЭРОЛ
ОУТС «‘ALICE IN WONDERLAND’ AND ‘ALICE THROUGH
THE LOOKING GLASS’ BY LEWIS CARROLL»**

Занимая пограничное положение, эссе синтезирует в себе черты таких функциональных стилей, как научный, художественный и публицистический, которые определяют его характерные признаки, и, в первую очередь, общепризнанную субъективность. Изображение индивидуальной авторской позиции организует текст эссе особым образом. В отличие от автора документальной прозы, эссеист не только фиксирует событие, но и акцентирует связанные с ним собственные эмоциональные ощущения и переживания. Эссеистическое «я», т. о., предстает обнаженным, оно не «прячется» за образами персонажей, как в художественном тексте, и не «скрывается» за обилием данных и сообщаемых фактов, как в научном тексте [Вальц, 1990: 13]. С научными текстами эссе сближает документальность и фактографичность: реальное существование лиц и событий свидетельствует о невыдуманности того, о чем ведется речь. В качестве иных характеристик эссе отмечаются эмоциональность, экспрессивность изложения (ср. художественный стиль) и логичность композиции (ср. научный стиль). Прагматической установкой эссеиста признаётся воздействие на читателя с целью убеждения. В этом проявляется связь эссе с публицистикой.

Синкретичность эссе предопределяет многообразие форм и видов эссе, среди которых обнаруживается и литературно-критическое эссе.

Данный тип эссе представляет собой речевое произведение, которое рождается в результате профессиональной речевой деятельности писателя или профессионального критика. Эссеист предстает как субъект познания и как отправитель речи. Он [эссеист] всегда пишет о том, что играет или сыграло определенную роль в сфере его духовных и/или литературных исканий. Автор выражает свою концепцию, отношение к действительности не через образ, как в художественном произведении, а прямо, от своего имени. Строя сообщение, эссеист адресует его определенному типу читателя, «искушенному» в вопросах литературы и с огромным «багажом» фоновых знаний, которого он стремится убедить в истинности своей точки зрения. Для этого автор прибегает к различным способам выражения мысли, а именно к органичному, но иногда и с перевесом в ту или другую сторону, соче-

танию языковых средств, характерных для научного и художественного типов текста.

В контексте обозначенных позиций интересно эссе американской писательницы Джойс Кэрол Оутс «Alice in Wonderland and Through The Looking Glass by Lewis Carroll», где очевидное влияние научного стиля и стилизация под него сочетаются с элементами художественного стиля, предопределяя, т.о., своеобразие реализации в эссе категории адресованности.

Как и в научных текстах, заголовок эссе Оутс четко и ясно определяет основную тему излагаемого («Alice in Wonderland and Through The Looking Glass by Lewis Carroll»). Однако поскольку литературно-критическое эссе представляет собой вторичный текст [Руженцева, 2001: 15], заголовок, который дублирует название произведения и включает имя его автора (Кэролла), уже сам по себе может считаться ссылкой, – он пробуждает память читателя о прочитанном, апеллирует к тем чувствам и эмоциям читателя, которые возникали у него при чтении «Алисы». Таким образом, заглавие реализует характерную для текстов научного стиля междискурсную адресованность, которая проявляется в связывании текстов и их включении в глобальный метаконтекст мировой литературы [Романова, 1997: 11].

Первый небольшой абзац эссе состоит из двух предложений и представляет собой генерализацию личного опыта, который может быть применим ко всем (использование обобщающего местоимения *we, our*):

No work of art so thrills us, or possesses the power to enter our souls deeply and perhaps even irreversibly, as the “first” of its kind. The luminous book of our childhood will remain the luminous book of our lives.

Данный абзац можно рассматривать как констатацию гипотезы, которая предполагает последующее ее доказательство. Усиление значения гипотезы происходит за счет использования во втором предложении параллельной конструкции с переосмысленным эпитетом *luminous* (*luminous books of childhood* в значении красочный как физический объект vs *luminous books of life* красочный как характеристика эмоционального состояния человека). Примечательно, что именно это предложение, по сути, является «нитью Ариадны», способной вывести читателя из лабиринта повествования. Оно [предложение] задает направление интерпретации: авторская эволюция восприятия книги.

Последующие три абзаца представляют собой логичное и последовательное подтверждение выдвинутой гипотезы.

Во втором абзаце эссеист описывает «ту самую первую книгу». Это произведение Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». Подробное

описание физических характеристик книги изобилует достоверными фактами: приводятся название издательства, год издания (*Grosset & Dunlap, 1946*), имя иллюстратора (*John Tenniel*), которого эссеист сравнивает с другим художником (*Hieronymus Bosch*), размеры книги. Использование большого количества имен и цифр не только призвано доказать читателю объективность оценки эссеиста, но и определенным образом характеризует его «коммуникативно-интеллективный» портрет [Романова, 1997: 12].

Третий абзац представляет собой оценочный анализ содержания произведения. Организующим началом анализа является характерное для художественного стиля вопросно-ответное единство, где ответ одновременно представляет собой обращение-апеллятив (*What is the perennial appeal of the Alice books? If you could transpose yourself ... , imagine...; imagine...*). С помощью вопросно-ответного единства эссеист управляет вниманием, вовлекает в процесс прочтения, приглашает читателя к совместному восприятию текста и выведению нового знания.

В данных двух абзацах эссеистом используются лексические единицы, характерные для научных текстов (*investigate, discover, dissection*). Подобная стилизация характеризует образ автора.

Тема предпоследнего абзаца – влияние произведения Л. Кэрролла на жизнь эссеиста. Большое количество цитат и биографических данных реализуют междискурсную адресованность (см. выше).

В завершающем абзаце – концовке – эссеист обобщает вышесказанное и дает окончательную оценку произведения и его главной героини.

Доминирующее влияние научного стиля при структурно-семантической организации текста литературно-критического эссе Джойс Кэрол Оутс обуславливает доминирование в нём простого лабиринта повествования, конфигурация которого предполагает жёсткость интерпретации. Логичность изложения, фактографичность, в частности, данные авторской биографии, способствуют доказательности точки зрения эссеиста и создают «доверительные отношения» между ним и читателем, который включается в авторский «круг доверия». Обилие фактов, четкость членения текста и наличие лексики, стилизующей повествование под научную прозу, позволяет читателю выстроить определенный образ автора: последний предстает серьезным исследователем текстов, вызывающим абсолютное доверие. Использование эссеистом ссылок характеризует авторское представление о предполагаемом читателе – сведущем в вопросах мировой литературы и живописи.

***

- ВАЛЫЦ Г. И., 1990. Структурно-семантические особенности текста ЛКЭ: Дисс. канд. фил. наук, Ленинград.
- ВОРОБЬЕВА О. П., 1993. Лингвистические особенности художественного текста: (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дисс. ...д. филол. н., М.
- МАТВЕЕВА Т. В., 1990. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий, Свердловск.
- РОМАНОВА Н. Л., 1997. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах: (на материале немецкого языка): Дисс. ...канд. филол. наук, СПб.
- РУЖЕНЦЕВА Н. Б., 2001. Прагматическая и речевая организация русского ЛКЭ 20 в, Екатеринбург.
- ЩИРОВА И. А., ТУРАЕВА З. Я., 2005. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы, СПб.

А. Г. Левицкий

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В предлагаемом исследовании будет сделана попытка, выявить коммуникативные функции фразеологизмов в немецких народных сказках на материале сборника сказок, опубликованного братьями Гримм [Brüder Grimm. Kinder und Hausmärchen. Leipzig, 1987], а также установить типы фразеологизмов, используемые для реализации этих функций. Решение данной задачи связано с определенными трудностями, так как сказка, являясь одним из древнейших видов словесного искусства, прошла большой путь развития [Lüthi, 1990: 1] и к моменту письменной фиксации превратилась в компактное, удобное для пересказа произведение фольклора, предназначенное главным образом для воздействия на психику ребенка. Такому типу коммуникативной направленности народной сказки соответствуют особенности внешней и внутренней структуры ее текста:

- резкие переходы от одного качества к другому (маленький – большой, раб – господин);
- образность и напряженный сюжет;
- благозвучие и ритмичность;
- вариативная повторяемость одной и той же информации;
- отсутствие утомляющих детскую психику описаний;

– равновесие между известным и неизвестным (объем новой информации не превышает объем имеющейся).

Противоречивость некоторых из указанных параметров обуславливает полифункциональность языковых элементов разного уровня, в частности фразеологизмов, составляющих текст сказки.

В данном исследовании рассматриваются следующие коммуникативные функции УСК в немецких народных сказках: фабулообразующая, аксиологическая, интенсифицирующая. Ниже эти функции будут рассмотрены более подробно.

Фабулообразующая функция. Эта функция состоит в том, что фразеологизмы маркируют события, влекущие за собой изменения места действия сказки или состава ее персонажей. Анализ сказок о животных показывает, что в этих текстах фразеологизмы, выполняющие фабулообразующую функцию, используются в авторской речи. Например, сюжет сказки о животных «Lumpengesindel» состоит из трех эпизодов. Действие наиболее важных для содержания сказки второго и третьего эпизодов происходит в трактире. В конце третьего эпизода трактирщик делает важный для слушателя вывод на основании событий, которые произошли с ним во время этого эпизода. События из третьего эпизода, в свою очередь, подготовили другие персонажи сказки во время предыдущего эпизода, пока трактирщик спал. Переход от первого эпизода ко второму и от второго к третьему логически обосновывается смыслом двух, следующих друг за другом предложений: «Spätabends kamen sie zu einem Wirtshaus, und weil die Ente nicht gut zu Fuß war, kehrten sie ein» и «Ein paar Stunden später machte sich der Wirt aus den Federn, wusch sich und wollte sich am Handtuch abtrocknen...», расположенных в конце и в начале эпизодов соответственно. [Brüder Grimm, 1987: 37] В основе этих предложений лежат УСК – nicht gut zu Fuß sein, aus den Federn. Первый фразеологизм обозначает состояние персонажа сказки, которое послужило главной причиной остановки сказочных героев на ночь в трактире, а второй фразеологизм обозначает вступление в действие трактирщика в начале третьего, завершающего эпизода обсуждаемой сказки.

В проанализированных текстах волшебных сказок фабулообразующую функцию выполняют фразеологизмы, оформляющие речевые акты сказочных персонажей. В качестве примера может быть рассмотрен директивный речевой акт «Gehe mir aus den Augen» из сказки «Märchen von einem, der auszog, das Fürchten zu lernen», построенный на базе УСК «jemandem aus den Augen gehen». [Brüder Grimm, 1987: 27] В содержании текста обсуждаемой сказки фрагмент «Gehe mir aus den Augen» указывает на окончание событий, произошедших с глав-

ным героем сказки в отцовском доме, перенос места действия и появление других персонажей. Примером декларативного речевого акта, построенного на базе УСК, может послужить прямая речь персонажа из той же сказки – „Euch habe ich auf die Finger gesehen, da vergeht mir die Lust zum Kartenspiel“, в основе которого лежит фразеологическое единство «jemandem auf die Finger sehen». [Brüder Grimm, 1987: 30] Произнесение персонажем этого высказывания маркирует принятие им важного решения, не вступать в опасную игру в карты. В результате принятия этого решения персонаж сказки получил возможность, покинуть опасное для его жизни место, а сказочное повествование перешло к последнему этапу – счастливой развязке.

Дополнительной функцией, выполняемой фабулообразующими фразеологизмами, является разграничение эпизодов сказки. Фабулообразующие УСК, осуществляют разграничение сказочных эпизодов, маркируя предложения, начинающие или завершающие законченные в смысловом отношении отрезки сказочного повествования, так как в приведенном выше примере из сказки «Lumpengesindel». В некоторых случаях разграничительные фразеологизмы не связаны непосредственно с изображениями событий, следствием которых становятся изменение места действия или состава персонажей сказки. Например, фразеологическое единство «hüpfen wie ein Schneider» из сказки “Der Wolf und die sieben jungen Geißlein”, иллюстрирующее радость персонажей, избавившихся от несчастья. [Brüder Grimm, 1987: 36] Этот фразеологизм завершает предпоследний абзац сказки «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» и не имеет непосредственной логической связи с завершением сказки, описывающим месть волку – виновнику несчастья.

Аксиологическая функция. Сущность этой функции состоит в том, что фразеологизмы обозначают и закрепляют в сознании слушателя абстрактные понятия, важные в аксиологическом и воспитательном отношении. Как правило, УСК, выполняющие эту функцию, расположены в начальных эпизодах сказок. Эпизоды начинающие сказочное повествование описывают персонажей и отношения между ними, подготавливая слушателя к восприятию событий важных для содержания сказок. Примеры такого типа использования фразеологизмов встречаются в авторской речи волшебных сказок. Так фрагмент сказки «Die sieben Raben»: «Allein das Mädchen machte sich täglich ein Gewissen darauf und glaubte, es müßte seine Geschwister erlösen.» принадлежит отрезку сказочного повествования, описывающему события, вынудившие героиню сказки предпринять опасное путешествие – кульминационный момент данной сказки. Рассматривает-

мый фрагмент содержит фразеологическое единство – sich ein Gewissen aus etwas machen. [Brüder Grimm, 1987: 88] Этот языковой элемент поясняет реципиенту глубину чувства героини сказки, собирающейся отправиться в опасное путешествие. В сказках о животных фразеологизмы чаще всего выполняют аксиологическую функцию в составе прямой речи персонажей. Например, фразеологизм «auf der Hut sein» в сказке “Der Wolf und die sieben jungen Geißlein” выступает в качестве основного элемента директивного речевого акта: „Liebe Kinder, ich will hinaus in den Wald, seid auf eurer Hut vor dem Wolf“, поясняющего, до какой степени следует остерегаться опасности в изображаемой сказкой ситуации. [Brüder Grimm, 1987: 34] В некоторых сказках аксиологическую функцию выполняют поговорки. Например, в сказке «Märchen von einem der auszog, das Fürchten zu lernen» – Was ein Häkchen werden will, muß sich beizeiten krümmen и Wer A sagt muß auch B sagen. [Brüder Grimm, 1987: 26] [Brüder Grimm, 1987: 31]

Интенсифицирующая функция фразеологизмов заключена в том, что УСК вносят элемент динамизма в сказочное повествование. Все УСК, встречающиеся в сказках выполняют эту функцию, но при этом, как в сказках о животных, так и в волшебных сказках, некоторые УСК выполняют только эту функцию. В качестве таких УСК часто выступают тавтологизмы. Например, во фрагменте начального эпизода сказки “Der Wolf und die sieben jungen Geißlein” «Der Wolf kam und fraß sie alle mit Haut und Haar» встречается тавтологизм «mit Haut und Haar». [Brüder Grimm, 1987: 37] Этот фразеологизм обозначает только степень интенсивности действий героя сказки. Аналогичным образом используется тавтологизм «in Saus und Braus» из второго эпизода сказки «Lumpengesindel». [Brüder Grimm, 1987: 38] Интенсифицирующие фразеологизмы очень часто участвуют в оформлении прямой речи сказочных текстов. В этом случае они вносят в речь персонажей элемент образности и интенсивности. В качестве иллюстрации может быть приведен фрагмент текста сказки «Märchen von einem, der auszog, das Fürchten zu lernen»: «Nun geschah es, daß der Vater einmal zu ihm sprach: „Hör du, in der Ecke dort, du wirst groß und stark, du mußt auch etwas lernen, womit du dein Brot verdienst. Siehst du, wie dein Bruder sich Mühe gibt, aber an dir ist Hopfen und Malz verloren.» [Brüder Grimm, 1987: 26] Приведенный речевой акт содержит три фразеологизма: sich Mühe geben, an jemandem ist Hopfen und Malz verloren, sein Brot verdienen.

Выводы:

1. Интенсифицирующая функция, направленная на привлечение внимания слушателя к содержанию сказочного повествования, реали-

зуются одинаковыми для сказок всех типов средствами, а именно путем использования фразеологизмов, как в авторской речи, так и в прямой речи персонажей сказки.

2. Фабулообразующая и аксиологическая функции, являющиеся средствами оформления фактуальной и концептуальной информации сказочных текстов, по разному используют УСК в разных видах сказочного повествования. Фабулообразующая функция в волшебных сказках осуществляется при помощи фразеологизмов, оформляющих прямую речь персонажей, а в сказках о животных эта функция реализуется при помощи УСК, являющихся элементами авторской речи. В противоположность этому, аксиологическая функция выполняется в волшебных сказках фразеологизмами, конституирующими авторскую речь, а в сказках о животных УСК, оформляющими прямую речь сказочных персонажей.

Таким образом, фразеологизмы являются сложной и полифункциональной составной частью набора выразительных средств, используемых в немецких народных сказках для достижения их коммуникативных целей.

***

BRÜDER GRIMM., 1987. Kinder und Hausmärchen. Leipzig.

LÜTHI M., 1990. Märchen. Stuttgart.

Левкович А. В.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИЧНОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ГНЕВ»)

Важность и актуальность исследования языковых средств и способов репрезентации эмотивной составляющей языка обусловлены ее неоспоримо значимой ролью в жизни человека. В настоящее время именно эмотивная функция языка рассматривается как одна из важнейших и воспринимается большинством исследователей с позиций самостоятельной функции.

На наш взгляд, несмотря на очевидно усилившийся в последние десятилетия интерес к изучению явления эмотивности, неправильно полагать, что этот вопрос получил свое освещение исключительно с

зарождением и развитием новых подходов к проблеме языка и мышления.

Эмоции человека, являющиеся объектом исследования сразу нескольких наук: психологии, лингвистики, нейрофизиологии, психолингвистики и др., имеют давние традиции описания в лингвистических исследованиях.

Так, зародившись в русле структурно-системного языкознания, «эмотиология» (термин В. И. Шаховского) стала сферой научных интересов многих лингвистов (И. В. Арнольд, Э. С. Азнаурова, С. Б. Берлизон, Е. М. Галкина-Федорчук, М. Д. Городникова, В. А. Мальцев, Н. М. Михайловская, Н. М. Павлова) и одной из передовых сфер традиционного языкознания. Перед исследователями 70–80-х годов стояла задача изучения субъективных компонентов значения единиц языка (В. В. Виноградов, Г. В. Колшанский), формирования и структурирования знаний об эмотивном коде языка. Таким образом, формирование основы этой парадигмы научных знаний можно наблюдать еще в русле традиционной лингвистики.

Новый этап в изучении эмотивности наступает с появлением когнитивной науки и когнитивной лингвистики.

В настоящее время существует множество различных подходов к определению самого понятия когнитивной науки. Некоторые исследователи обобщенно представляют ее как науку о человеческом мозге, о сознании человека. Достаточно распространенной точкой зрения признается утверждение, что это наука должна объяснить и описать системы обеспечивающие обработку информации. По мнению Р. Шепарда, более распространенным является определение, что когнитивная наука – это наука о системах представления знаний и получения информации [Shepard 2001: 15].

На наш взгляд, наиболее широкое описание исследовательской программы этой науки предложено Е. С. Кубряковой, полагающей, что «стержнем этой науки является ее направленность на получение знания о знании, и в фокусе ее внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями» [Кубрякова, 2004: 41].

Когнитивная лингвистика, являясь одной из важнейших составляющих когнитивной науки, изучает «язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. ... В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур

в виде знаков со своими “телами”» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 53].

Цель когнитивной лингвистики заключается в том, чтобы «посредством постижения языка проникнуть в различные формы структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости» [Болдырев, 2001: 12]. Как справедливо отмечено большинством исследователей, важнейшее отличие когнитивного подхода от традиционной лингвистики состоит в том, что взамен описательной лингвистики, дескриптивизма, который ставил своей целью описывать, констатировать, наблюдать, когнитивная лингвистика выполняет объяснительную функцию. Современный этап развития когнитивной лингвистики, когнитивная семантика, и в целом, когнитивный подход к языку открыл широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных связях с человеком [Кубрякова, 2004: 57]

Итак, с позиций когнитивной лингвистики языковые явления рассматриваются в совокупности всей когнитивной системы человека, в которой язык считается частью той системы, которая призвана объективизировать все процессы, происходящие в мозгу человека. Признано, что такая объективизация происходит в результате процессов *категоризации* и *концептуализации* человеком окружающего мира.

Р. Лэнекер постулирует положение о том, что в лингвистическом анализе главным должно быть точное определение и разъяснение его концептуальных оснований [Langacker, 1987] и утверждает, что вся концептуализация человеком окружающего мира репрезентируется в языке в том или ином виде, отражая все сложные когнитивные процессы, происходящие в мозгу человека.

В частности, эмоциональные состояния человека представлены в когнитивных исследованиях как сложные концептуальные структуры, имеющие как психофизиологическую природу, так и когнитивную составляющую. В рамках когнитивного подхода отмечается непосредственное участие эмоций во всех процессах, связанных с функционированием языка, а эмоциональная сущность человека признана когнитологией как психологическая универсалия.

Исследования В. И. Шаховского также подтверждают, что наши эмоции являются «универсальной психологической категорией, которая в речевой деятельности человека получает лексическую и/или грамматическую упаковку через эмотивные знаки языка» [Шаховский, 1987]. Эмотивность признается всепронизывающей категорией, мотивирующей всю номинативную деятельность человека и являющейся внутренней формой языка.

Исследуя категориальный статус эмотивности, О. Е. Филимонова указывает, что «поскольку объектом изучения при исследовании реализации категории эмотивности могут быть как единицы, конституирующие текст (слова, фразы, предложения), так и целые тексты, представляется целесообразным говорить о когнитивном характере данной категории, обладающей различным статусом в вариантах своей реализации, иначе говоря, имеющей полистатусный характер» [Филимонова, 2001: 44]. В существующих на сегодняшний день исследованиях в области лингвистики эмоций были поставлены вопросы категоризации эмоций, определения границ между описанием и названием эмоций, изучения эмоциональных характеристик слова и текста, исследования функционирования эмоций и т. п. Однако среди нерешенных до сих пор остаются проблемы построения концептуальной структуры эмоциональных концептов. Это обуславливает то, что в настоящее время ведутся многочисленные исследования когнитивных моделей, в рамках которых осуществляется анализ концептов через обращение к средствам естественного языка.

Для наглядной иллюстрации модели структурирования эмоционального концепта представляется целесообразным в рамках этой статьи частично описать результат предпринятой попытки когнитивно-семантического структурирования и описания прагматической реализации одного из наиболее распространенных в английском языке эмотивных концептов «гнев».

Концептуальная модель эмоции «гнев» может быть построена на основании анализа языковых средств (метафорических и метонимических выражений), имеющих в языке и используемых для описания соответствующей эмоции. Их применение для анализа эмоциональных концептов действительно потому, что «в современных языках <...> метафорические и метонимические переносы формируют особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов»; в то время как «перенос значения по модели 'от физического процесса или состояния к внутреннему состоянию' особенно часто наблюдается в языковых средствах, обслуживающих поле эмотивности, что, возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых эмоций, наследуемых человеком на генетическом уровне» [Клобуков, 1997: 41].

В этом контексте необходимо также отметить изменившийся статус метафоры, сложившийся под влиянием теории концептуальной метафоры, сформулированной в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live By*». В этой книге было предложено трактовать метафору как инструмент осмысления абстрактных понятийных сфер

в терминах сфер, стоящих ближе к непосредственному опыту человека [Lakoff, Johnson, 1980: 37].

В парадигме когнитивной лингвистики метафора рассматривается как одна из форм концептуализации окружающего мира, как результат когнитивного процесса, на основе которого формируются и выражаются новые понятия. Общеизвестным является тот факт, что метафора является не только языковым орнаментом, но также имеет самостоятельную когнитивную функцию, будучи орудием познания, это своего рода «модель выводного знания» (К. К. Жоль). Как показало исследование Дж. Лакоффа, метафорические модели, наряду с пропозициональными, структурными и метонимическими моделями, лежат в основе языковой концептуализации и категоризации мира, данных нам в наших ощущениях.

Итак, изменившийся статус метафоры повлек за собой отказ от традиционного взгляда на нее как на риторический прием, что явилось, по сути, призывом к лингвистам рассматривать метафору в качестве фундаментального приема познания и концептуализации действительности, глубинного когнитивно реализуемого средства организации наших мыслей, формирования наших утверждений и структурирования языка [Липилина, 1998].

В целом, анализ обширного языкового материала (с опорой на идиомы, базирующиеся на метафорах и метонимиях) позволяет утверждать, что языковой концепт «гнев» (ANGER) организован на лексическом уровне ядерными элементами *anger, irritation, displeasure, hostility, antagonism, rage, fury, indignation, resentment*. Под ядерными элементами понимаются лексические единицы, в значении которых преобладают семантические множители, конституирующие данный концепт. Концепт «гнев» также организован периферийными элементами, в состав которых входят как семантические множители, принадлежащие данному пространству, так и семантические множители, коррелирующие с другими концептами (например, IRRITATION / FEAR).

Релевантные для структуры значения лексико-семантических ядер концепта «гнев» признаки: *причина, время протекания, интенсивность, субъект, контроль, физиологические эффекты, нанесение ущерба и наказание* являются прототипическими чертами, характеризующими этот концепт. Эмоция гнева имеет количественный аспект, шкала гнева градуирована по степени интенсивности и имеет нулевые и предельные отметки. Время ее протекания варьируется от внезапного до постоянного. Проявление эмоции может поддаваться контролю. Онтология гнева также включает ряд предикатов: *доставляющий неудовлетворение, виновный, пробуждать, вызывать, суще-*

ствовать, контролировать, опасный, приносящий ущерб, уравновешивать и перевешивать.

Анализ большого набора лексических средств, описывающих состояние гнева, дает возможность сделать вывод о том, что соответствующее выражение в лексиконе получают физиологические формы проявления этой эмоции, которые можно представить в следующем виде:

– повышенная температура тела (*Don't get hot under the collar* – «Не сердись», букв. «Не становись горячим под воротником»; *They were having a heated argument* – Между ними разгорелся жаркий спор) повышенное давление (*When I found out, I almost burst a blood vessel* – Я чуть не лопнул от ярости; *Don't get a hernia* «Не лопни от злости!» букв. Не получи грыжу), мышечное напряжение (*She was shaking with anger* – «Она тряслась от гнева» *I was hopping mad* – «Я прыгал в бешенстве»);

– волнение и нарушение точности восприятия (*She was blind with rage* – «Она была ослеплена гневом» *I was being to see red* «Я пришел в ярость; я стал видеть красное»);

– с нарастанием гнева увеличиваются его физиологические проявления;

– существует предел, до которого физиологические проявления ГНЕВА препятствуют нормальному поведению.

Изучение языкового материала также позволяет судить, что центральную позицию в представлении концепта «гнев» занимают следующие метафорические блоки:

- ГНЕВ – ЭТО ЖАР/огонь ИЛИ ЖИДКОСТЬ ВО ВМЕСТИЛИЩЕ (HEAT OR FLUID IN A CONTAINER) (*Those are inflammatory remarks; my anger kept building up inside of me; she got all steamed up*);
- ГНЕВ – ЭТО БЕЗУМИЕ (*When she finds out, she'll have a fit- Когда она это обнаружит у нее будет припадок; He is tearing his hair out!*);
- ГНЕВ – ЭТО ПРОТИВНИК (*I am struggling with my anger; He was battling his anger*);
- ГНЕВ- ЭТО ОПАСНОЕ ЖИВОТНОЕ (*He was breathing fire*);
- ГНЕВ- ЭТО ТЯЖЕСТЬ (ГРУЗ) (*...after I lost my temper I felt lighter; he carries his anger around with him*);

Соответственно формулируется общая метафора, описывающая наше представление об эмоциях – ТЕЛО – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, В КОТОРОМ СОДЕРЖАТСЯ ЭМОЦИИ (*She was filled with anger; she couldn't contain her anger; she was brimming with rage*)

Вместе с тем, следует отметить, что реализация ядерных элементов когнитивно-семантической модели концепта "гнев" определяется коммуникативно-прагматическими факторами. Субъект эмоции, как правило, занимает подчиненное положение в ролевых и социально – психологических отношениях с каузатором эмоции. При речевой реализации концепта причинами эмоции становятся прагматические, событийные, эмотивные, временные причины.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что «гнев», как один из основных концептов мира, связанный с одной из основных эмоций человека, имеет сложную структуру, включающую в себя суммарное человеческое знание, представление об эмоции гнева и самом человеке как субъекте эмоции.

А когнитивный подход к изучению концепта «гнев», в частности, и категории эмотивности в целом, предполагает наличие таких установок как : антропоцентризм (человек, языковая личность является точкой отсчета для исследования эмотивности, экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но дать им объяснение).

***

- БОЛДЫРЕВ Н. Н., 2001. Когнитивная семантика – Тамбов.
- БУДЯНСКАЯ О. О., МЯГКОВА Е. Ю., 2002. Язык, коммуникация и социальная среда // Сопоставление средств описания эмоций в английском и русском языках – Воронеж.
- КЛОБУКОВ П. Е., 1997. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.
- КУБРЯКОВА Е. С., 1994. Начальные этапы становления когнитивизма – М.
- КУБРЯКОВА Е. С., 1996. Краткий словарь когнитивных терминов – М.
- КУБРЯКОВА Е. С., 2004. Язык и знание – М.
- ЛИПИЛИНА Л. А., 1998. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Дисс. ... канд. филол. наук. – М.
- ФИЛИМОНОВА О. Е., 2001. Язык эмоций в английском тексте – СПб.
- ШАХОВСКИЙ В. И., 1987. Категоризация эмоций в лексико семантической системе языка – Волгоград.
- ШАХОВСКИЙ В. И., 1994. Языковая личность и семантика – Волгоград.
- ЛАКOFF G., 1993. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought – Cambridge.

- LAKOFF G., JOHNSON M., 1980. *Metaphors We Live By* – Chicago.
- LANGACKER R., 1987 *Foundation of cognitive grammar*. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – Stanford.
- SHEPARD R., 2001. *Perceptual-Cognitive Universals as Reflections of the World* – Stanford.

А. Е. Лычева

МИКРОПОЛЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ КАК ОБЪЕКТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Терминология *управления персоналом* (или более точный русский эквивалент *управление человеческими ресурсами*) зародилась в английском языке около 40 лет назад в ответ на возрастающий интерес руководителей компаний к оптимизации процессов управления штатом сотрудников. Управление людьми в организации выделилось в отдельную научную область со своим понятийным аппаратом, отражающим современное понимание растущей роли человека в производственной деятельности.

Наш интерес к данной отрасли и ее анализу с языковой точки зрения обусловлен как экстралингвистическими причинами (поскольку терминосистема управления персоналом в сфере экономики затрагивает интересы широкого круга субъектов экономики), так и чисто лингвистическими, которые заключаются в том, что выявление специфики терминосистемы каждой отрасли знания приобретает важное практическое и теоретическое значение для дальнейшего анализа развивающихся терминосистем.

Изучение терминологии в рамках когнитивной лингвистики предполагает построение концептуальной модели данной области знания и определяет связи между структурами знания и его языковым выражением. Причем концептуальная модель может быть построена в виде фрейма, отражающего фрагмент концептуальной картины мира.

Знания, накопленные человечеством, аккумулируются в речевых произведениях, которые с когнитивной точки зрения можно рассматривать как структуры, предназначенные для фиксации, закрепления, хранения и представления специальных знаний в области экономики [Попов, 2004: 125].

Для построения фрейма нам необходимо представить в схематической форме организацию исследуемой терминосистемы, опреде-

лить основные понятия и связи между ними, а также выявить языковые формы выражения этих понятий и их связей.

Среди специалистов нет единого мнения относительно сущности и содержания термина «управление персоналом». Зачастую его смешивают с терминами «кадровая политика» либо «кадровая работа». Поэтому нам представляется необходимым ограничить рамки микрополя *управление персоналом* и описать те явления и разделы, которые включает данная область знания.

Управление персоналом (человеческими ресурсами) – это концепция кадрового менеджмента, которая предполагает, что управление должно ориентироваться на специфические человеческие особенности – дух сотрудничества, взаимозависимость, рассмотрение организации как семьи, необходимость партнерских отношений [Управление персоналом, 2005: 549].

В управлении человеческими ресурсами можно выделить четыре крупных направления деятельности:

1. *Отбор*: деятельность, связанная с перемещением людей по карьерной лестнице как путем продвижения, так и путем найма.

2. *Оценка*: система обратной связи, подвергающая рассмотрению и измерению различные аспекты деятельности компании, обеспечиваемые усилиями персонала.

3. *Вознаграждения*: системы, обеспечивающие признание при хорошо выполненной работе и соответствующую компенсацию.

4. *Обучение и развитие*: различные виды деятельности, признанные обеспечить более полное соответствие профессиональных навыков и умений работников требованиям соответствующей должности [Аллен, 2005: 359–360].

Таким образом, наибольший интерес для нас представляют взаимоотношения ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК и ЧЕЛОВЕК – ОРГАНИЗАЦИЯ, которые имеют сильное влияние на оптимизацию работы и на повышение прибыли.

Весь занятый в организации персонал можно условно разделить на три основных сектора.

Центральное место в управлении занимает *руководитель* – возглавляющий определенный коллектив работников, наделенный необходимыми полномочиями принятия решений по конкретным видам деятельности и несущий всю полноту ответственности за результаты работы возглавляемого им коллектива (*managing director, worker director, executive, Director General*). Также к управленческому труду относятся *специалисты* – работники, анализирующие собранную информацию и готовящие варианты решений для руководителей соот-

ветствующего уровня (expert team, cross-functional team, operating manager, working crew). *Служащие (технические исполнители)* – работники, обслуживающие деятельность специалистов и руководителей (employee, office worker, white-collar worker, non-manual worker.)

Таким образом, в процессе разделения труда управленческого аппарата можно обозначить четыре направления:

1. *Функциональное* разделение труда основывается на формировании групп, в которые войдут работники, выполняющие одну и ту же функцию.

2. *Структурное* разделение труда строится, исходя из самих характеристик управляемого объекта, таких как: структура организации, сферы деятельности и ее масштабы, территориальные и отраслевые особенности.

3. *Вертикальное* разделение труда базируется на выделении трех уровней: низшего (first), среднего (middle) и высшего (top-management). К *низшему* уровню относятся менеджеры, имеющие в своем подчинении непосредственных исполнителей, они выполняют функцию контроля за выполнением производственных заданий. *Средний* уровень включает менеджеров, ответственных за процесс производства в подразделении. *Высший* уровень – это администрация предприятия, осуществляющая общее руководство организацией.

4. *Горизонтальное* разделение труда подразумевает разделение всего объема работы на многочисленные специальные задания [Игнатов, Албастова, 2006: 32–35].

На выделении принципов разделения труда основаны и принципы управления. В качестве основных можно выделить три принципа: линейный, функциональный и адаптивный. [Базаров, 2003: 20–27]

Смена принципов управления явилась следствием изменения в отношениях «ЧЕЛОВЕК – ОРГАНИЗАЦИЯ», что в свою очередь, произошло из-за качественного преобразования человеческого труда, наблюдаемого в последние десятилетия. Если ранее, в доиндустриальную эпоху человек прежде всего виделся как источник физической силы, а в индустриальную эпоху воспринимался как носитель стандартных навыков для работы с техническим оборудованием, то теперь, в так называемую «постиндустриальную эпоху», в человеке прежде всего ценится знание и умение применять полученные знания на практике; а также возможность найти нестандартное, креативное и единственно правильное решение в минимальный срок, так как с развитием средств коммуникации и распространением высоких технологий, единственным способом выиграть конкурентную гонку с другими

компаниями становится постоянное «производство нового знания» [Garvey, Williamson, 2002: 14–15].

Изменение парадигмы повлекло переосмысление статуса человека в организации, теперь человек и его возможности стали залогом успешности организации.

Данный феномен можно проследить на примере терминов, используемых для обозначения человека. В настоящее время уходят на задний план такие термины, как *staff*, *labour group*, *manpower*, *workforce*, *personnel*, во внутренней форме которых отражена еще «старая» парадигма. Например, в терминах *labour group*, *manpower*, *workforce* зафиксировано главное качество человека как работника в доиндустриальную эпоху – его физическая сила (*labour* – от латинского *labor* со значением «physical exertions»; *force* от латинского *fortia* со значением "strong"). В индустриальную эпоху появляются термины *staff* и *personnel*, внутренняя форма которых зафиксировала качества человека, требовавшиеся от него в это время, то есть быть хорошим исполнителем, выполняющим команды выше стоящего руководства (*staff* – из немецкого со значением "group of military officers that assists a commander").

Новыми наименованиями человека в организации служат *human resource* и *capital* (например, *human capital asserts* – образование, квалификация, приобретенные в процессе производства; знания и навыки, воплощенные в рабочей силе; *human resource management* – управление трудовыми ресурсами, то есть направление менеджмента, базовой идеей которого является повышение производительности посредством создания благоприятных условий для деятельности сотрудников организации). Данные термины представляют собой метафорические наименования, которые отражают новое отношение к человеку, который сейчас рассматривается как главный «ресурс» организации, который целесообразно используется и расходуется по мере необходимости [Лакофф, Джонсон, 2004: 101–102].

Суммируя все выше изложенное, можно выделить те сферы, которые будут нас интересовать в процессе исследования. Таковыми будут являться в оппозиции ЧЕЛОВЕК – ОРГАНИЗАЦИЯ структура организации, принципы управления; а в оппозиции ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК процедуры найма, повышения и увольнения специалистов, их личные характеристики, необходимые для этого. Нас интересует как данные категории преломляются в сознании англоговорящего сообщества, изучающего их с позиции управления бизнесом, поэтому построение фрейма данного микрополя будет заключаться в выделении

основных понятий данных сфер, связей между ними, а также в выявлении языковых средств выражения понятий и их взаимосвязей.

***

- АЛЛИЕН К. Р., 2005. Курс МВА по менеджменту. М.
БАЗАРОВ Т. Ю., 2003. Управление персоналом. М.
ИГНАТОВ В. Г., АЛБАСТОВА Л. Н., 2006. Теория управления: курс лекций. М.
ЛАКОФФ Дж., ДЖОНСОН М., 2004. Метафоры, которыми мы живем. М.
ПОПОВ Р. В., 2004. Изучение терминов в когнитивном аспекте// Семантика и прагматика слова и текста. Архангельск.
УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ, 2005. Под редакцией Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. М.
GARVEY В., WILLIAMSON В., 2002. Beyond Knowledge Management. Pearson Education Limited.

О. С. Муранова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ

Изучение одной из разновидностей научного стиля – научно-популярного подстиля – актуально в настоящее время. В частности, немалое внимание уделяется научно-популярной проблематике в прессе, которая несколько видоизменяет языковые особенности научно-популярного подстиля, приспособлявая его к средствам массовой информации.

Текст научно-популярной статьи предназначен для широкой читательской аудитории неспециалистов в области популяризируемого знания, различающихся по возрасту, образованию и уровню подготовленности к восприятию научной информации [Одинцов, 1982: 17–18]. По этой причине, автор, с одной стороны, старается передать научную информацию в компактной и доступной форме, а с другой, – вызвать у адресата (т. е. у массового читателя) определенное отношение к сообщаемому [Лазаревич, 1978: 107]. Автор статьи не просто передает факты, но и выражает свою точку зрения по описываемой проблеме, стремясь убедить адресата в своей правоте, а также убедить или разуверить читателя в истинности того или иного научного положения [Крылова, 1979: 150–151]. Таким образом, в отличие от чисто

научной статьи, научно-популярная статья выполняет не только информационную функцию, но и функцию убеждения.

Текст научно-популярной статьи относится к нежесткому типу, ее **композиционная структура** не имеет какого-либо единого образца [Разинкина, 1989: 125]. Нами было проанализировано 15 статей по психологии, опубликованных на сайте <http://www.articles.ask-me-about.com>. В результате было установлено, что композиционная структура научно-популярной статьи включает в себя следующие части: заголовок, подзаголовок (иногда), введение, основной раздел и выводы (заключение). Использование ссылок не является обязательным в тексте исследованных статей.

Особое значение для формирования текстовой информации и сопутствующих ей смыслов приобретают так называемые **«сильные позиции»**, то есть помещение важных для смысла текста компонентов «... на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны» [Арнольд, 1990: 46]. К «сильным позициям» текста научно-популярной статьи можно отнести «начало» текста, куда входят заголовок, подзаголовок (если есть) и введение (или зачин), а также «конец» текста, включая заключение и ссылки (если есть). Данные композиционные звенья имеют важное значение для формирования таких критериев текстуальности как информативность, то есть сбалансированное соотношение уже известного и нового, эмотивность и адресованность, или рецептивность. Это связано с тем, что данные категории текста, во-первых, ориентированы на психологические особенности создания и восприятия текстов, а, во-вторых, фокусируют внимание читателя на определенных элементах сообщения, обеспечивая одновременно их про- или ретроспективное семантическое обогащение в общей прагматической перспективе текста статьи [Гончарова, Шишкина, 2005: 91].

Начальная и конечная позиции любого текста играют значительную роль в определении его когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей, так как «именно они словесно «очерчивают» границы «мира» текста, а также начинают и завершают процесс общения его автора с читателем» [Гончарова, Шишкина, 2005: 91–92].

С другой стороны, до сих пор не решен вопрос о формальных границах абсолютного «начала» и «конца» текста. Далекое не все исследователи текста понимают под «абсолютным зачином» текста «жестко ограниченный объем первого абзаца», как это с некоторыми оговорками делает А. А. Кухаренко [Кухаренко, 1988: 27], и относят к инициальным, то есть начальным в композиции текста, структурам

как его первую фразу, так и не только первый, но и, во многих случаях, второй начальные абзацы [Гончарова, Шишкина, 2005: 92]. В данной статье используется вторая точка зрения, так как в современных научно-популярных текстах, в том числе и в статьях, деление на абзацы приобретает все более свободный характер, и при выявлении границ «начала» текста «приходится оперировать в первую очередь не столько формальными, сколько композиционно-смысловыми параметрами текста» [Гончарова, Шишкина, 2005: 92].

Сказанное выше касается и «конца» текста, когда в качестве «абсолютной нижней границы» могут рассматриваться и одно предложение (выделенное, либо не выделенное в отдельный абзац), и один или более абзацев [Гончарова, Шишкина, 2005: 93].

В любом тексте заголовок является первым его знаком, первым, что реализуется в его восприятии реципиентом. Являясь первым знаком текста, заголовок связан со всем текстовым целым как на содержательном, так и на композиционно-языковом уровне. В структуре текста заголовок выполняет комплекс функций, различные варианты которого зависят от принадлежности текста к определенному типу или жанру.

Е. А. Гончарова и И. П. Шишкина выделяют следующие функции заголовка, являющиеся общими для всех типов текста: 1) *номинативная функция*, которая дает возможность идентифицировать текст; 2) *информативная функция*, то есть заголовок информирует читателя о теме, идее, а возможно, в сжатой форме и об основном содержании произведения; 3) *прогностическая функция*, так как, прочитав заголовок, реципиент может прогнозировать, о чем пойдет речь в тексте; 4) *графически-выделительная функция*, так как заголовок выделяется в тексте различными графическими средствами [Гончарова, Шишкина, 2005: 106]. Так, на первом этапе, в рамках номинативной функции, заголовок статьи “Habits of Wildly Successful People” дает возможность читателю определить жанр данного произведения. Затем читатель получает определенную информацию о содержании текста в его информативной и проспективной (прогностической) функциях. При этом, в отличие от остальной части текста, заголовок помещен в центральной части строки и выделен специальным шрифтом. Примечательно, что, в отличие от чисто научной статьи, в научно-популярных статьях при постановке проблемы зачастую присутствуют экспрессивные и оценочные лексические единицы, которые привлекают внимание читателя и сигнализируют об авторской оценке обсуждаемого. Например, в заголовке “Habits of Wildly Successful People” благодаря сочетанию эмоционально-оценочных лексических единиц

четко выражена оценочная функция. Интригующая функция прослеживается в заголовках, полностью или частично оформленных с использованием вопросительных предложений, например: “Who Am I?” и “Would you kill? Remembering Stanley Milgram’s Psychological Experiments”. По мере прочтения текста значение заголовка обогащается дополнительным смыслом и, возможно, рядом коннотаций.

Конкретизация темы или проблемы, описываемой в научно-популярной статье, происходит также на входе в текст за счет создания двучленного заголовочного комплекса (термин Е. А. Гончаровой и И. П. Шишкиной): заголовок определяет широкую тему изучения, а подзаголовок называет основной аспект (или аспекты) анализа: “The Real Da Vinci Code: The Vitruvian Man Supports Maslow’s Hierarchy of Needs”; “Would you kill? Remembering Stanley Milgram’s Psychological Experiments”. Как видно из данных примеров, подзаголовок статьи служит, прежде всего, цели названия научной тематики данного произведения. Цель же привлечения читателей является для подзаголовка второстепенной. Таким образом, ограничение предмета исследования с помощью подзаголовка можно считать одним из коммуникативно-функциональных признаков заголовка текста научно-популярной статьи.

Е. А. Гончарова и И. П. Шишкина рассматривают несколько функций «начала» и «конца» текста. По их мнению, основной функцией для начальной позиции всех текстов естественной коммуникации, содержащих информацию о каком-то событии, является *координирующая*, или *моделирующая*, функция. Для текстов научной коммуникации координирующая, или моделирующая, функция состоит в определении тематических координат, составляющих общую концепцию произведения. [Гончарова, Шишкина, 2005: 93, 97]. В тексте научно-популярной статьи система тематических координат уже изначально задается в заголовке для всего текста произведения. Это положение иллюстрирует начальный фрагмент статьи “Setting Psychic Boundaries”. Здесь автор использует ряд слов и словосочетаний, создающих у читателя ощущение того, что советы и рекомендации, которые содержатся в данной статье, имеют универсальный и всеобъемлющий характер: But with *anything* that you are learning and developing you need to do develop your psychic with balance and caution. You must put a *general* statement to the *universe* of what you would like to handle... You need to remember that *at all times* you are the one in control and you can stop contact *at any time*.

К важным функциям «начала» можно отнести и *интригующую функцию* – функцию привлечения внимания читателя, которая возни-

кает, прежде всего, в так называемых «необычных началах» [Гончарова, Шишкина, 2005: 93, 97]. Зачастую «необычность» начала текста научно-популярной статьи заключается в использовании личных и притяжательных местоимений I и II лица, непосредственных обращений к читателю, а также эмоционально-оценочной лексики, лексических повторов и параллелизмов. Все эти приемы, а также дополнительные графические средства (выделение главного большим шрифтом, курсивом и т. д.) позволяют наладить диалог автора с читателем: *TRUST YOURSELF. This is still the greatest way to develop your psychic ability and any other talents that you have. You develop anything that interests you by working with it, practicing a lot, and becoming aware of everything that is written, everything that is working, and aware of the people in the field who are making a huge achievement.*

Для «конца» текста основной функцией, согласно Е. А. Гончаровой и И. П. Шишкиной, можно считать *делimitативную функцию*, поскольку он является нижней графически оформленной границей текста и словесно завершает композицию произведения [Гончарова, Шишкина, 2005: 104]. Говоря о значении «конца» в композиции текста научно-популярной статьи, нельзя не отметить также его специфические функции, свойственные только для научного текста. В научном тексте, в том числе в тексте научно-популярной статьи, как правило, присутствует специальный «композиционно-прагматический сегмент» (термин В. Е. Чернявской), оформляющий основные выводы из предшествующих рассуждений. Этот сегмент «представляет концентрированное знание», «акцентирует завершенность исследовательского поиска». Его выделение в тексте происходит с помощью специальных языковых средств, «которые передают отношения логического следования, то есть выведение заключения из предшествующего контекста», например, вводных слов и словосочетаний, конструкций с причастием II, наречий и усилительных частиц, местоименных наречий, предложных групп и др. [Чернявская, 2002: 55–56]. Данное утверждение можно проиллюстрировать отчасти следующим примером из анализировавшихся нами статей: *So don't let negativity ruin your present and future. Instead, build a new habit of having a positive attitude. It will take about 21 days to start seeing consistent changes in the way you think, but it will be worth it! Now choose the starting date for your attitude-renewal adventure and go for it! How about today? Change the habit!!!*

Наряду с вышеперечисленными средствами, в данном фрагменте с целью большего воздействия на читателя используются вопросительные, побудительные и восклицательные предложения, герундиальные фразы, а также личные и притяжательные местоимения II лица.

Между «началом» и «концом» текста располагается основная часть повествования. Особенности формулирования в тексте научно-популярной статьи связаны, прежде всего, с решением специальной коммуникативной задачи: сообщением неспециалисту достоверных научных знаний в доступной и увлекательной форме. В общих чертах эта специфика в проанализированных статьях заключается в следующем:

1. Сообщаемая информация вводится в текст в следующей последовательности когнитивных фаз: «проблемная ситуация/проблема → вывод», без обязательных интертекстуальных связей, в силу чего, по мнению В. Е. Чернявской, в научно-популярных статьях отсутствует четкая система ссылок, сносок, а также библиографический аппарат [Чернявская, 2004: 43]. Источники информации обозначаются с помощью аллюзий и скрытого цитирования, например: а) Some techniques of practice *according to the Spiritcommunity website* – Try pausing before you do something...; б) A technique of grounding *that I read in James Van Praagh's book 'Heaven'*, is to imagine that there is a silver cord tied to your tail bone and ankles and that it goes down to the center of the earth.

2. Создается информационная избыточность за счет введения: а) повторов: *Try it when someone knocks at your front door. Try it at work, can you tell when someone is happy, sad or pre-occupied with other things on their mind? Try to become universally aware, let your mind and body become an antenna to psychic information that flows through and about you;* б) дополнительных деталей и пояснений (чаще всего в скобках): *David Bohm found inspiration for the unity of creation in the central prayer of the Shema, which emphasizes unity of heart, mind and soul. (David Bohm is the grandfather of Bell's Theorem, the proof of which indicates we are all interconnected);* в) уточнений и отступлений от основной линии повествования: *My casual front is strong, but underneath I am tired, unhappy, frightened, and alone – always alone. I am surrounded by friends and family, but still, I am alone.*

Все вышеперечисленные средства обеспечивают доступность содержания читателю-неспециалисту.

3. Связанная с предыдущей характеристикой ориентация на обыденную повседневную сферу и среднестатистического потребителя: опора на иллюстрации, примеры, случаи из повседневной жизни, а не на строгую последовательность доказательств и выводов. Сообщаемые факты, результаты и открытия акцентируются именно с точки зрения их практического значения или пользы. В отдельных случаях, для того чтобы заручиться поддержкой потенциального читателя, автор статьи прибегает к использованию вводных слов, личных и притяжательных местоимений I лица, а также эмоционально-

экспрессивной лексики: *However, by sharing our feelings with a caring person in a loving way, we are released from negative emotions and experience greater understanding and compassion.*

В отдельных случаях для большей убедительности и объективности научного изложения, а также с целью воздействия на читателя автор статьи может сослаться на свой исследовательский опыт: *My ten years of research suggests that the Vitruvian Man is a universal symbol for greater love, relationships, success, health and the new age 21st century paradigm of indivisible wholeness, the paradigm for world peace.*

4. Снижается до минимума доля специальных терминов и дефиниций. Используются общеизвестные термины и, как правило, с объяснениями, расшифровкой значения в скобках или в сносках: Each wave has a peak (*expansion phase*) followed by a trough (*contraction phase*); Leonardo Da Vinci's Vitruvian Man (*the Da Vinci Man with four arms and four legs in a square and circle*) is the most popular secular symbol in the world; Rebirth happens when we awaken from the illusion of separation (atomism, the fading scientific paradigm) to the experience of indivisible wholeness (holism, the dawning paradigm).

5. Очевидная ориентация на потенциального читателя становится прагматической доминантой всего текста научно-популярной статьи, в том числе и его основной части. При этом имеет место интенсивное использование разнообразных приемов обращения к читателю: употребление риторических вопросов «в контактоустанавливающей и активизирующей функции» [Чернявская, 2004: 45] и императивных конструкций в роли обращений-регулятивов, советов или рекомендаций: *For the next 21 days focus on what you have and not on what you don't have. Live in the present and enjoy your blessings. Try to forget acquiring stuff for the purpose of keeping up with others. That only leads to more anxiety. Be thankful for what you do have instead.*

Автор научно-популярной статьи прибегает также к использованию графических средств выделения, разных цветов, схем или рисунков. Все эти средства позволяют завладеть и удержать читательское внимание на протяжении всего повествования статьи.

6. Экспрессивность (выразительность) научной речи становится одним из существенных признаков формулирования в тексте научно-популярной статьи. В связи с этим возрастает роль экспрессивных синтаксических и стилистических средств: а) вопросно-ответных комплексов: *What is real? Am I? But how do I know that I am real? Maybe I am an illusion in a game that is being played. I have been taught that what is real is tangible. Yet I am tangible, but am I real? Reality is a truth, yet reality is not a tangible item;* б) парцелированных и эллиптических

конструкций: *With its feet firmly planted on the live stage*, Broadway music is exciting, dynamic and enthralling; *When sitting cross-legged (or in a lotus posture)* the human form resembles a pyramid (square); *It was Maslow who* began to study physical, emotional and spiritual wholeness at the same time; в) эмоционально-оценочных единиц, не свойственных чисто научным текстам: Sure they were *nervous* and *uncomfortable*; they even *argued* and *pleaded* with the researcher to let them stop; г) языковых средств образности: These are all little *flashes* of your psychic ability (метафора); The Da Vinci Man in the circle represents our spirituality. This is the hidden circle of the pyramid, *the eye within the pyramid* (метафора); A disease is often *nature's reminder* that our soul is not easy with our attitudes or behaviour (персонификация); I feel *like a ship that has never sailed and is tied up* (сравнение).

Таким образом, тексты исследовавшихся нами научно-популярных статей по психологии имеют неоднородную композиционную структуру. Однако во всех исследовавшихся текстах можно выделить «сильные позиции», включающие в себя следующие части: заголовков, подзаголовков (иногда), введение и выводы (заключение). Основная часть статьи располагается между введением и заключением. Всем композиционным звеньям научно-популярной статьи присущи специфические лингвостилистические средства, не свойственные чисто научным произведениям, но характерные для художественных или разговорных текстов (эмоционально-экспрессивная и оценочная лексика, метафоры, сравнения и другие стилистические средства, неполные, восклицательные и вопросительные предложения и т. д.). Их употребление связано с необходимостью представить научную информацию в максимально доступной и увлекательной форме, а также с желанием автора убедить читателя в правильности своей точки зрения по затрагиваемой в статье проблеме. Все это создает специфику научно-популярной статьи как особого жанра научно-популярного подстиля.

***

- АРНОЛЬД И. В., 1990. Стилистика современного английского языка. М.
ГОНЧАРОВА Е. А., ШИШКИНА И. П., 2005. Интерпретация текста. М.
КРЫЛОВА О. А., 1979. Основы функциональной стилистики русского языка. М.
КУХАРЕНКО В. А., 1988. Интерпретация текста. М.
ЛАЗАРЕВИЧ Э. А., 1978. Искусство популяризации науки. М.
ОДИНЦОВ В. В., 1982. Речевые формы популяризации. М.
РАЗИНКИНА Н. М., 1989. Функциональная стилистика. М.

ЧЕРНЯВСКАЯ В. Е., 2002. Научный текст и его филологическая интерпретация. СПб.

ЧЕРНЯВСКАЯ В. Е., 2004. Интерпретация научного текста. СПб.

А. В. Несмеянов

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ ЭПИГРАММЫ

Диахронический взгляд на эволюцию методов интерпретации эпиграммы в немецкой этнокультуре даёт возможность выделить в её исследовании три методологически взаимосвязанных этапа, каждый из которых, однако, имеет и свои особенности.

Первый этап хронологически охватывает 17–18 века и характеризуется тем, что эпиграмма интерпретируется в это время как одна из форм субъективного индивидуально-авторского творчества. Известно, что теоретическое осмысление эпиграммы начинается с выхода в свет трактата М. Опица «Buch von der deutschen Poeterey» (1624 год), где автор кратко излагает свои взгляды на основы немецкого поэтического искусства. С этого момента эпиграмма начинает осознаваться как жанр, становление которого возможно в рамках немецкой этнокультуры. Для развития немецкой эпиграмматики трактат М. Опица играет определяющую роль вплоть до середины 18 века [Preisendanz, 1952: 29]. С этого времени без ссылки на его труд не обходится ни одно теоретическое исследование по эпиграмме, проводимое в рамках немецкой литературы. Так, с опорой на Опица, либо в полемике с ним свои трактаты создают Я. Мазен (1649), Ю. Г. Шоттель (1645–1656), К. Циглер (1653), Д. Г. Морхоф (1700), Г. Э. Лессинг (1771), И. Г. Гердер (1785).

Взгляды этих исследователей демонстрируют широкий спектр подходов к эпиграмме, которые порой противоречат и даже исключают друг друга. Несмотря на это, однако, можно считать, что в основе теоретических взглядов на эпиграмму у выше названных авторов лежит один и тот же подход, который можно обозначить как **метод авторопределения поэтического текста**. Этот исследовательский подход основывается на принципах субъективной философской эстетики поэта-практика. Его суть заключается в том, что поэт-практик, опираясь на античную эпиграмматическую традицию и исходя из своих философско-эстетических взглядов, стремится объяснить (в первую очередь для самого себя) сущность эпиграмматического жанра и создаёт собственную субъективную концепцию, в рамках которой и развора-

чивается его творчество. Преимуществом этого метода является то, что тексты эпиграммы, выступая в качестве непосредственного объекта исследования, требуют разработки широкого круга теоретических вопросов, связанных с её содержанием и языковой формой. Действительно, в трактатах М. Опица, Г. Э. Лессинга и И. Г. Гердера затрагиваются те вопросы языковой сущности эпиграммы, которые позже найдут более глубокое теоретическое обоснование. С этой точки зрения метод автоопределения поэтического текста представляет собой эмпирический субъективный метод, из которого в дальнейшем развиваются другие подходы к изучению эпиграммы. Слабой стороной этого метода можно считать то, что эпиграмма как поэтическое образование получает фрагментарное объяснение: исследованию подвергается, как правило, только лишь одна форма её проявления, выбор и описание которой осуществляется в зависимости от личных эстетических взглядов и творческих пристрастий поэта. Так, М. Опиц и Г. Э. Лессинг делают в своих трудах упор на эпиграмму римского поэта-сатирика Марциала, в то время как для И. Г. Гердера идеалом выступает греческая антологическая эпиграмма.

Метод автоопределения поэтического текста представляет собой закономерное явление в изучении эпиграммы в немецкой этнокультуре, которая, так же как и всё европейское культурное пространство, была ориентирована на античные художественные традиции. Субъективность данного метода, основанная на личных предпочтениях поэта, выступавшего одновременно и теоретиком литературы, объясняется спецификой античной литературы, заключающейся в том, что она, в принципе, существовала в произведениях конкретных авторов, каждый из которых, фактически, разрабатывал свой собственный жанр и создавал свой канон [Тамарченко, 2004: 189]. Именно это конкретное лицо и становилось для немецких поэтов-теоретиков 17–18 века парадигматическим именем, устанавливающим рамки в объяснении сущности эпиграммы и создании собственных эпиграмматических произведений. Субъективность метода автоопределения поэтического текста раскрывает и другую особенность первого этапа теоретического осмысления эпиграммы в немецкой этнокультуре – её синкретичное восприятие исследователем: эпиграмма как научный объект не отделяется от эпиграммы как элемента творчества. Синкретичность восприятия эпиграммы объясняет факт многополярности и взаимной противоречивости эпиграмматических концепций 17–18 веков. Ещё одной особенностью этого метода является его ретроспективно-диахронический характер: изучению подвергались античные эпи-

граммы, а теоретические результаты анализа служили основой для развития немецкой национальной эпиграмматической традиции.

Смещение акцента в исследовании немецкой эпиграммы происходит в конце 19 – начале 20 века. Причиной изменения ракурса исследований в это историческое время служит отделение эпиграммы как литературного жанра от эпиграммы как объекта изучения. К этому моменту эпиграмма в немецкой литературе выступает как самостоятельный жанр с более чем двухвековой историей развития, что даёт основание теоретикам литературы сделать его предметом научного описания. В связи с этим метод автоопределения поэтического текста сменяется дескриптивным методом, с помощью которого описываются разные аспекты функционирования этого жанра в немецкой литературе. Научное описание литературного жанра эпиграммы в это время сосредотачивается в основном на двух направлениях:

1. исследование особенностей функционирования жанра как литературной формы в контексте творчества какого-либо немецкого автора;
2. периодизация процесса становления и развития жанра с последующей подробной синхронической характеристикой какого-либо периода.

Первое направление описывает эпиграмму как литературную форму в контексте творчества определенного автора. Эпиграмма рассматривается в качестве одного из возможных способов выражения позиции автора в общей канве его литературной деятельности. Так, Э. Шмидт (1893) рассматривает образ И.В. Гёте в эпиграммах, Б. Патзак (1902) характеризует эпиграмматическое творчество Ф. Геббеля, Ф. Баумайстер (1922) исследует эпиграммы Ф. фон Логау, а О. Цаусмер (1933) – эпиграмматическую лирику Ф. Гриллпарцера [цит. по G. Pfohl, 1969: 15]. Реализация первого направления предполагает характеристику историко-культурной обстановки и литературной среды, в атмосфере которой автор создавал свои (не только эпиграмматические) произведения, и описание круга волновавших его проблем, которые находили непосредственное воплощение в том числе и в эпиграммах.

Второе направление исследований характеризует жанр немецкой эпиграммы с точки зрения истории его становления. Реализация этого направления начинается в работах, посвящённых изучению влияния творчества какого-либо иностранного поэта или целой школы на становление немецкой эпиграмматики определённого периода. Например, Э. Урбан (1900) исследует влияние творчества английского эпиграмматиста Дж. Оуена на немецкую эпиграмму 17 века. Изучением влияния творчества Марциала на немецкую эпиграмматику 17 века

занимается Р. Леви (1903). М. Шустер рассматривает взаимосвязь эпиграмматики Э. Мёрике и Кагулла [там же]. Позже появляются работы, изучающие жанр с позиции определённого исторического периода его становления и развития в немецкой литературе. Эти исследования носят синхронический характер, так как в качестве отправной точки берётся определённая культурно-историческая или временная эпоха с чётко заданными временными рамками. Так, А. Линдквист (1969) описывает мотивы и тенденции эпиграмм 17 века, а Т. Альтхаус (1996) характеризует содержание эпиграмм эпохи Барокко. В выше указанных исследованиях эпиграмма представляется как литературный феномен, во всей полноте своих проявлений, через творчество отдельных поэтов.

Таким образом, литературоведческие исследования, выполненные на основе дескриптивного метода, рассматривают эпиграмму как литературный жанр с позиции личностно-авторских условий его создания в историко-культурном контексте.

Началом третьего этапа в изучении эпиграммы можно считать последнюю треть XX века. Его особенностью является то, что к исследованию эпиграммы подключаются стилистика и лингвистика текста. В свете этих наук эпиграмма исследуется как комплексное лингвопоэтическое образование. Выбор методов, в этом случае, определяется характером исследования, которое может включать в себя несколько подходов: композиционно-стилистическая характеристика текста эпиграммы, характеристика эпиграммы как поэтического текста, анализ эпиграммы как особого типа текста. При этом, один из подходов выдвигается, как правило, на первый план и рассматривается с учётом двух других.

При первом подходе эпиграмма изучается с позиции композиционного строения текста, описываются и объясняются выбор и использование тех или иных стилистических приёмов для реализации авторского намерения [Перлина, 1996]. Основным методом исследования здесь является **метод композиционно-стилистического анализа текста**, который позволяет рассматривать эпиграмму с точки зрения её составных частей. Так эпиграмма представляется как текст, состоящий из заголовка и двухчастной композиционной структуры: экспозиции и клаузулы. Экспозиция и клаузула – противоположаемые друг другу части эпиграммы, столкновение которых порождает комический эффект. Формированию комического эффекта способствует использование в клаузуле различных семантических (гротеск, парадокс, антитеза) и лексико-синтаксических (каламбур, алогизм) приёмов.

При втором подходе [Behrman, 1989] немецкая эпиграмма анализируется как стихотворный текст, что позволяет выявить некоторые особенности её ритмико-метрического развития. Как известно, первые немецкие эпиграммы представляют собой переводы античных эпиграмм. Однако, уже на первом этапе становления немецкой эпиграмматики обнаруживается невозможность использования античных метрических форм гекзаметра и пентаметра (элегический дистих) по причине различных просодико-фонетических структур греческого и латинского языков с одной стороны немецкого языка с другой. В связи с этим, для метрического оформления эпиграммы в немецком языке из французского языка заимствуется александрийский стих, который господствует в этом жанре вплоть до 1750 года. Эпиграммы, написанные адаптированным элегическим дистихом, появляются в немецкой этнокультуре начиная с творчества Ф. Г. Клопштока. Таким образом, немецкая эпиграмма проявляет лингвопоэтические особенности уже на первом этапе своего развития.

В последнее время в исследованиях, посвящённых лингвопоэтическому анализу эпиграммы, всё больше внимания уделяется третьему подходу, который рассматривает эпиграмму с точки зрения типологии текстов. Однако в научных работах, затрагивающих эту проблему, предлагается лишь схематичное её решение, поскольку основной фокус исследования в этих работах сосредоточен на иных аспектах функционирования эпиграмматического текста: синхроническом семантико-стилистическом [Вайсц, 1979] или диахроническом композиционно-стилистическом [Перлина, 1996]. Между тем представляется возможным вынести вопросы изучения эпиграммы как определённого типа текста в отдельное самостоятельное научное исследование, приоритетной теоретической базой которого будут выступать основные положения типологии текстов.

Таким образом, изучение эволюции научных взглядов на эпиграмму показывает:

- неоднозначность в интерпретации немецкой эпиграммы как объекта научного описания. Так на разных этапах своего развития эпиграмма интерпретируется как: элемент субъективного индивидуально-авторского творчества (17–18 века), литературный жанр (конец 19 – середина 20 века), комплексное лингвопоэтическое образование (начиная с последней трети 20 века);

- наличие взаимосвязи между интерпретацией эпиграммы и методом её исследования. На первом этапе господствует метод автоопределения поэтического текста, на втором этапе преобладает дескриптивный метод, описывающий разные аспекты функционирования

жанра в немецкой литературе, на третьем этапе используется совокупность методов исследования эпиграммы, которые включают в себя: композиционно-стилистическую характеристику текста эпиграммы, характеристику эпиграммы как стихотворного текста, анализ эпиграммы как особого типа текста.

***

- КАЗАРИН Ю. В., 2004. Филологический анализ поэтического текста. М.
- ПЕРЛИНА Ю. Г., 1996. Композиційно-стилістична структура епіграмми як типу тексту. Автореф. дис. ... на соиск. учён. степ. канд. филол. н. Одесса.
- ТАМАРЧЕНКО Н. Д., 2004. Теория литературы: Учеб. пособие в 2 томах. М.
- ALTHAUS T., 1996. Epigrammatisches Barock. Berlin, New York.
- BEENZ M., 1981. Jutta Weisz, das deutsche Epigramm des 17. Jahrhunderts. // Zeitschrift fuer deutsche Philologie, Bd. 100, Heft 2.
- BEHRMANN A., 1989. Einfuehrung in den neuren deutschen Vers. Stuttgart.
- HERDER J. G., 1891. Anmerkungen ueber die Anthologie der Griechen, besonders ueber das griechische Epigramm. Zerstreute Blaetter, 2. Sammlung (1786) // Herders saemtliche Werke, Bd. 15. Berlin.
- LESSING G. H., 1968. Gesammelte Werke. Berlin–Weimar.
- OPITZ M., 1949. Buch von der deutschen Poeterey, Abdruck der ersten Ausgabe (1624). Halle/Saale.
- PFOHL G., 1969. Das Epigramm. Darmstadt.
- PREISENDANZ W., 1952. Die Spruchform in der Lyrik des alten Goethe und ihre Vorgeschichte seit Opitz., Heidelberg.

A. B. Остроумова

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО МНЕМОНИЧЕСКОГО
ПОВЕСТВОВАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Актуальность темы статьи определяется интересом современной лингвистической науки к исследованию проблемы соотношения языка и человеческого интеллекта, в частности, к изучению психических аспектов речевой деятельности, закономерностей реализации ментальных состояний и процессов в языке, механизмов взаимодействия по-

знания с действительностью и с языком, процессов порождения, восприятия и понимания речи в контексте социального, психического и культурного компонентов общения.

Современная наука, ориентируясь на исследование антропоцентричности языка, в качестве основного понятия рассматривает понятие когниции. Под когницией понимается процесс осознания и познания окружающего мира, в ходе которого информация «на входе» преобразуется и удерживается в памяти человека в виде ментальных репрезентаций различного типа. Когниция занимает ведущее место в жизнедеятельности человека. Жизнь человека определяется тем, как отражается в его сознании окружающая действительность, в каких формах накапливается и хранится информация об окружающем мире. Связь языка и когнитивных процессов основана на том, что, с одной стороны, язык является одним из основных способов познания мира, с другой, – язык обеспечивает доступ к системе знаний и служит средством выражения мыслительных процессов «в непосредственной реальности их осуществления» [Щирова, Тураева, 2005: 7]. Одним из специфических видов ментально-когнитивной деятельности выступает процесс воссоздания воспоминаний фактов и обстоятельств личного прошлого опыта, т.е. процесс вербализации памяти. Этот процесс лежит в основе мнемонического типа повествования (МП).

Ментально-психологическая основа МП – воспоминание, т. е. «акт сознания, которое выбирает из потенциалов памяти самые разнообразные, тематически фрагментарные и гетерогенные, непоследовательные и несвязные факты», создавая из них картину субъективированной действительности [Нюбина, 2000: 7]. Все данные когда-либо представленные нашему сознанию, осмысленные и приведенные в систему, накапливаются в памяти в виде набора фреймов – структур знаний об определенных стереотипных ситуациях действительности, семантически связанных между собой [Гурочкина, 2005: 62]. Накопленные в долговременной памяти знания непрерывно изменяются, проверяются и переформулируются мозгом и уже в преобразованном виде актуализуются вновь в момент фактического порождения текста. Таким образом, постоянная активность памяти как психического процесса предполагает заведомую неточность воспоминаний, – ее «преобразующий элемент» способствует постоянному отбору, выдвижению на первый план одного и забвению другого. Такие сознательные преобразования составляют прагматическую основу МП.

При сознательном восстановлении конкретным субъектом пережитого опыта особую роль играет «мыслительная работа сопоставления, умозаключения, проверки, вызванная стремлением к точному,

адекватному отображению событий». Основными признаками МП с точки зрения его прагматической направленности признаются его ретроспективная оценочность и особый характер отношений между отправителем МП и реципиентом. Бессознательное преобразование информации также оказывает влияние на процесс воссоздания прошлого и ведет к «непроизвольному наложению и смещению событий в пространстве и времени». Факторами, которые обуславливают такие процессы, считаются: связь воспоминания с определенными местами, людьми, собственными поступками, действиями и эмоциями автора; бессознательное искажение фактов в процессе вспоминания (явление алломнезии) [Бондарева, 2004: 78–79].

МП называют специфической формой эгоцентрического типа повествования [Гончарова, Шишкина, 2005: 202], закрепляя за ним высшую степень субъективности – эгоцентрическую субъективность. Мнемонический повествователь – это маркированный местоимением «я» абсолютный текстообразующий элемент. Мнемонический повествователь объединяет в себе субъекта (автора), объекта (рассказчика) и персонажа (протагониста) творимого им мира. Синтезируя историческую и личностную, «автобиографическую» правду, он творчески «самосозидает» авторское «Я» [Нюбина, 2000: 4]. Активность и пассивность, движение и покой вспоминающей мысли влияют на характер организации в тексте всех композиционно-речевых форм, смысловых линий и лингвопоэтических средств.

Поскольку субъективированное «я» мнемонического повествователя является единственным средством отражения объективных фактов и способов их преобразования в текст, с точки зрения жанровой принадлежности МП занимает промежуточное положение между художественной прозой и документами. К классу мнемонических текстов, формирующих мнемоническое повествование, относят различные типы текстов: дневники, письма, личный архив, автобиографию, автобиографический роман, литературный портрет, воспоминания, путевые заметки, а также литературу потока сознания с автобиографическими чертами [Нюбина, 2002: 4]. В основе порождения всех мнемонических текстов лежат процессы вспоминания и вербализации памяти. Хотя между отдельными типами текстов нельзя провести четкую грань, различия между ними существуют. Например, такие типы текста, как воспоминания, дневники и письма различаются степенью наличия в них личностного и непосредственного. В воспоминаниях повествователь основывается на собственных наблюдениях, подлежащих с течением времени искажению и неточности, в то время как дневники и письма характеризуются особой правдивостью, искренно-

стью, порой исповедальностью: эти черты превращают дневник в значительный исторический документ [Нюбина, 2000: 15]. В мемуарах наглядно представлен особый образ мышления человека, который вспоминает для того, чтобы проанализировать прошлое, дать ему оценку с высоты многих лет, ощутить разницу между «вчера» и сегодня». В дневниках и письмах сообщается о текущих событиях и материал не отбирается.

Многочисленные работы отечественных исследователей посвящены тем или иным аспектам мнемонического повествования (З. А. Алейникова, Н. Д. Артюнова, В. С. Барахов, Л. Гинзбург, В. Кардин, Т. М. Колядич, Н. А. Левковская, А. Ю. Мережинская, Л. М. Нюбина, Е. В. Падучева, И. Л. Смольнякова, И. С. Янская). Изучались вопросы истинности-неистинности высказываний в мнемоническом тексте, основные концепты мемуарной литературы («истина», «правда», «ложь», «прошлое», «настоящее»), проблемы ее жанровой дифференциации, лингво-поэтические и прагматические характеристики мнемонического повествования, культурно-исторический аспект мнемонических текстов. Исследователи общались к воспоминаниям, литературному портрету и авторизованной биографии как отдельным типам текстов мемуарного жанра. Однако не все лакуны на том обширном участке научного знания, который представляет собою мнемоническое повествование, заполнены. Так, например, на сегодняшний день отсутствует сравнительно-сопоставительное исследование когнитивно-прагматических и лингвостилистических характеристик различных типов мнемонических текстов, в частности воспоминаний, дневников и писем. Большинство исследований мемуарного жанра проводилось на материале русскоязычной и немецкоязычной прозы и часто либо носило литературоведческий характер, либо не реализовывало когнитивный подход к тексту. Плодотворность же этого подхода по отношению к обсуждаемой теме очевидна, поскольку память является одним из ключевых понятий когнитивной науки. Более того, именно в англоязычной литературе воспоминания, дневники и письма, в том числе написанные в собственно художественной форме, с их психологической наполненностью и элементами самоанализа, пользуются особой популярностью среди читателей. Современные авторы активно используют художественный прием стилизации романа под мемуарные жанры, а также включения в него в виде воспоминаний, дневников и писем. Тексты, написанные в жанре мемуаров, нашли свое отражение и в электронной сети Интернет, чему свидетельствует появление серверов, пользователи которых могут вести интерактивные дневники. Всё сказанное подтверждает актуальность и значимость ис-

следования различных типов мнемонических текстов с когнитивных, прагматических и лингвостилистических позиций.

***

- БОНДАРЕВА Л. М., 2004. Способы языковой манифестации ментально-когнитивной деятельности повествователя в текстах немецких автобиографий. Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов.
- ГОНЧАРОВА Е. А., ШИШКИНА И. П., 2005. Интерпретация текста. М.
- ГУРОЧКИНА А. Г., 2005. Когнитивные и прагмасемантические аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе. СПб.
- НЮБИНА Л. М., 2000. Воспоминание и текст. Монография. Смоленск.
- НЮБИНА Л. М., 2000. Поэтика и прагматика мнемонического повествования. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н.. СПб.
- ЩИРОВА И. А., ТУРАЕВА З. Я., 2005. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб.

А. Ю. Петрова

О ПРИРОДЕ ОЦЕНКИ

Усиление внимания к когнитивным и коммуникативно-прагматическим проявлениям языка, конечно, не могло не затронуть и категорию оценки, поскольку сама оценка не существует вне человеческой личности, ее деятельности, интересов, потребностей, целей, знаний об окружающем мире. В лингвистике имеется широкое и узкое понимание оценки. В широком смысле оценка представляет собой квалификацию, т.е. суждение познающего субъекта о предмете, опирающееся на сравнение данного предмета с идеальным стереотипом [Васильев, 1996]. Оценка в узком смысле (собственно аксиологическая категория) связана с установлением ценностного отношения между субъектом и объектом по признакам хорошо/плохо [Арутюнова, 1988; Вольф, 2006]. Тем не менее, оценка, как в широком, так и узком понимании является субъективным аспектом высказывания, что в свою очередь дает возможность исследователям называть ее оценочным модусом или модусной категорией оценки.

Цель данной статьи – определить, как соотносятся между собой явления модуса и оценки.

Термин *модус* в лингвистике ассоциируется с именем Ш. Балли. По мнению автора, в любом высказывании выявляются два функцио-

нальных организующих центра – диктум и модус [Балли, 1955]. Диктум – предметно-логическое содержание высказывания, «констатация наличия» некоторого представления, информация о факте – соотносится с описанием некоторой ситуации; модус отражает отношение описанной ситуации к действительности, а также выражает интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Диктум соответствует представлению об описываемом событии, а модус отражает коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом [Балли, 1955; Богданов 1977].

Вообще, наличие диктальных и модальных сторон высказывания, вероятно, заключено в природе языковой единицы, связанной, с одной стороны, с действительностью, с другой- с мышлением, а также предназначенностью языка для отображения действительности (номинативная функция языка) и для сообщения о ней (коммуникативная функция языка). Действительно, отображение факта действительности и сообщение о нем адресантом адресату не может происходить иначе, как «при участии активных мыслительных и психических процессов сознания, связанных с оценкой факта действительности, возможным субъективным отношением к нему и, как следствие, влияющих на выбор формы и способа сообщения об этом факте» [Лисоченко, 1992: 46]. В результате, коммуникативная единица имеет диктальную и модальную стороны, языковая форма и способ выражения которых зависят как от структуры денотата, так и от способа осмысления его в сознании говорящего.

Модус высказывания как логико-психологическая переменная, отражающая отношение автора к сообщаемому и выражающая коммуникативно-прагматические смыслы, признан необходимой составляющей высказывания как знаковой системы.

Следовательно, возможно говорить о существовании «модусных, или оценочных (в широком смысле этого слова) категориях, обеспечивающих возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев, 2005: 32].

Тот факт, что модусные категории имеют интерпретирующий характер, а интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов и связана с оценкой системы мира и деятельностью, позволяет заключить, что модусные категории как формы отражения онтологии человеческого сознания, имеют гносеологическую природу.

Поскольку модусные категории связаны с процессом использования языка и прагматически ориентированы, т.е. служат процессу

понимания и общения, правомерно отнести их к коммуникативным. Ведь коммуникативная категория существует как форма выражения субъективности человека, а основным функциональным назначением модусных категорий является выражение «субъективного начала при выражении объективной реальности» [Кобрин, 2006: 91].

Многообразие аспектов субъективности предопределяют обширность области модусных категорий. Так, модусную парадигму составляет оценочность (в узком понимании), отрицание, императивность, персуазивность, модальность, аппроксимация, эвиденциальность и др. [Болдырев, 2005; Шмелева, 1995]. Данные категории не имеют четких границ, а их значения реализуются разными языковыми средствами. Единицы одной категории нередко выражают значение другой (например, модально-оценочные слова).

Оценочность как одна из разновидностей категории модуса неотделима от человека, поскольку «задана психической и физической природой человека, его бытием и существованием» [Арутюнова, 1988]. В процессе познавательной и мыслительной деятельности человек не просто отражает объекты окружающей действительности, но и оценивает их с точки зрения значимости для удовлетворения своих потребностей, соответствия/несоответствия определенным нормам и т.д. Помимо этого субъективность оценки проявляется также в выборе языковых средств, которые в данном контексте будут наилучшим образом выражать его личностную оценку.

Нередко термин «оценка» употребляют в связи с модальностью [Якушина, 2003]. По нашему мнению это не правомерно. Напомним, что *модальность* – это «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами» [Ахманова, 1966: 237]. Категория модальности сводится к представлению говорящим высказывания как сообщения о событии реальном/ирреальном, возможном, необходимом, желательном, вызывающем сомнение, уверенность, предположение, сожаление и тому подобное. Оценка, как отмечалось ранее, обозначает соответствие/несоответствие квалифицируемых явлений определенным ценностным критериям, нормам. Несомненно, понятие модуса шире понятия модальности и оценки, т.к. модусные значения характеризуют диктумное событие с различных точек зрения: модальной, этической, эмоциональной, истинностной, интеллектуальной, перцептивной, ценностной и других. Поэтому правомерно отнести

модальность, так же как и оценочность, к категориям, входящим в область модуса.

Итак, по своей природе оценка всегда антропонимична и когнитивна. Неслучайно Т.А. Ван Дейк называет ее «когнитивным феноменом» тесно связанным с практической деятельностью человека [Ван Дейк, 1989: 12]. Можно сказать, что оценка, с одной стороны, участвует в создании модели мира, а с другой – способствует ее познанию. Следовательно, наиболее релевантным для рассмотрения категории оценки является когнитивный подход. Оценка должна изучаться как категория, принадлежащая к числу модусных категорий, которые заданы общественной, физической и психической природой человека, обуславливающей его отношение к другим индивидам и предметам окружающей действительности.

***

- АРУТЮНОВА Н. Д., 1988. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.
- АХМАНОВА О. С., 1966. Словарь лингвистических терминов. М.
- БАЛЛИ Ш., 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М
- БОГДАНОВ В. В., 1977. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.
- БОЛДЫРЕВ Н. Н., 2005. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов.
- ВАН ДЕЙК Т. А., 1989. Язык. Познание. Коммуникация. М.
- ВАСИЛЬЕВ Л. М., 1996. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике. Уфа.
- ВОЛЬФ Е. М., 2006. Функциональная семантика оценки. М.
- КОБРИНА О. А., 2006. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. №2. Тамбов.
- ЛИСОЧЕНКО Л. В., 1992. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты). Ростов-на-Дону.
- ШМЕЛЕВА Т. В., 1995. Субъективные аспекты русского высказывания. Дис. ...д. филол. н. М.
- ЯКУШИНА Р. М., 2003. Динамические параметры оценки. Автореф. дисс. ...канд. филол. н. Уфа.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДИАЛОГИЗМА

Существует неразрывная связь между национальной культурой коммуникантов и ее речевым воплощением, текстом. Изучение взаимоотношений языка и культуры этноса является задачей лингвокультурологического направления лингвистики. В рамках этого направления может изучаться набор адекватных языковых средств, выражающих культурную единицу в текстах, могут определяться основные прагматические функции апелляции к данной культурной единице в предложеной коммуникативной ситуации. Немаловажным является и тот факт, что гносеологический аспект текста можно рассматривать как своего рода зеркало национальной языковой личности и нации в целом.

Для того чтобы определить, какие языковые единицы могут являться отражением национальной культуры в языке, предлагаем обратиться к понятию культурного концепта, одно из определений которого было предложено Ю. С. Степановым: «Концепт – это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997: 40]. Таким образом, концепт – некое ментальное образование с нечеткими границами и ценностной составляющей, которое «принадлежит сознанию, детерминировано культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин, 2000: 9]. Структура культурного концепта включает в себя помимо ценностной (оценочной) составляющей понятийный и образный элементы [Карасик, 1996]. Понятийный элемент отвечает за фактуальную информацию об объекте, его наиболее общих, но существенных признаках. Образный элемент связан с наглядно-чувственным представлением о предмете, сложившимся в результате познания действительности.

Учитывая тот факт, что в концепт входит аксиологическая составляющая, В. И. Карасик предложил классифицировать концепты в соответствии с принципами, заложенными при классификации ценностей. Руководствуясь ими, следует различать индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие концепты.

Что касается активизации концептов в сознании носителей, то, бесспорно, её основным средством являются языковые знаки (слова, словосочетания, фразы, предложения и т. д.). Хотя нельзя отрицать тот факт, что наряду с ними концепт может быть активизирован и невербальными стимулами, различными паралингвистическими средствами.

Соответственно, предлагается выявить те языковые знаки, которые: 1) активизируют в сознании носителя языка определенные концепты; 2) характеризуются гносеологической составляющей; 3) являются показателями культурных ценностей и приоритетов.

По нашему мнению, как нельзя лучше на роль таких единиц подходят прецедентные тексты (ПТ). Данный термин впервые использовал Ю. Н. Караулов, им он обозначил тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1986: 105].

В настоящей статье понимание прецедентного текста, вслед за Г. Г. Слышкиным, будет несколько расширено, и под прецедентным текстом будет пониматься «любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000: 28]. Таким образом, тексты могут становиться прецедентными и для узкого круга людей, и на короткий временной промежуток, также они могут включать не только вербальные компоненты. Одной из характерных черт прецедентов является то, что они «перешагивают рамки искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драме, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений» [Караулов, 1986: 106].

Поскольку ПТ всегда формирует концепт, к нему применимо деление на микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие. От вышеприведенной классификации концептов данная категоризация отличается отсутствием индивидуальных прецедентных текстов.

Корпус ПТ с течением времени может меняться. На продолжительность их «жизни» оказывают свое влияние изменения в идеологии группы людей или всей нации, языковая ситуация в обществе, уровень

ценностной значимости текста (анекдоты, особенно политические, становятся прецедентами обычно на очень короткий срок).

ПТ в тексте наиболее часто реализуется пятью способами: упоминание (названия, автора), прямая цитация, квазичитация (умышленное изменение цитаты), аллюзия (от фр. *allusion* – намек) и продолжение (использование воображаемого мира уже известного, обычно художественного, произведения как поля действия создаваемого произведения).

По мнению Ю.Н. Караулова, незнание ПТ – предпосылка отторженности от культуры. Это происходит потому, что в любом обществе текстовые концепты формируют и отражают его идеалы. Текст, явно прецедентный, но неопознанный личностью или группой, Караулов предлагает называть «антипрецедентным» (АПТ). При этом если ПТ – явление довольно объективное, то антипрецедентным текст становится исключительно субъективно и ситуативно.

Ю. Н. Караулов выделяет три способа существования и использования ПТ:

1. Натуральный, когда ПТ представляется в «первозданном» виде;
2. Вторичный, когда ПТ представлен в трансформированном виде. Это могут быть как вторичные размышления, так и другой вид искусства;
3. Семиотический, когда ПТ представлен в виде намека, отсылки, аллюзии.

В рамках данной статьи нас интересует последний способ, т. к. именно он является одним из способов репрезентации диалогизма, включая в процесс коммуникации либо весь предшествующий текст, либо его фрагмент.

В процессе коммуникации, как известно, многое зависит от опыта и тезауруса его участников, а именно от «общности ассоциаций» (термин Э. Хирша), которая свойственна в основном участникам общения, принадлежащим к одной культуре. Для успешного общения необходимо иметь представление о невербализированных системах ассоциаций партнера [Hirsch, 1988: 59, 68]. И выбор адекватных средств активизации концептов – залог успешной коммуникации.

Итак, прецедентный феномен (ПФ) должен, прежде всего, способствовать успешному общению. Но в силу различных фактов (принадлежность к разным когнитивным пространствам, большая временная дистанция между созданием и восприятием, субъективные факторы) ПФ характеризуется разной степенью узнаваемости, прецедентности. Когда ПФ продуцирует слишком ограниченное число реакций, или эти реакции в большинстве своем предсказуемы (например,

Othello, Judas), он может быть поставлен в синонимический ряд с лексическими единицами языка. Такие ПФ отличаются от остальных, т.к. не нуждаются в связи с первоисточником, не требуют апелляции к тому культурному концепту, с которым ПФ связан метонимическими отношениями.

Относительно языковой личности и роли ПТ в ее структуре Караулов утверждает, что, исследуя ПТ, принадлежащие дискурсу какой-либо языковой личности, «... мы получаем в «остатке» те проблемы, которые данная личность считает жизненно важными, самыми главными для себя как представителя человечества и над разрешением которых она бьется; мы получаем набор черт ее индивидуального характера, отраженный с помощью тех же прецедентных текстов; мы получаем, наконец, систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих ее позицию и образ действий» [Караулов, 2002: 235]. Таким образом, исследуя, например, тексты массовой коммуникации и рассматривая их в целом, как принадлежащие определенному обществу в определенной эпоху, можно утверждать, что все вышесказанное применимо для его характеристики, то есть для описания ценностей, злободневных проблем и вопросов общества некоего периода времени. Диалогические включения, характерные для данных текстов, в свою очередь, становятся показателями культурных ценностей и приоритетов данного общества.

***

- КАРАСИК В. И., 1996. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск.
- КАРАУЛОВ Ю. Н., 1986. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М.
- КАРАУЛОВ Ю. Н., 2002. Русский язык и языковая личность. М.
- СЛЫШКИН Г. Г., 2000. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.
- СТЕПАНОВ Е. С., 1997. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.
- HIRSCH E. D., Jr., 1988. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. N.Y.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СИНОНИМИИ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Общепризнанным является положение о том, что определение сущности синонимов непосредственно связано с разработкой различных концепций лексического значения. В русле традиционного подхода наиболее часто разрабатывают общую теорию синонимии и рассматривают ее на основании денотативного [Звегинцев, 1957; Васильев, 1967 и др.], сигнификативного [Бережан, 1973; Вилюман, 1980 и др.] и понятийного [Александров, 1967; Ефремова, 2000 и др.] аспектов значения слова. Вместе с тем исследователи не раз отмечали, что при установлении природы этого языкового явления необходимо разграничивать синонимию различных частей речи. Следовательно, при определении синонимии глаголов необходимо учитывать семантику этих языковых единиц.

Традиционно денотат некоторой лексической единицы определяют как «множество объектов действительности, которые могут именоваться данной единицей» [ЛЭС, 1990: 129]. В последнее время некоторые исследователи отмечают отсутствие денотативного значения в семантике глагола [Никитин, 1996 и др.]. Данное наблюдение представляется обоснованным, поскольку глагол описывает лишь признаки денотата, который представлен предметным именем. Следовательно, при определении глагольной синонимии критерий денотативного тождества оказывается нерелевантным.

Под сигнификативным аспектом значения наиболее часто понимают «совокупность тех признаков предмета (явления), которые существенны для его правильного именованья данным словом в системе данного языка» [ЛЭС, 1990: 444, 384]. Сигнификативное значение лежит в основе интерпретации синонимии как отношений семантической тождественности или семантической близости. Однако полное совпадение семантических структур многозначных синонимов невозможно. Это вытекает из традиционного ошибочного представления о языке как «складе значений», и как следствие, анализ и сравнение смысловых структур слов проводятся в полном объеме их речевых значений, число которых потенциально не ограничено. Следовательно, представляется, что решение проблемы определения синонимии возможно с позиций семантики прототипов на уровне системы языка.

Теория прототипов появилась как следствие распространения когнитивистики и эволюции представлений о системе языка, в кото-

рой лексема функционирует не в виде семантической структуры, а в форме некоего инвариантного содержания. Согласно новому подходу, семантика слов на уровне системы языка получают специфическую «упаковку» в виде лексических прототипов или содержательных ядер многозначных слов.

Содержательно ядро (СЯ) представляет собой максимально экономный способ хранения в долговременной памяти информации о наиболее существенных характеристиках слова, на основе которых формируются все его речевые лексико-семантические варианты. Содержательное ядро представляет собой минимально необходимый набор интегральных и дифференциальных признаков, связанных с образом формы слова, и достаточных для идентификации предмета мысли [Архипов, 2003]. Вместе с тем, очевидно, что интегральные и дифференциальные признаки глагольной лексемы называют целую ситуацию или событие со свойственными им специфическими взаимоотношениями между предметами, участвующими в этой ситуации или событии [Уфимцева, 2002; Никитин, 2003 и др.].

Применительно к теории синонимии концепция содержательного ядра дает возможность решить проблему параллельного функционирования синонимичных глаголов. Установление содержательных ядер синонимов поможет определить пределы их системных значений в языке, которые дают лексической единице право на существование ее в системе языка [Архипов, 2003: 89-91]. В качестве материала исследования рассмотрен синонимический ряд глагола *break*: *split, splinter, snap, rupture, burst, explode, smash, shatter, chip, fracture, crack, crumble*.

Методика установления содержательного ядра включает несколько этапов. Прежде всего, когнитивистика, как и традиционное языкознание, признает важность номинативно-непроизводного значения, поскольку оно часто выступает в роли лучшего представителя семантики слова. Номинативно-непроизводное значение является первой осознаваемой ассоциацией с формой данной лексемы, и каждый ЛСВ сохраняет какой-либо его признак. Таким образом, первый этап выявления содержательного ядра лексемы заключается в определении ее номинативно-непроизводного значения, которое выводится на основе первых значений минимум десяти словарей [Архипов, 2003: 89].

Ниже, как образец, приведена процедура анализа семантики лексемы *split*. Однако, учитывая ограниченный объем данной работы, ниже рассматривается только шесть из двадцати одного ЛСВ данной лексемы. Для глагола *split* словари приводят следующие дефиниции первого значения:

Словарь	Дефиниция первого значения	Интегральные признаки	Все дифференциальные признаки
1) Merriam	«to divide lengthwise usually along a grain or seam or by layers»	divide	<i>lengthwise usually along a grain or seam or by layers</i>
2) TNODEL	«break into parts; divide»	break, divide	<i>into parts</i>
3) CO-BUILD	«if something splits or something else splits it, it is divided into two or more parts»	divided	<i>into two or more parts</i>
4) LDELCL	«to (cause to) divide along a length, especially with force or by a blow or tear»	(cause to) divide	<i>along a length, especially with force or by a blow or tear</i>
5) Webster	«to divide or separate from end to end or into layers»	divide	<i>from end to end or into layers</i>
6) Heritage	«to divide from end to end or along the grain by or as if by a sharp blow»	divide	<i>from end to end or along the grain by or as if by a sharp blow</i>
7) CALD	«to (cause to) divide into two or more parts, especially along a particular line»	(cause to) divide	<i>into two or more parts, especially along a particular line</i>
8) MEDAL	«to divide a group into smaller groups»	divide	<i>a group into smaller groups</i>
9) OALD	«break, cause to break, be broken, into two or more parts, especially from end to end along the line or natural division»	break, cause to break	<i>into two or more parts, especially from end to end along the line or natural division</i>
10) TNODE	«break or cause to break forcibly into parts, especially into halves or along the grain»	break or cause to break	<i>forcibly into parts, especially into halves or along the grain</i>

Интегральным признаком лексемы можно признать сему *divide* как наиболее частотную (8 из 10 словарей). Дифференциальные признаки представлены ниже в таблице по частотности упоминания в дефинициях.

Лексема	Интегральный признак (число упоминаний в дефинициях)	Дифференциальные признаки (число упоминаний в дефинициях)
split	divide or cause to divide (8)	<i>along a grain / length / line / natural division (6)</i> <i>into two or more parts (5)</i> <i>forcibly / by a blow (4)</i> <i>lengthwise / from end to end (3)</i> <i>into layers (2)</i>

Следовательно, признаки *along a grain / length / line / natural division* (6), *into two or more parts* (5) и *forcibly / by a blow* (4) необходимо включить в ННЗ как наиболее частотные. Признаки *along a grain* и *into parts* являются частью прототипической ситуации «split» и обозначают, каким образом происходит нарушение целостности и результат, к которому оно приводит, то есть разделение на части, появляющиеся непосредственно в поле зрения наблюдателя.

Признак *lengthwise / from end to end* (3) представляет собой частное проявление признака *along a grain / length / line / natural division* (6), поэтому нет необходимости вводить его в ННЗ в качестве отдельного дифференциального признака. Подобным образом признак *into layers* (2) представляет собой частное проявление признака *into two or more parts* (5), поэтому его также нет необходимости включать его как отдельную сему ННЗ.

На основе этих данных можно сформулировать «усредненное» номинативно-непроизводное значение глагола split как: «**divide or cause to divide into parts along the line of natural division by force**».

Чтобы установить статус ННЗ в семантике данного глагола, а именно не выступает ли оно также в качестве ее содержательного ядра, необходимо исследовать в терминах ННЗ всю семантическую структуру глагола split. Если все ЛСВ поддаются интерпретации на основе ННЗ, то оно и будет содержательным ядром лексемы *split*. Рассмотрим прямые значения.

Лексико-семантический вариант	Интерпретация ЛСВ в терминах ННЗ	
	ННЗ = <i>интегральный признак</i> + <i>дифференциальные признаки</i>	Интерпретация
1) I was out in the back yard splitting logs.	divide or cause to divide into parts by force along the line of natural division	1) I divided logs into parts by force along the line of natural division.
2) This soft wood splits easily.		2) This soft wood divides easily into parts by force along the line of natural division.

Хотя приведенные ниже значения являются прямыми, в них наличествуют не все дифференциальные признаки.

Лексико-семантический вариант	Интерпретация ЛСВ в терминах ННЗ	
	ННЗ = <i>интегральный признак</i> + <i>дифференциальные признаки</i>	Интерпретация
3) The river splits the town in two.	divide or cause to divide into parts by force along the line of natural division	3) The river divides the town into two parts along the line of natural division.
4) They met up and split the booty.		4) They met up and divided the booty into parts along the line of natural division.

Таким образом, в данных ЛСВ наличествуют лишь два дифференциальных признака из трех: налицо только образование частей, а семы способа их образования *along the line of natural division* и *by force* не столь очевидны.

Не все дифференциальные семы присутствуют и в тех значениях глагола *split*, в которых в качестве объекта или субъекта действия (пассивные значения) выступает не единичный предмет, а совокупность однородных предметов. Элементы подобной совокупности связывают социальная, политическая, профессиональная, функциональная и другие виды общности [Уфимцева 2002: 127–126], и они могут разделяться на дискретные части без видимого приложения усилий. С учетом этого проведем анализ переносных ЛСВ, чтобы установить степень участия ННЗ в их формировании.

Лексико-семантический вариант	Интерпретация ЛСВ в терминах ННЗ	
	ННЗ = <i>интегральный признак</i> + <i>дифференциальные признаки</i>	Интерпретация
5) They split up after a year of marriage.	<i>divide or cause to divide</i> + <i>into parts</i> <i>by force</i> <i>along the line of natural division</i>	5) They separated after a year of marriage as if the whole of their marriage divided into parts <i>along the line of natural division</i> .
6) My head is splitting.		6) I am suffering from such a strong headache as if my head was dividing into parts <i>by force</i> of that pain <i>along the line of natural division</i> .

Таким образом, анализ интерпретации значений глагола *split* в терминах его ННЗ показывает, что ННЗ и СЯ глагола *split* основывается на образе «division into parts by force usually along the line of natural division» («нарушение целостности посредством силы и разделение на части в местах естественного разделения»). Такое нарушение целостности, как «split», предполагает разделение на части предметов, которые представляют собой целое, состоящее из отдельных элементов (дерево, одежда, автомобили, сланец и т. п.), причем размер, как самих предметов, так и составных элементов, не имеет значения (атом и нейтроны или ледяной покров реки и льдины). При нарушении целостности такого объекта происходит разделение на составные части в местах, в которых такое разделение естественно. Как видно из примеров, в прототипической ситуации подобное разделение происходит не произвольно, а вследствие сильного внешнего воздействия.

Учитывая анализ смысловой структуры глагола *split* в терминах установленного ННЗ и образа «нарушение целостности посредством

силы и разделение на части в местах естественного разделения», определяющего пределы системного значения данной леммы, можно смоделировать следующее содержательное ядро глагола split: **«divide or cause to divide into parts along the line of natural division by force or as if perform the action like this»**.

Аналогичным образом были установлены ННЗ остальных глаголов в синонимическом ряду *break* и на основе ННЗ были интерпретированы их семантические структуры. Анализ показывает, что содержательное ядро каждого синонима наряду с интегральной семой образует набор дифференциальных сем, который обуславливает уникальный характер системного значения. Содержательные ядра синонимов *break*, выявленные в результате анализа, представлены в таблице ниже.

Синоним	<i>Интегральный признак</i>	<i>Дифференциальные признаки</i>
1. to splinter	reduce or cause to reduce	<i>a hard object to small sharp thin pieces or as if perform any action like this</i>
2. to snap	to destroy or cause to destroy	<i>a thin object suddenly and completely with a sharp sound under strain or as if perform any action like this</i>
3. to burst	to destroy or cause to destroy	<i>any elastic object suddenly under excessive pressure causing the contents to appear or as if perform any action like this</i>
4. to explode	to damage and / or completely destroy or cause to do this	<i>suddenly and rapidly with much force and noise due to annihilation of an explosive or as if perform any action like this</i>
5. to smash	to reduce or cause to reduce	<i>a hard object to pieces with noise due to a violent impact causing complete destruction or as if perform any action like this</i>
6. to rupture	to damage or cause to damage	<i>an elastic object suddenly under pressure causing a tear in its structure and making it inoperative or as if perform any action like this</i>
7. to shatter	to reduce or cause to reduce	<i>a brittle object suddenly and violently to smithereens or as if perform any action like this</i>
8. to chip	to damage or cause to damage	<i>a hard object unintentionally or with a sharp tool by separating a small piece from it or as if perform any action like this</i>
9. to crack	to damage or cause to damage	<i>a hard object partially with a sudden explosive sound and causing fissures to appear or as if perform any action like this</i>
10. to fracture	to damage or cause to damage	<i>a hard object like a bone causing its complete or partial destruction due to external pressure or impact or as if perform any action like this</i>
10. to crumble	to reduce or cause to reduce	<i>a soft object gradually to very small pieces like crumbs or as if perform any action like this</i>

Данные, приведенные в таблице выше, показывают, что интегральные признаки всех синонимичных глаголов обозначают то или иное «нарушение целостности предмета». Общность интегральных признаков служит основанием для объединения этих глаголов в один синонимический ряд. Это совпадает с результатами, полученными И. К. Архиповым на материале лексемы *to break*, которая является доминантой данной синонимической группы. В ее содержательном ядре интегральный признак «to disintegrate» также называется «нарушение целостности» [Архипов, 2003]. Дифференциальные признаки носят уникальный характер и, следовательно, устанавливают пределы значений данных синонимичных глаголов в системе языка.

Таким образом, подобная уникальность является ключевым фактором, определяющим пределы значения лексемы в системе языка и «место» слова-синонима в синонимическом ряду. Выявленные модели системных значений синонимичных слов, видимо, хранятся в долговременной памяти носителей языка и являются основой для формирования как номинативно-непроизводных значений, так и всех остальных лексико-семантических вариантов на уровне речи. Таким образом, глагольные синонимы с позиций прототипической семантики можно определить как лексемы, обладающие тождественными интегральными и специфическими дифференциальными признаками, в которых фиксируется информация о соответствующих ситуациях или событиях с учетом условий их протекания и взаимоотношений между участниками.

***

- АЛЕКСАНДРОВ П. С., 1967. О понятии синонима // Лексическая синонимия. Сб. ст. М.
- АРХИПОВ И. К., 2003. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Человеческий фактор в языке. С-Пб.
- БЕРЕЖАН С. Г., 1973. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев.
- ВАСИЛЬЕВ Л. М., 1967. Проблема лексического значения и вопросы синонимии // Лексическая синонимия. Сб. ст. М.
- ВИЛЮМАН В. Г., 1980. Английская синонимика (введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов). М.
- ЕФРЕМОВА Н. В., 2000 Семантические и функциональные особенности синонимического оппозиций английских глаголов. Автореф. дис. Киев.
- ЗВЕГИНЦЕВ В. А., 1957. Семасиология. М.
- ЛЭС, 1990. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.

- НИКИТИН М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.
НИКИТИН М. В., 2003. Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. СПб.
УФИМЦЕВА А. А., 2002. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.

А. А. Радюшкина

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

Свое Евангелие св. Лука записал со слов св. ап. Павла и, как считается, подражая речи Иисуса Христа [Ауни, 2000: 124]. Говоря людям о Царстве Божьем, вере, рае, Христос и, подражая Ему, Лука прибегали к использованию образного языка. В качестве причин особенной **образности евангельского текста** нами выделяются следующие. Считается, что человек не может представить и описать то, что не поддается чувственному восприятию, поэтому многое из того, что Бог хочет нам сказать, может быть передано посредством образов. Смысл образного языка может быть непонятен при первичном восприятии, казаться противоречивым. Этот факт не позволяет мысли успокоиться, заставляя искать противоречию объяснение и, следовательно, стимулируя активное отношение читателя к Словам Господа, творческую деятельность адресата. Также, по замечанию Оуэна, образный язык способен как прояснить истину, так и скрыть ее [Оуэн, 1977: 4].

Образность в тексте Евангелия передается посредством таких лингвостилистических средств, как, например, метафора, метонимия, синекдоха, сравнение, персонификация и парафраз.

Метафора в Евангелии от Луки часто используется, когда речь идет о Боге, Иисусе Христе, Царстве Божьем, вере и верующих, нечестивых, демонов и аде.

Так, Иисус Христос обращается к законникам, упрекающим Его учеников в несоблюдении поста: “You cannot make the friends of **the bridegroom** fast while the bridegroom is with them, can you? The time will come when **the bridegroom** will be taken away from them, and in those days they will fast” [Lk 5: 34–35]. «Жених» – метафорическое указание на **Иисуса Христа**, Его любовь и верность Своему народу.

Особенностью рассматриваемого текста можно считать то, что в большинстве своем метафора реализуется в нем не только посредством словосочетаний, но и посредством нескольких предложений,

скрепленных одной идеей и сюжетной линией. Данный вид метафоры получил название развернутой. Примером развернутой метафоры может быть описание Спасителем истинной веры в образе скалы, на которой человек воздвигает свой дом, желая защитить его от непогоды: “He is like a person who in building a house dug deep and laid the **foundation on the rock**. When a flood came, the floodwaters dashed against the house but could not move it, because it was well built. The one who hears My words but does not follow them is like a person who built a house on the ground without a foundation. When the floodwaters dashed against it, that house immediately collapsed and went down with a loud crash” [Lk 6: 48–49]. Под словами «основание» и «скала» здесь понимается **Спаситель и Его учение**. Христос, подобно скале, тверд и неизменен в Своей любви к кающимся грешникам. Он также является преградой, которая защитит от гнева Его Отца в Судный День, и о которую разбиваются неверие нечестивых [Оуэн, 1977: 103–131]. Если мы желаем иметь жизнь, то должны следовать Его учению.

Приведенные примеры из Евангелия от Луки позволяют увидеть, что метафора выполняет роль «посредника» между миром людей и миром высших идей. Метафора как стилистический прием призвана помочь реципиенту «увидеть» картину, нарисованную в близких и понятных образах, соответствующих его языку и облегчающих познание.

Метонимия, в отличие от метафоры, основывается не на отождествлении объектов, а на ассоциативной связи, порождаемой этими объектами [Гальперин, 1977: 144].

Так, например, в словах, обращенных ангелом к Марии, говорится о власти, которой будет наделен ее Сын: “He [Jesus] will be great and will be called the Son of the Most High. And the Lord God will give Him **the throne** of His ancestor David” [Lk 1: 31–32]. «Престол» есть символ **власти и могущества**, присущие Богу и даруемые Им по Его усмотрению.

Метонимия, в отличие от метафоры имеет другой механизм декодирования. В случае с метафорой один объект исключает другой, он используется только для установления связи между ними. Метонимия же подразумевает неотделение одного от другого [Гальперин, 1977: 146]: “He [Zacharias] was chosen by lot – according to the custom of priesthood – to go into the Lord’s Temple **to burn incense**” [Lk 1: 9]. «Каждение», или «курение», – *метонимия* или сравнение, обозначающее **молитву**. Данная метонимия строится на близости двух явлений, так как молитва в храме сопровождается каждением, сравнение – на следующем сходстве: как фимиам поднимается вверх при сжигании, так и молитвы возносятся к Божьему престолу. Как фимиам име-

ет приятный запах, так и молитвы приятны Богу, когда совершаются во имя Христа [Оуэн, 1977: 140].

Разновидностью метонимии является **синекдоха**, построенная по принципу «часть вместо целого» или «целое вместо части».

“But look, **the hand** of him who is betraying Me is with Me on the table” [Lk 22:21]. «Рука» образно представляет того человека, которому принадлежит, и который станет предателем, – **Иуду**.

Сравнение является стилистическим приемом, позволяющим выявить общее у объектов, принадлежащих различным классам. Стилистическое сравнение подразумевает сопоставление только одного или ограниченной группы признаков, необходимых для создания определенного эффекта, оставляя остальные вне поля внимания, причем выделяемый признак может позволить по-новому взглянуть на рассматриваемый предмет [Гальперин, 1977: 167]. Так, в отрывке, в котором Иисус говорит ученикам о важности заботы о душе своей, а не о теле, объясняет, что даже сорная трава находит заботу у Творца, тогда как Его дети во много раз важнее травы: “If that is how God clothes **the grass** which lives in the field today and tomorrow is thrown into an oven, how much more certainly will He put clothing on you – who trust Him so little?” [Lk 12: 28] Образ травы соответствует образу **людей** и лежит в основе назидания: как трава вянет, люди увядают и умирают, однако, в течение жизни Бог чудным образом заботится о них. Благодаря имеющемуся сравнению, человек осознается как нечто слабое, подчиненное, тогда как многим и нередко самому себе он представляется самостоятельной силой, управляющей своей жизнью.

Обычно сравнение оформляется соединительными словами *like, as, such as, as if* и др.: “Go! I am sending you **like lambs** among wolves” [Lk 10: 3]. Данное сравнение создает образ непорочности и незащитности. Ягненок, или агнцем, Иисус называет **христиан**, которым многое придется преодолеть во имя веры и любви к Христу.

Сравнение может быть также развернутым, то есть реализовать за пределами одного предложения (см., например, [Lk 14: 16–24;] [Lk 14: 33]).

Сравнение как стилистический прием является средством, придающим тексту выразительность и позволяющим на основании близости признаков нескольких объектов объединить их, что приводит к их новому восприятию адресатом. Отклонение от привычного обеспечит более внимательное отношение адресата к слушаемому и читаемому слову, что может повысить степень влияния Откровения Священного Текста на сознание воспринимающего лица.

Персонификация, или олицетворение, – наделение неодушевленных предметов человеческими свойствами – используется для усиления эффекта присутствия управляющих сил, которым подвластно все живое и неживое на земле.

Например, при крещении Иисуса с небес раздался Голос и голубь слетел на Спасителя: “And the Holy Spirit came down on Him in bodily form as a dove. And **a voice** from heaven **said**, “You are *My Son*, whom I love. *I am delighted with You*” [Lk 3: 22]. Наделение голоса человеческими качествами позволяет почувствовать присутствие Бога в тексте Евангелия и жизни людей, к которым Сын был послан.

Другим примером персонификации является предсказание Иисусом Дня, когда Он придет. Никто не будет ждать появления Судьи и будут все заниматься своими делами: “When the Son of Man comes, it will be as it was at the time of Noah: they were eating and drinking as well as marrying and being given in marriage until the day that Noah went into the ark, and **the flood came** and **destroyed** them all” [Lk 17: 27]; Гнев же Божий обрушится стремительно и всеокрушающе: “But on the day that Lot left Sodom, **fire and sulfur** rained from heaven and **destroyed** them all. That is how it will be on the Day when the Son of Man is revealed” [Lk 17: 29–30]. Здесь природные явления являются воплощением гнева Бога, Его наказания нечестивых. Они наделены человеческими качествами, чтобы подчеркнуть могущество Бога как через масштаб принесенных разрушений, так и через мысль о том, что для Него и для Посланного Им нет ничего невозможного. “There will be miraculous signs in the sun, the moon, and the stars, and on the earth nations will be in distress, not knowing which way to turn from **the roaring and tossing of the sea**” [Lk 21: 25]. Стихия есть проявление связи между небесной жизнью и земной, через послания Бог предупреждает людей или наказывает их.

Наделение объектов неживой природы жизнью подтверждает слова Евангелия о том, что «Бог может из камней воздвигнуть детей Аврааму» (Лк 3:8) и заставляет ощутить человеческую немощ и незначительность.

Подчеркивая значение веры, Спаситель говорит, что она может сообщать жизнь неодушевленным предметам, показывая этим, что самый зародыш ее способен сотворить то, что не под силу ни одному смертному.

Парафраз представляет собой переименование объектов или явлений с целью избежать повторения или возбудить в сознании адресата сущность обозначаемых явлений. Парафраз обычно строится по описательному принципу. Так, неверующий, грешник может быть на-

зван “the lost sheep” [Lk 15: 6], суббота – “the day of rest” [Lk 13: 16], рай – “the Kingdom of God” [Lk 13: 18], исцеление – “riddance of sins” [Lk 13: 12], умирать – “finish” [Lk 13: 32], мать Мария “the breasts which nursed You [Jesus]” [Lk 11: 27]. Но самым ярким примером парафраза в Евангелии, несомненно, является разнообразие наименований Иисуса Христа.

Имена, обозначающие Спасителя можно разделить на две группы: отражающие Его божественную и человеческую природу.

К первой группе можно отнести такие имена, как Jesus [Lk 1: 30; 2: 27; 4: 4; 7: 9], Lord [7: 6; 7: 13; 10: 54; 19: 34], the Son of the Father [Lk 10: 22], the Messiah [Lk 2: 26; 21: 41], the Son of the Most High (God) [Lk 1: 30; 8: 28], the King [1: 33], the Son of God [Lk 1: 35; 4: 9; 23: 70], the Christ [Lk 5: 41; 9: 20; 23: 35], Christ the Lord [Lk 2: 10], the Savior [Lk 2: 10], the Holy One of God [Lk 4: 34], Master [Lk 5: 5; 8: 24; 8: 45; 9: 49; 14: 22; 19–16], Teacher [Lk 7: 40], the One who is coming [Lk 7: 19–20], the King of the Jews [Lk 23: 3].

Ко второй группе относятся такие как the Son of Man [Lk 5: 24; 6: 5; 9: 22; 12: 8; 17: 26; 17: 22, 24, 26, 30; 19–10], Man [Lk 15: 2].

Интересно, что сам Иисус в Евангелии от Луки называет себя только the Son of Man и говорит о себе часто в третьем лице: “Jesus said, “**The Son of Man** has to suffer much” [Lk 9: 22], “I tell you, whoever will confess Me before other people, him **the Son of Man** will confess before the angels of God” [Lk 12: 8]. Возможно, это говорит о том, что Он пришел пострадать за людей и от самих же людей и о Его готовности исполнить Божью волю. Но хотя Спаситель называет себя Сыном Человеческим, Он никому не препятствует называть себя Господом [Ауни, 2000: 66]. Данный прием значительно возвышает стиль и значение священной идеи Евангелия, заставляя почувствовать, что Иисус с Его страданием принадлежит человечеству [Арх. Аверкий, 1999: 8].

В заключение можно сказать, что лингвостилистические средства, используемые св. Лукой в тексте Евангелия не обладают чисто эстетической ценностью, но подчиняются коммуникативно-прагматической задаче, которую ставит перед собой Лука как автор, – донести до адресата особенности речи Христа, сохранить его стиль. Возможно, прямые номинации могли бы вызвать сомнение у адресата в сказанном. Образный же язык апеллирует к сознанию слушающих, их воображению, порождает параллели, скрепляющие слова и две реальности – ту, которая окружает людей и ту, которая стоит за земными образами.

***

АРХИЕПИСКОП АВЕРКИЙ, 1999. Четвероевангелие. М.
АУНИ Д. Е., 2000. Новый Завет и его литературное окружение. СПб.
ГАЛЬПЕРИН И. Р., 1977. Стилистика английского языка. М.
ОУЭН У. С., 1977. Словарь библейских символов. СПб.

А. Н. Резанова

ПРАГМАТИКА ДИСФЕМИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время прагматика языковых явлений привлекает все большее внимание лингвистов. Особенно интересными для детального рассмотрения представляются явления, широко распространенные в повседневной речи, в частности, дисфемия.

Дисфемия прямо противопоставлена эвфемии, но в отличие от последней относится к одному из малоизученных аспектов языка.

Одну из причин подобного игнорирования дисфемизмов, по-видимому, надо искать в факте этической ненормативности явлений этого рода, так что запрет на их употребление в стандартном литературном языке косвенным образом отразился на исследованиях, вопреки, их широкой представленности в обыденной речевой практике. При этом не принимается во внимание один из наиболее существенных аспектов этой проблемы, а именно прагматика дисфемии – причины, побуждающие к употреблению дисфемизмов, их социально-исторические и психологические предпосылки.

Являясь оборотной стороной эвфемии, дисфемия, как и эвфемия, предполагает языковое табу, существует на фоне табу и вместе с эвфемией представляет два разновекторных, прагматически противоположных способа преодоления номинационных запретов.

Вообще, когда речь заходит о номинационных запретах, а именно запретов в речевой практике, на первое место выступает вопрос о функционировании языковых табу. Прежде всего, необходимо условиться, что, несмотря на тесную взаимосвязь двух понятий, нельзя подменять понятие дисфемизм понятием табу. Табу самостоятельно не является дисфемизмом, а выступает в качестве социокультурного, категориально этического запрета, тем не менее, табу может выступать основой для появления как эвфемии, так и дисфемии. Следует понимать, что дисфемизм – явление дискурсивно-контекстуальное: слово становится дисфемизмом только в определенных условиях дис-

курса, само по себе оно является лишь сниженной или табуированной лексикой. В целом, однако, нельзя недооценивать табу как основу для функционирования дисфемизма.

Возвращаясь к прагматике дисфемии, следует отметить, что любая речевая ситуация – это, прежде всего, вопрос выбора. А выбор так или иначе требует «стандартизированного ориентира» [Арутюнова, 1999: 85]. Все оценочные высказывания, а дисфемия скрывает в себе оценку именуемого, опираются на какой-то отправной пункт, стандарт, применимый не только к одному, данному случаю, но и к множеству других однородных с ним случаев.

Нельзя отрицать, что в сущности употребления дисфемистических выражений лежит намеренный вызов принятым стандартам речевого поведения и нарушение норм оценки и именованности денотатов. Согласно постулатам логики норм, «проблема выбора предполагает сравнение, ведь выбирается то, что лучше другого» [Арутюнова, 1999: 75]. Таким образом, следует признать, что использование дисфемизмов приводит к нарушению логики норм. А если учитывать тот факт, что логика (в том числе и речевая) призвана создавать гармонию и способствовать успешному для говорящих завершению коммуникативного акта, то дисфемия, напротив, разрушает такую гармонию.

«Язык оценок, – пишет Хэар, – удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решения, при инструкции о выборе или в целях изменения принципов выбора и модификации стандартов» [Арутюнова, 1999: 48]. Принимая это утверждение, можно определить дисфемию, как намеренную обструкцию речевым стандартам, принятым в обществе в виде негласного соглашения и основанных на моральных установках и нормах.

Безусловно, норма – явление обязательное для функционирования общества или общественных групп, но в то же время это явление изменчивое. На протяжении развития различных общественных формаций пересматриваются идеалы, ценности и идеологии, безусловно, существуют «вечные ценности», но их градуирование и отношение к ним как таковое меняется. Наше время можно в какой-то степени назвать эпохой вседозволенности, Декларация о правах человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948, прописывала «свободу слова», что дало волю СМИ и прочим информационным источникам. Тем не менее, стали появляться новые принципы и движения (феминистское движение, движение за права расовых меньшинств и пр.), регламентирующие словоупотребление.

Итак, трактовка термина дисфемизм, которая поможет осознать сущность явления, а также причины, побуждающие к его появлению,

будет следующей: Д и с ф е м и з м – намеренное использование табуированной языковой формы или слов сниженного стиля, несоответствующих данной речевой ситуации для решения поставленной коммуникативной задачи.

Причины, приводящие к таким действиям и речевым поступкам говорящего, раскрываются в прагматических функциях употребления дисфемии:

1. В повседневной речевой практике наблюдается тенденция отказа от эвфемистических замен, связанная с последовательным сужением поля искусственных запретов в современном обществе. Возможно, в этом же надо видеть одну из причин возросшего употребления дисфемии, как бы заполняющей освободившееся пространство в речевой практике. Вот пример, демонстрирующий это явление: в одном из выпусков издания «Changes» была опубликована критическая статьи с обзором недавно вышедших в прокат фильмов. “Calling it an erotic film festival made it possible for people ... to dig a good *fuck film*” [Changes, 1997]. Автор статьи, используя дисфемизм, привлекает внимание общественности к низкому качеству современной кинематографии.

Чаще всего говорящий хочет отобразить реалии жизни и, таким образом, выполняется «требование» *называть вещи своими именами*. Человек, утомленный номинационными запретами, жаждет свободы, которая выражается в словоупотреблении.

Примером, иллюстрирующим сказанное выше, может служить выдержка из журнала “Observer”: “Irene, a 19-year-old prostitute, was giving the glad eye to prospecting *punters* on the sidestreets of Chapelton, Leeds [Observer, 1978]”. Статья была посвящена возрастающему уровню проституции в Великобритании, и журналист здесь намеренно выходит за рамки нормы, чтобы показать проблему в реальном свете.

2. Также причину, приводящую к использованию дисфемии, следует искать в более раскованном психологическом состоянии современного человека, что побуждает личность идти наперекор жестким номинационным ограничениям и нормам. Немаловажную роль среди социопсихологических причин играет «*фрустрация*», фоновое психическое состояние агрессии. Теорию, применимую к рассматриваемому явлению, в рамках бихевиористской психологии выдвинул А. Бандура.

Суть теории состоит в следующем: «Фрустрация наиболее вероятно должна провоцировать агрессию в людях, которые научены отвечать на унижительное обхождение с ними агрессивными установками и действиями...» [Бандура, 1973: 58]. Таким образом, выплескивая агрессию, индивид может испытывать позитивные эмоции, вызванные

психологическим состоянием удовлетворения, самоутверждения выполнения своего предназначения в обществе и демонстрации своего превосходства.

Приведем пример, демонстрирующий это явление: “Guillaume Appollinaire talks of distillation, of reality cyphered through shimmery experience. Not a mention of being *a rat-arsed French git.*” [Gurdian, 1993]. В этом примере говорящий посредством дисфемизма «a rat-arsed French git» демонстрирует свое превосходство над описываемым персонажем и выражает презрение к нему.

3. Игровая функция. Дисфемия – явление социально, психологически и лингвистически настолько многоплановое, что его адекватный анализ возможен лишь на широком фоне духовной деятельности человека. В свою очередь духовная жизнь человека напрямую связана с психологическими параметрами. Хорошо известно, что процесс говорения включает в себя и процесс мышления. И здесь для исследователя представляется важным указать на возможные причины, приводящие к нарушению нормы. Что заставляет образованных, культурных людей прибегать к лексике сниженного стиля, чаще всего заведомо зная, что последствия могут быть не в их пользу?

Одной из причин, а также выполняющей роль самостоятельной функции, является игровая функция. Давно известно, что особый вид деятельности человека составляет игровая деятельность, именно в ней человек самостоятельно устанавливает правила, но, тем не менее, игра ведется в мире реальном, который уже живет по определенным нормам, сформулированным на протяжении развития цивилизации.

В действительности, если рассматривать процесс порождения речи на максимально глубинном уровне, то мы приходим к выводу, что в нарушении установленных обществом правил человек подвергается влиянию неких игровых, «чертовских» начал. Подобное господство чувственного над разумным описывал М.М. Бахтин в своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья», в которой он ввел термин «карнавализация» [Бахтин, 1990: 25]. Идея заключается в следующем: в средневековой Европе различные праздники карнавального типа занимали большое место: «праздники дураков» и праздник осла. Чаще всего это были ярмарки и народные увеселения с участием великанов, карликов, уродов, «ученых» зверей. В этом контексте М. М. Бахтин вводит понятие «двумирность». Человек живет две жизни: одна официальная, полная запретов и морали, а вторая та, в которой он может в полной мере ощутить свободу. Исследования сущности карнавальных игр средневековья помогают в анализе проявлений «карнавальности» в современном нам мире. Средневековому

карнавалу было свойственно переключение с высокого, идеального, духовного на низкий, телесный уровень. Снижение это означало приобщение к профанному, земному началу. Имеет место как бы некое праздничное помрачение, безумие, основной формой которого была пародия, а эстетикой – выход на авансцену безобразного и запрещенного.

Приведем пример, демонстрирующий сказанное выше: “Maybe you should have been talking with Henry Ford rather than with this professional *ass-licker*” [Observer, 1994]. Говорящий является агентом по продажам в компании Ford и рекламирует потенциальным клиентам новую модель автомобиля. Используя вульгаризм «*ass-licker*», он подшучивает над своим напарником, который чересчур расхваливает машину.

В заключение следует отметить, что предложенные прагматические функции не исключают друг друга, напротив, дополняют и усиливают эффект воздействия. Вообще, исследованный практический материал позволяет говорить о достаточно высокой частотности дисфемистических употреблений в речи, их регулярности и в целом – о высокой дискурсивно-речевой, социопсихолингвистической и прагматическо-лингвистической значимости этого явления в языке.

Наконец, проблема дисфемии представляется весьма продуктивной для дальнейшего исследования, прежде всего в плане сопоставительной лингвистики и на междисциплинарном уровне с точки зрения взаимодействия социолингвистического, психолингвистического и культурологического аспектов речевой деятельности.

***

АРНОЛЬД И. В., 1990. Стилистика современного английского языка. Л.
АРУТЮНОВА Н. Д., 1999. Типы языковых значений \ Оценка, событие, факт. М.

АХМАНОВА О. С., 1966. Словарь лингвистических терминов. М.

БАНДУРА А., 1973. Социальная психология. N.Y.

БАХТИН М. М., 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М.

КАЦЕВ А. М., 1991. Эвфемизмы и просторечия. Семантический аспект // Актуальные проблемы семасиологии. М.

КАЦЕВ А. М., 1988. Языковое табу и эвфемия. М.

КУДРЯВЦЕВ А. Ю., КУРОПАТКИН Г. Д., 1993. Англо-русский словарь-справочник табуированной лексики и эвфемизмов. М.

НИКИТИН М. В., 2000. Заметки об оценке и оценочных значениях – // Studia Linguistica 9. Когнитивно – прагматические и художественные Никитин функции языка. СПб

НИКИТИН М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. Языковая норма и статистика, 1977. \Сб. статей\ АН СССР, Институт языкознания. Л.

О. В. Романова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ ПОДКЛАССА АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИНУЖДЕНИЯ

Когнитивный подход, широко применяемый в современной лингвистике, ставит в центр исследования человека как мыслящую и познающую личность, чья ментальная деятельность находит своё отражение в языке. В основе языка, таким образом, лежит некий *ментальный субстрат* или система знаний о мире, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной (когнитивной) деятельности. Именно в сознании, как составляющей инфраструктуры мозга, сосредоточен весь ментальный опыт человека, отражающий накопленные человеком «впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов, или концептов единой концептуальной системы» [Кубрякова, 2004: 13–14]. Концепты являются содержательными единицами знания, базовыми единицами *мыслительного кода* человека, которыми он оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности. Избегая многообразия трактовок понятия *концепт*, ограничимся определениями, данными М. В. Никитиным и Н. А. Кобриной, которые, на наш взгляд, включают наиболее существенные характеристики концепта.

Согласно определению М. В. Никитина, концепт представляет собой «дискретную многофакторную ментальную единицу со стохастической (вероятностной) структурой». Его единство и отдельность обеспечиваются тождеством того денотата, с которым он соотносён в каких-то ментальных мирах [Никитин, 2004: 53]. Стохастичность концепта подчёркивает и Н. А. Кобрина, замечая, что это свойство делает механизм связи концепта с реальной вербализацией многообразным по типу и по неоднородности получаемого результата [Кобрина, 2005: 81]. Как известно, слово может фиксировать своим значением (или лексико-семантическим вариантом) только часть концептуальных признаков. Автор, имея определённую интенцию, выражает с помощью слов такой объём концептуального содержания или те признаки, которые релевантны для данной коммуникативной ситуации.

Поскольку при конкретизации широкого по объёму концепта в определённую языковую вербализацию значительную роль играет ряд характеристик личности (тип мышления, способность к обобщениям, наличие тех или иных энциклопедических знаний и пр.), можно предположить, что объёмность концепта индивидуальна. Границы концепта невозможно определить точно, они нечётки, расплывчаты, что обусловливает частичное наложение и перекрывание концептов, установление между ними многообразных концептуальных связей и взаимодействий.

Достаточно сложной, многоярусной структурой и объёмным содержанием характеризуется один из важнейших для *общественного человека* концептов – концепт *принуждение*, репрезентируемый в современном английском языке следующими глагольными единицами: *force, compel, constrain, make (smb. do smth), coerce, dragoon, drive; oblige, necessitate, bind; impel, induce, press (pressure, pressurize), urge, impose; bully, bulldoze, intimidate, extort; command, order, dictate, enjoin, decree, ordain, prescribe, enforce; demand, require; persuade, coax, cajole, prevail on (upon), exhort, wheedle, tempt* и др. Как видно из приведённого списка подкласс глаголов с общим значением принуждения чрезвычайно многочислен и, как выявил их анализ, неоднороден по своему составу. Подбор глаголов осложняется тем, что однозначно определить критерии отнесения соответствующих единиц к одному лексико-семантическому пространству довольно непросто, поскольку данные глаголы могут одновременно входить в разные семантические группы. В частности, единицы *to command, order, tell (smb to do smth), dictate* и др. исследуются также в рамках подклассов глаголов управления и глаголов речи. Данные лексем содержат в своём значении общий дифференцирующий признак *командовать/распоряжаться*, который выражает способ управления деятельностью людей и может одновременно рассматриваться как способ принудительного воздействия на человека. На ментальном уровне этот факт схождения / расхождения значений объясняется взаимопроникновением и взаимодействием компонентов соответствующих фреймов, гибкостью и нечёткостью их границ.

Отнесение некоторых из перечисленных лексем к подклассу глаголов с общим значением принуждения, возможно, покажется спорным ещё и в силу неопределённости самого понятия «принуждение». Принуждение как некое общественное или философское понятие абстрактно и субъективно по своей сути. Оно представляет собой сложное и многоаспектное явление общественной жизни человека, характеризующееся различными формами проявления. В философ-

ском или философско-правовом аспекте принуждение понимают как «вторжение в сферу воли другого человека с использованием силы» [Пучнин, 1999]; в педагогических науках принуждение считают «структурным принципом педагогики» [Феоктистов, 2004] или, в более широком смысле, формой властного воздействия на человека помимо его желания, в результате чего происходит изменение его взглядов, убеждений и мотивационных установок, определяющих его поведение [Кравцов, 2006: 16].

Собственно лингвистическое толкование принуждения (приводимое в словарных дефинициях глаголов) также широко и расплывчато, обтекаемо, зачастую не содержит указания на конкретное действие субъекта принуждения. В связи с этим мы понимаем принуждение достаточно широко, рассматривая его как некую силу или воздействие, заставляющие человека делать что-либо (такая трактовка принуждения соответствует его пониманию и носителями английского языка: *compulsion* – *force or influence that makes a person do something* [LDELС : 258]).

Анализ словарных дефиниций, а также текстовых примеров, иллюстрирующих частотность употребления исследуемых единиц, позволяет заключить, что ядерным/прототипическим глаголом данного подкласса является глагол *to force* (см., например, LDCE, LDELС, где приводятся дефиниции данного глагола). Он имеет большие синтагматические и функциональные возможности и обладает наиболее широким спектром значений, эксплицирующих/ имплицитных ту или иную форму проявления принуждения – внешнюю (физическую) или внутреннюю (психическую). На основе анализа словарей английского языка нами выявлены некоторые аспекты значения глагола *to force*, которые можно свести к наличию следующих семантических признаков: 1) кто-либо (X) не хочет делать что-либо; 2) кто-либо (Y) принуждает X-а делать/не делать что-либо; 3) Y принуждает X-а с помощью физической силы; 4) Y принуждает X-а, прибегая к моральному/психологическому давлению; а) Y угрожает X-у, запугивает его; б) Y настойчиво убеждает X-а в чём-либо; в) Y навязывает X-у что-либо; 5) X принуждает сам себя делать/не делать что-либо; 6) что-либо (Z) вынуждает X-а к чему-либо.

В качестве объекта принуждения всегда выступает лицо/ группа лиц, а субъект принуждения может быть представлен:

а) единственным или коллективным (одушевлённым) субъектом:

1) *She claimed that she had initially refused to take part in the robbery, but was forced into it by her husband* [LLA : 516];

2) *Government troops have forced the rebels to surrender* [LDCE: 551];

б) неодушевлённым субъектом:

3) *...the fact that her parents might be watching from the living-room ... forced him to kiss her almost formally...*[S. King. *Christine* – <http://artefact.lib.ru/>]; (в этом случае актуализируется не принудительное воздействие как таковое, – т. к. принуждение может осуществлять только мыслящее существо – человек, – а *вынужденность* субъекта к совершению действия под влиянием обстоятельств, событий, явлений, связанных с реалиями жизни человека, или моральный долг, моральное качество субъекта);

в) в качестве *принуждающего фактора* может выступать также общество, государство, общественные объединения и т. д. (за которыми всегда стоит мыслящий и изъявляющий свою волю субъект):

4) *Women's organizations are trying to force the government to appoint more women to senior positions* [LLA : 516];

г) субъект и объект принуждения могут совпадать в одном лице (речь идёт о самопринуждении):

5) *I puked before I went to bed, but I didn't really have to—I forced myself*

[J. D. Salinger. *The catcher in the rye* – <http://andrey.tsx.org/>].

Некоторые примеры свидетельствуют о возможности метонимического осмысления объекта воздействия, когда в позиции прямого дополнения стоит существительное, обозначающее элемент, *находящийся в сфере самого человека* (eyes, voice, hands and etc.):

6) *She ... stared up at the ceiling and forced her eyes to focus* [J. N. Malcolm. *Kill the story* : 132] – смысловое содержание данного предложения позволяет интерпретировать его как *She forced herself to do something*.

В контексте компонент *применение силы*, конституирующий семантическую структуру глагола *to force*, может конкретизироваться под влиянием семантики глагола конкретного физического воздействия. В этом случае происходит экспликация (в той или иной степени) признака *применение физической силы* (что иногда не исключает использования психологического давления, запугивания, угроз и пр. – пример 8):

7) *... Mick grabbed her arm and forced her to look at one of the purses* [J. N. Malcolm. *Kill the story* : 81];

8) *The thieves tied me up and forced me to lie on the floor* [LLA : 516].

В определённых контекстах (содержащих, к примеру, названия оружия, средств физического наказания и пр.) частный семантический признак глагола *to force* *применение физической силы* может иметь вид *угроза применения физической силы*:

9) *Hold a gun on a man and force him to listen to your speech* [R.Bradbury. *Fahrenheit 451* – <http://andrey.tsx.org/>].

Большая концентрация прототипических признаков отмечается в семантемах таких глаголов, как *compel, constrain, coerce, dragoon, drive, oblige*, однако единицы *to constrain, coerce, dragoon* в значении принуждения не являются частотными по своему употреблению. Частотным, регулярным в плане выражения значения принуждения является околядерный глагол *to make*, называемый лингвистами *аналитическим каузативом* [Сильницкий, 1974], *функционально-грамматическим каузативом* [Болдырев, 1995], *служебным каузативным глаголом*. Приведённые определения обусловлены регулярностью использования данного глагола в каузативной функции в результате его перекатегоризации и утраты конкретной лексической семантики в определённых контекстах [Болдырев, 1995: 90]. Выражая более узкое, чем каузативное, значение принуждения глагол *to make* сочетается только с существительным (или личным местоимением), обозначающим лицо, в позиции левого актанта.

Помимо глагола *to make* функциональной перекатегоризации, в результате которой в семантике глагольной единицы появляется сема принудительности, могут подвергаться глаголы *to bring, to drive, to work* и др.:

10) *They could not understand, they said, how even animals could bring themselves to sing such contemptible rubbish* [G.Orwell. *Animal farm* – <http://frank.deutschesprache.ru/>]; (животные здесь являются «антропонимизированными» персонажами, думающими, действующими и живущими как люди);

11) *She was ...working them very hard at low wages* (пример заимствован из: [Наумова, 1967]).

Глаголы, которые характеризуются малой частотностью в плане выражения рассматриваемого значения (*constrain, coerce, dragoon, bludgeon, foist, necessitate* и др.), разреженностью, ослабленностью прототипических признаков и доминантной ролью дифференцирующих признаков при выражении значения (к примеру, глаголы *to bully, bulldoze, intimidate* имеют общий дифференцирующий признак *способ принуждения – угрозы, запугивание*; единицы *to urge, to exhort* имплицитруют *настоятельность* как *способ принуждения* и т. д.) мы относим к ближней и дальней периферии исследуемого подкласса.

Различная структура признаков широкого прототипического глагола *to force*, их максимальная концентрация или, наоборот, ослабление являются основой для образования синонимов, которые описывают ситуацию принуждения лишь частично. Фокусировка внимания

на отдельных участках фрейма (субфреймах) обуславливает выбор той или иной глагольной лексемы на языковом уровне.

Фреймовый подход представляется наиболее перспективным в плане анализа глагольной семантики. Семантика глагола имеет определённую специфику, обусловленную особенностью глагольной номинации: глагол передаёт не только знание о конкретном событии, но и имплицитно его структуру, типы и характеры его участников. Фрейм является той конструкцией знания, которая мотивирует, структурирует, систематизирует и определяет круг соответствующей группы глаголов. Фреймовый анализ позволяет выявить одновременно семантические и синтагматические характеристики глаголов, показать открытость структур субфреймов, их способность пересекаться и взаимодействовать между собой.

***

- БОЛДЫРЕВ Н. Н., 1995. Функциональная категоризация английского глагола. СПб. – Тамбов.
- КОБРИНА Н. А., 2005. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов.
- КРАВЦОВ О. И., 2006. Повышение результативности применения метода принуждения в воспитании дисциплинированности у военнослужащих внутренних войск МВД России. Дисс. канд. пед. наук. СПб.
- КУБЛЯКОВА Е. С., 2004. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, №1.
- НАУМОВА И. А., 1967. Глаголы с каузативным значением в современном английском языке и исторические предпосылки их образования. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М.
- НИКИТИН М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.
- НИКИТИН М. В., 2004. Развёрнутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики, №1.
- ПУЧНИН А. С., 1999. Принуждение и право. Дисс. канд. юр. наук. Тамбов.
- СИЛЬНИЦКИЙ Г. Г., 1974. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореферат дисс. доктора филологических наук. Л.
- ФЕОКТИСТОВ Г. Г., 2004. Принуждение как структурный принцип педагогики // Образование и насилие. СПб.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- LLA – Longman language activator. Longman Dictionaries, 1991.
LDCE – Longman dictionary of contemporary English. Longman Dictionaries, 2001.
LDELС – Longman dictionary of the English language and culture. Longman Dictionaries, 1993.
<http://andrey.tsx.org> – Библиотека «Артефакт».
<http://frank.deutschesprache.ru> – Библиотека И.Франка.
J. N. Malcolm. Kill the story. Bantam Books, 1991.

Н. В. Славянская

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ ЭССЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Характерной особенностью развития гуманитарного знания в последнее время является интенсивная разработка проблем новой науки о речевом воздействии, объединяющей усилия представителей психолингвистики, теории коммуникации, прагматической лингвистики, психологии речи, социолингвистики, логики, риторики, и т. д.

Изучение проблем речевого воздействия (РВ) имеет длительную историю и восходит к античной риторике. На начальном этапе своего развития, еще в трактатах Платона и Аристотеля, риторика понималась как наука об убеждении, о формах и методах речевого воздействия на аудиторию. Постепенно из искусства убеждающей речи она превратилась в искусство красноречия, во времена христианства «растворилась» в умении произносить проповеди, а позднее стала восприниматься как изживший себя канон.

В двадцатом в веке, однако, происходит возрождение риторики, связанное с появлением и развитием средств связи, особенно, средств массовой информации. Забытые риторические идеи трансформируются в неориторику бельгийского логика Х. Перельмана, который видит в ней теорию аргументации. Большое значение для развития теории аргументации имеют исследования голландских ученых Ф. Х. Еемерена и Р. Гроотендорста.

В контексте современной научной парадигмы язык понимается не просто как система знаков, а как когнитивное пространство, оптимальный способ выражения умственной работы человека, вызванной его “потребностью действовать сообразно со сформированными кри-

териями нравственности, знаниями о мире и условиями конкретной реальной ситуации” (Кубрякова). Трактовка языка как “орудия осуществления целенаправленной деятельности” (Арутюнова), как “средства и результата деятельности” [Щирова, Тураева, 2005: 8] и переход исследовательских интересов в сферу «коммуникативных начал» определяет интерес лингвистики к вопросам речевого воздействия и риторики. Риторика описывается как процесс коммуникации, включающий в себя последовательность действий, с помощью которых партнеры аргументировано стремятся оказать влияние друг на друга с целью достижения адекватного взаимопонимания [Морозова, 1986: 95]. В речевом воздействии обнаруживают речевое действие, содержанием которого называют социальное воздействие говорящего / пишущего в процессе общения.

Многие зарубежные и отечественные исследователи признают РВ основным фактором общения. Так, Н. А. Безменова утверждает, что «влияние на систему убеждений является имманентным свойством речевой коммуникации» [Безменова, 1990: 152]. «Коммуникация, – пишет И. А. Щирова, – означает вторжение в когнитивную систему адресата с целью изменения его знаний и мнений, трансформации образа мира, который сложился в его сознании, ... с целью влияния на его картину мира» [Щирова, 2004: 86]. Эти мнения развивают известные идеи Р. М. Блакара, согласно которому “обычное повседневное использование языка ... предполагает осуществление власти, т.е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком” [Blakar, 1979: 133–134].

Язык, т. о., проявляет себя как “инструмент социальной власти” (means of social power), осуществляет воздействующую функцию. Основной формой реализации этой функции признают текст. Являясь максимальной единицей речевой деятельности и обязательным компонентом литературной коммуникации, текст, порождаемый и воспринимаемый личностью, играет роль посредника в социальном взаимодействии людей и понимается как “аргумент, с помощью которого меняется картина мира в сознании реципиента” [Щирова, Тураева, 2005: 135]. Именно на уровне текста возможно комплексное изучение функционирования языковых средств осуществления воздействия.

Исследованию различных аспектов РВ посвящены работы ученых в области прагматической лингвистики и теории речевого общения. Анализируются способы реализации функции воздействия в различных типах текстов, например, в научных текстах, текстах рекламы, ток шоу, текстах информационного и ораторского стилей, текстах политической пропаганды.

Гораздо менее подробно РВ исследовано в других типах текстов, в том числе и в текстах эссе, чей воздействующий потенциал выявляется не столь прямолинейно и открыто, как это происходит, например, в текстах рекламы или публичного выступления. Несмотря на сложность определения эссе как жанра или, в собственно лингвистической терминологии, типа текста, ученые ссылаются на совокупность динстинктивных признаков, которая позволяет отличить эссе от других типов текста и приближает к пониманию его сложной природы. Суммируем результаты описаний наиболее значимых из этих признаков, чтобы на их основе сделать некоторые выводы о специфике реализации функции воздействия в тексте эссе.

К ведущим характеристикам эссе относят его эгоцентричность и закономерно обусловленную ею субъективность, которые проявляются в открыто заявленной индивидуальной позиции автора. Эссеист не просто фиксирует происходящее, его внимание направлено не только на описываемые события, но и на самого себя – свои эмоции, впечатления, ощущения, размышления, вызванные этим событием. Специфика «образа автора в эссе такова, что «я» пишущего «обнажено» [Вальц, 1990: 13]. С учетом сказанного, повествование от первого лица представляется одной из важнейших характеристик эссе, имеющей, однако, «двоичную» природу, так как «большинство эссе не просто написаны в первом лице единственном числе, но и «о первом лице, единственном числе» [Филимонова, 2001: 200].

Эссе фактографично и документально. Люди, события, факты, упоминаемые в нем, часто взяты из настоящей жизни. «Невымысленность лиц и фактов позволяет найти отклик в душе самого недоверчивого читателя», – считает Г. И. Вальц [Вальц, 1990: 13]. В отличие от текста художественной литературы, эссе не создает «вторую реальность» искусства, ведя «напрямую разговор о жизни» [Зыкова, 1980: 16].

Эссе отличает синкретизм: в нём находит отражение сочетание научного и художественного способов познания. Как особый вид текста, эссе синтезирует в себе главные черты основных функциональных стилей: художественного и научного.

С позиций функциональной стилистики эссе причисляют к публицистическому стилю, основной функцией которого называют «воздействие на читателя или слушателя с целью убедить его в правильности выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное не столько полученной аргументацией, сколько силой эмоциональной напряженности высказывания показом тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для

достижения поставленной цели» [Гальперин, 1958: 430]. Прагматической установкой авторов эссе, т. о., также следует признать воздействие с целью убеждения, формирование картины мира читателя, и, в большей или меньшей степени (в зависимости от типа эссе – ср., например, философское эссе и литературно-критическое эссе) – общественного мнения, научного мировоззрения или глубокого мирозерцания.

Итак, в контексте современной науки, когда язык понимается как когнитивное пространство, как деятельность человека, направленная на постижение окружающего мира и как инструмент власти, объектом изучения лингвистики закономерно становится функционирование языковых единиц в прагматическом контексте речевого общения. Это определяет интерес исследователей к риторике и речевому воздействию как фактору речевого общения. Интерес к изучению функции воздействия в тексте эссе определяется несколькими факторами.

Во-первых, эгоцентризм и субъективность эссе, а также тот факт, что в центре современной научной парадигмы находится «человек говорящий», то есть субъект общения и воздействия, позволяют утверждать, что изучение реализации воздействия в тексте эссе значимо с точки зрения антропоцентрически и коммуникативно направленной лингвистики. Существует очевидная связь между «человеком говорящим» – центром лингвистических исследований, и той «концепцией человека» (Эпштейн), которая заложена в эссе и, во многом, выражается в его субъективности, связь между интересом современного исследователя к использованию языковых средств в качестве орудия социального воздействия и обеспечения эффективной регуляции деятельности людей и эгоцентризмом эссе, его непосредственной направленностью на проблемы человека.

Во-вторых, сложная природа эссе как синкретичного типа текста открывает широкие возможности для использования автором и, соответственно, описания исследователем широкого спектра разнообразных языковых средств, реализующих функцию воздействия.

В-третьих, имея дело с фактом, а не с вымыслом, эссе предоставляет возможность увидеть, как актуализируется воздействие в реальной жизни.

Результаты исследования реализации функции воздействия в тексте эссе могут помочь приблизиться к пониманию сущности процессов общения как управления восприятием и процессом познания мира, как контроля над структурами сознания адресата.

***

- БЕЗМЕНОВА Е. И., 1990. Проблемы эффективности речи в перспективе неориторики // Оптимизация речевого воздействия. М.
- ВАЛЬЦ Г. И., 1984. Структурно-композиционные особенности текста литературно-критического эссе. Дисс. канд. филол. наук 10.02.04. М.
- ГАЛЬПЕРИН И. Р., 1958. Очерки по стилистике английского языка. М.
- ЗЫКОВА Е. П., 1980. "Опыты" Монтеня и проблемы зарождения жанра эссе // Филол. науки №4. М.
- МОРОЗОВА О. Н., 1986. Информативность публичной речи и фактор адресата // Системная организация английской филологии / Сб. научн. тр. Моск. гос. ин-та им. М. Тореза, вып. 263. М.
- ФИЛИМОНОВА О. Е., 2001. Язык эмоций в английском тексте. СПб.
- ЩИРОВА И. А., 2004. О «правах» автора, читателя и текста // Вопросы когнитивной лингвистики № 2/3.
- ЩИРОВА И. А., ТУРАЕВА З.Я., 2005. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб.
- BLAKAR R. M., 1979. Language as a means of social power. // Pragmalinguistics, J. Mey (ed.). The Hague – Paris, Mouton.

Е. А. Смолоногина

**ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СТАНДАРТИЗАЦИИ СЛОВАРНОЙ
СТАТЬИ ОДНОЯЗЫЧНОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ)**

Формирование определенного типа текста обусловлено исторически. В процессе создания текстов происходит накопление опыта и выявляются средства, при помощи которых функция текстового целого реализуется максимально эффективно. Таким образом, появляется некоторый стандарт (в нашем случае, специальные правила лексикографического описания слов), которого придерживаются не все авторы текстов данного типа, но который, при его использовании, призван канонизировать читательское восприятие и обучить последнего легко находить нужную информацию.

Стандартизованная словарная статья любого немецкоязычного толкового словаря формулируется по тем же правилам, что и остальные статьи этого словаря, и строится с использованием специальных средств компрессии текста, определенного набора данных о заго-

ловочном слове в их строгой последовательности, заданного набора структурных элементов-указателей. [Wolski, 1989: 959]

Особый аспект стандартизации словарной статьи одноязычного толкового словаря, который будет рассмотрен нами, тесно связан с таким понятием, как интертекстуальность. В лингвистике существует два ее вида: референциальная и текстотипологическая. [Филиппов, 2003: 129 и далее] Понятие «стандартного текста» напрямую взаимодействует со вторым видом, ведь тексты одного типа должны образовывать некую собственную открытую систему и иметь общие параметры, характеристики, определенную модель построения. Развитие толковой немецкой лексикографии, как впрочем, и лексикографии любого другого языка, выявляет большое значение *референциальной интертекстуальности* для формирования стандартной словарной статьи. Создатели лексикографических изданий часто используют данные других словарей во время написания словарных статей. Таким образом, процесс создания последних можно считать процессом перманентного переформулирования информации от издания к изданию, от автора к автору. [Wolski, 1989: 960]. Исходные тексты словарных статей обозначаются в немецкой лексикографии термином *Leittext*. [Wolski, 1989: 960]. Речь в данном случае идет об использовании фрагментов данных о лемме в практически неизменном виде авторами последующих изданий. Очень часто это касается дефиниции значения лексических единиц, поскольку оно на самом деле довольно трудно поддается описанию и единственно возможный и максимально точный вариант практически исключен. Референциальная интертекстуальность становится специфическим и очень мощным средством воздействия на процесс формирования типа текста «словарная статья одноязычного толкового словаря» в стандартном ее варианте, закрепляет в лексикографической традиции определенные виды дефиниций и правила их создания, а также создания самой словарной статьи в целом. Вопрос авторских прав является в данной ситуации вторичным. В том числе и потому, что научный дискурс не предполагает специального выдвижения на первый план категории автора, заменяя ее категорией предмета изучения в целях создания впечатления объективности и максимальной фокусировки на главном.

Рассмотрим вышесказанное на конкретном примере из немецкой лексикографии: взаимодействие словарей Й. К. Аделунга и Й. Г. Кампе. В хронологическом отношении второй появляется после первого. Во вступительной статье Кампе рассказывает, какими принципами он и его коллега Теодор Бернд, собственно создатель текстов словарных статей, руководствовались в процессе работы. Интересен

уже тот факт, что первоначально Кампе не собирался создавать собственный словарь, он планировал расширить издание Аделунга и комментировать его: «vollständig, richtig, angemessen dem heutigen Tag» – так определял он задачу своей книги. Еще одной важной проблемой было выйти за рамки Hochdeutsche Mundart Аделунга и перейти к «allgemeine deutsche Sprache». Но даже факт написания отдельного лексикографического издания не меняет главного – ядром словаря Кампе стало многотомное издание Аделунга, при заметном влиянии других опубликованных трудов того времени. Об этом факте пишет немецкий лексикограф Хельмут Хенне во вступительной статье к переизданию словаря (1969). Кампе использовал труды предшественников, чтобы проследить семантическое развитие слова. Этот подход следует считать безусловно верным, ведь значения слов фиксируются только в словарях и их анализ ведет к новому и, возможно, более точному осмыслению. Кроме того, Кампе полностью перенимает у Аделунга как саму форму, так и конкретные примеры грамматического комментария, заменяя при этом терминологию на соответствующую немецкую и несколько иначе классифицируя глаголы. Кампе стремится использовать в своем труде цитаты из современных ему литературных произведений, не забывая при этом про классиков. Примеры из ставшей тогда классической литературы полностью взяты им из словаря Аделунга, включая их оформление, хотя, как указывает Хенне, здесь была бы необходима более точная их локализация (Аделунг, как правило, указывает только автора цитаты, Кампе сохраняет это в своем труде).

Рассмотрим отображение одной и той же лексической единицы в этих словарях на конкретном примере.

Й. К. Аделунг

Й. Г. Кампе

<p>Der Ahorn, des –es, plur. die – e, oder der Ahornbaum, des –es, plur. die – bäume, ein Baum, der zu den harten Laubhölzern gehöret, Acer, L. Er hat ein hartes und weißes Holz, und ist aus Asien über Griechenland und Italien nach Deutschland gekommen, wo er jetzt in den Wäldern, doch nur noch einzeln wächst. Wegen seines angenehmen Schattens und geraden Stammes ist er in den Spaziergängen sehr beliebt.</p>	<p>Der Ahorn, des –es, Mz. die –e, oder, der Ahornbaum, des –es, Mz. die –bäume, ein ursprünglich ausländischer Baum, der zu den Laubhölzern gehört, hellgrüne, lappige, den Weinblättern einiger Maßen ähnliche Blätter, und ein hartes, weißes Holz hat, aus welchem man allerlei Sachen verfertigt (Acer L.). Man kennt davon in Deutschland fünf Arten, wovon der gemeine weiße Ahorn,</p>
---	--

<p>Im stillen Schatten des Ahorns Ruht, ungerühmt von panegyrischem Marmor, des Weisen Aschenkrug, Zach.</p> <p>Anm. 1. Der deutsche Name dieses Baumes ist vermittelt einer nicht ungewöhnlichen Verwechslung des c mit dem h aus dem Latein. Acer, gebildet. Luthers Plur. Ahörnen ist ganz ungewöhnlich <...></p> <p>Anm. 2. Man kennet in den deutschen Wäldern fünf Arten dieses Baumes.</p> <p>1) Den gemeinen weißen Ahorn, der grüngelbliche Blumen, weißliche Rinde und das weißeste Holz hat, und dessen Blätter auf der untern Seite weißgrau und mit einer zarten Wolle bedeckt sind. Er wird in den gemeinen Mundarten auch Anchore, Amhorn, die Ohre, in Thüringen und Franken, die Ehre und Arle, in Schlesien die Urle, in Sachsen wegen des vornehmsten Gebrauches, der davon gemacht wird, Spindel- oder Spillenholz <...> genannt, 2) Der gemeine Ahorn mit scheckigen Blättern,</p> <p>3) Die Lehne (S. dieses Wort), welche in Norden und Niedersachsen häufig wächst, eine weiße glatte Rinde, und ein hartes zähes Holz hat, welches aber nicht so weiß und fein ist, als an dem vorigen. 4) Die Lehne mit scheckigen Blättern, welche eine bloße Abänderung der vorigen ist. 5) Der kleine deutsche Ahorn, welcher kleine, unten hellgrüne, oben aber dunkle Blätter und eine gelbbraune Rinde hat, und unter dem Namen des Masholders, oder der Maserle am bekanntesten ist; S. Masholder.</p>	<p>auch Ohre, Eher, Arle, Spindel- oder Spillenholz genannt, die Lehne und der Masholder die bekanntesten sind.</p> <p>S. Zuckerahorn.</p>
---	--

В данном примере хорошо видно установление традиции оформления грамматического комментария, когда более поздний автор полностью перенимает его у своего предшественника, изменяя при этом лишь терминологию описания (латинское *plur.* заменяется немецким *Mehrzahl, Mz.* в сокращении). Этот факт прослеживается во всем словаре. При построении дефиниции Кампе идет по пути сокращения объема, сохраняя при этом основные компоненты значения в своем семантическом анализе: то, что Аделунг растягивает по всей статье, Кампе включает в единую дефиницию для всех видов кленовых деревьев (такие параметры, как мягкость древесины, цвет листьев, иностранное происхождение). Статья завершается указанием различных видов кленов, даются их региональные названия. В точности то же самое, что делает Аделунг в менее жесткой и дисциплинированной форме, описывая каждый вид кленов отдельно и включая в это описание региональное название и небольшую дефиницию для данного вида.

Мы очень часто имеем практически сходные варианты словарных статей в этих двух словарях. Более поздний автор, опираясь на работу своего предшественника, получает возможность усовершенствовать свой словарь, дать в оптимальном объеме наиболее полное толкование значения слова. Это безусловный положительный момент референциальной интертекстуальности как для лексикографии, так и для читателей словарей. Лексикографы вырабатывают некий стандарт написания статей, а читатели – некий стандарт их восприятия, особенно если многие словари используют одни и те же методы описания значения лексических единиц.

***

ГОНЧАРОВА Е. А., ШИШКИНА И. П., 2005. Интерпретация текста. Немецкий язык.

ФИЛИППОВ К. А., 2003. Лингвистика текста. Курс лекций.

CAMPE J. H., 1969. Wörterbuch der Deutschen Sprache.

Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen, von Johann Christoph Adelung, 1811.

WOLSKI W. Formen der Textverdichtung im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch. In: Wörterbücher. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie, 1989. Hrsg. Von F. J. Hausmann, O. Reichmann, H. E. Wiegand, L. Zgusta. 1. Teilband.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК СИГНАЛЫ АДРЕСОВАННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Широко используемое в современной лингвистике понятие «интертекстуальность» основывается на идее М. М. Бахтина о диалогическом характере художественного текста и традиционно трактуется как межтекстовые связи, в результате которых формируются новые смыслы текста. Интертекстуальность – включение в текст «чужого слова», т. е. текстов с иным субъектом речи – является способом генезиса авторского «Я» и в этом качестве объективирует в тексте-реципиенте ту часть авторской картины мира, которую представляют переосмысленные концепты прецедентных текстов.

По определению Ю. Н. Караулова, прецедентные тексты (ПТ) – это «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер» [Караулов, 1987: 216] и организующиеся в сознании человека в когнитивную структуру – иерархическую совокупность концептов. Концепты ПТ – это «ментальные образования, представляющие собой структурированную совокупность минимизированных и личностно детерминированных представлений о ПТ, включая связанные с ним коннотации» [Слышкин, Ефремова, 2004: 41]. Концепты ПТ входят в состав репрезентируемых в художественном тексте авторских концептов. Механизм вербализации концептов ПТ в виде интертекстуальных включений (ИТВ) в тексте-реципиенте представляет собой суть явления интертекстуальности.

В теории интертекстуальности, как и в теории текста в целом, прослеживаются три основных подхода: 1) семиотический (или текстоцентрический); 2) когнитивно-коммуникативный; 3) лингвистический (или лингвоцентрический).

Семиотический подход, расширяя понимание диалогичности М. М. Бахтина, трактует интертекстуальность в широком семиотическом смысле, при этом в самом тексте обнаруживают сообщение (не обязательно вербальное), обладающее способностью сохранять память о предшествующих контекстах. Интертекстуальность соотносится с понятием культурной традиции – семиотической памяти культуры [Лотман, 1996: 4].

С когнитивно-коммуникативных позиций интертекстуальность понимается как вербализация ментальных структур и связывается с

понятием картины мира. Необходимым посредником в «диалоге людей, времен и культур, в их духовном взаимодействии, обогащении и противодействии, включая диалоги с самим собой», – справедливо замечает М. В. Никитин, – является мысль, усвоенная из текста» [Никитин, 2005: 116]. Взаимодействие текстов, минуя сознание человека, его картину мира, представляется невозможным. Новые интертекстуальные смыслы, т. о., всегда генерируются на фоне тех текстовых знаний, которые хранятся в памяти автора нового текста. Интертекстуальность «позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объективированную до существования данного текста как целого» [Фатеева, 2000: 37].

Лингвистический подход к интертекстуальности трактует её как включение в текст целых текстов с иным субъектом речи или их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий или реминисценций [Арнольд, 1999: 34]. Лингвистическая («узкая») модель интертекстуальности, фокусируя внимание исследователя на типах ИТВ и способах их маркирования, обеспечивает возможность строгого научного анализа, основанного на непосредственной данности текста.

ИТВ маркируют авторскую интенцию, выступают в качестве сигналов адресованности и включаются в общую интерпретационную программу текста. Под адресованностью традиционно понимается «свойство текста как вербального объекта, посредством которого предмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» [Воробьева, 1993: 2]. Выбор автором конкретных интерпретационных стратегий и языковых средств их реализации определяется целенаправленностью авторского вымысла. Присутствие маркеров адресованности обусловлено коммуникативной природой текста, а их актуализация в воспринимающем сознании является необходимым условием реализации интерпретационной программы текста [Щирова, Тураева, 2005: 52]. В качестве маркеров адресованности в тексте-реципиенте выступают и ИТВ. Являясь «точками контакта автора и читателя», они представляют собой взаимодействие рецептивных трудностей и текстовых подсказок.

Предлагаемая ниже классификация ИТВ принимает во внимание различные критерии (характер и локализацию ссылки на ПТ, наличие комментария и графической выделенности) и позволяет различать среди ИТВ маркеры-ссылки и графические маркеры с учётом возможности их дальнейшей детализации:

1. Маркеры-ссылки: 1) по характеру ссылки: а) эксплицитные; б) имплицитные; 2) по локализации: а) контактные (в препозиции; в

постпозиции); б) дистантные; 3) по наличию/отсутствию комментария: а) с эксплицитным комментарием; б) с имплицитным комментарием; в) без комментария;

II. Графические маркеры: 1) кавычки; 2) курсив; 3) капитализация; 4) архитектуральный маркер.

Маркеры ИТВ обеспечивают их узнаваемость читателем и, таким образом, способствуют идентификации концептов ПТ. Используя ИТВ в качестве маркеров адресованности, автор художественного текста, исходит из присутствия соответствующих концептов ПТ в картине мира читателя.

Проиллюстрируем вышеизложенное двумя примерами из романа Дж. Фаулза «Маг» (J. Fowles “The Magus”).

Первое ИТВ – цитата из Шекспировской «Бури» (W. Shakespeare “The Tempest”) маркировано эксплицитной ссылкой в препозиции (*Shakespeare*) и графически – кавычками и архитектуральным маркером. Кавычки традиционно используются при цитировании. Архитектуральный маркер представляет собой графическое выделение ИТВ – цитат из текстов других жанров (поэзии, драмы) и позволяет автору при цитировании сохранить графику (например, поэтические строки) текста-источника, которая не «вписывается» в графическое оформление романного изложения текста-реципиента. Кроме того, маркируемое таким образом ИТВ обычно отделяется пробелами:

But in a very low voice she began to recite Shakespeare.

“Be not afeard; the isle is full of noises,

Sounds, and sweet airs, that give delight, and hurt not” (J.Fowles. “The Magus”: 208).

Все перечисленные маркеры способствуют узнаванию цитаты и идентификации концепта ПТ: его понятийный слой репрезентируется ЛЕ *isle*, а ассоциативно-оценочный слой – словами и словосочетаниями *full of noises, sounds, sweet airs, delight, hurt not*. В ПТ (шекспировской «Буре»), как и в тексте-реципиенте (романе Фаулза «Маг») актуализируется не только первичное, но и вторичное значение ЛЕ [Island”: 1) “piece of land surrounded by water” [Hornby, 1984: 330]; 2) “something like an island because it is detached, separate or isolated” [там же: 330]. В обоих произведениях действие разворачивается на острове, и герои испытывают ощущение оторванности от мира, изоляции. Однако, если для шекспировского Просперо уединение – ссылка, наказание, то для Николааса Урфе, героя «Мага» Фаулза, – это свобода.

Второе из анализируемых ИТВ – реминисценция – маркировано эксплицитной ссылкой в препозиции (*Donne*) и эксплицитным комментарием (*was right*):

Donne was right, her death detracted, would for ever detract, from my own life. Each death laid a dreadful charge of complicity on the living; each death was incongenerous, its guilt irreducible, its sadness immoral; a bracelet of bright hair about the bone [The Magus: 448].

В качестве ПТ Фаулз использует известное изречение Дж. Донна – «no man is an island, entire of itself; every man is a piece of the Continent, a part of the maine; if a Clod bee washed away by the Sea, Europe is the lesse, as well as if a Promontorie were, as well as if a Mannor of thy friends or of thine owne were; any mans death diminishes me, because I am involved in Mankinde; And therefore never send to know for whom the bell tolls; It tolls for thee». Концепт этого высказывания, который можно определить как «единство человечества», метафорически представлен Донном в выражениях *no man is an island, every man is a piece of the Continent, never send to know for whom the bell tolls; It tolls for thee*. Эксплицитно высказанная авторская позиция в тексте-реципиенте (*Donne was right*) формирует оценочный слой концепта ПТ в картине мира автора текста-реципиента. Понимание того, что свобода как отрешение от чужих проблем, отказ от морального долга, – лишь иллюзия, приходит к Николасу Урфе, герою романа Фаулза, постепенно, когда он узнает о внезапной смерти брошенной им возлюбленной.

Маркированность ИТВ, которые репрезентируют концепты ПТ в тексте-реципиенте и запечатлевают ту или иную степень их переосмысления автором этого текста по отношению к их оригинальному эмоционально-смысловому наполнению в тексте-источнике, способствует актуализации этих концептов в сознании читателя. Идентификация читателем концептов ПТ при этом закономерно выступает необходимым условием реализации авторской интерпретационной программы и формирования читательского представления об авторском мировидении.

***

АРНОЛЬД И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.

ВОРОБЬЕВА О. П., 1993. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста. М.

КАРАУЛОВ Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М.

ЛОТМАН Ю. М., 1996. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. Тарту.

- НИКИТИН М. В., 2005. Диалогизм vs интертекстуальность: выбор плацдарма // Человек в пространстве смысла: слово и текст. *Studia Linguistica*. Вып. 14. СПб.
- СЛЫШКИН, ЕФРЕМОВА, 2004. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.
- ФАТЕЕВА Н. А., 2000. Контрапункт интертекстуальности или ин-тертекст в мире текстов. М.
- ЩИРОВА И. А., Тураева З. Я., 2005. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб.
- HORNBY A. S., 1984. *Oxford Dictionary of Current English*. Oxford.
- FOWLES J., 1985. *The Magus*. New York.

Н. В. Царькова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ОСЛОЖНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Принцип целостного восприятия художественного текста не исключает необходимости самого пристального внимания к составляющим его элементам.

Основной единицей языка является, которое образуется соответствием двух планов – содержания и выражения – и несет на себе основной груз номинативной (назывной) функции. Важным видом системообразующих связей в лексике являются отношения **словообразовательные**: возможность производства одного слова от другого.

Позиционная самостоятельность слова заключается в отсутствии у слова жесткой линейной связи со словами, соседними в речевой цепи, в возможности в большинстве случаев отделить его от «соседей» вставкой другого или других слов, в широкой подвижности, перемещаемости слова в предложении. Позиционная самостоятельность характеризует все типы слов в языке, хотя и не в одинаковой степени.

Более высокая ступень самостоятельности слова – синтаксическая самостоятельность – заключается в его способности выполнять синтаксическую функцию, выступая в качестве отдельного односложного предложения или же члена предложения. Слово определяют как минимальную единицу, способную в соответствующей ситуации выступать изолированно, в качестве отдельного предложения. [Маслов, 1998: 87]

Согласно общепринятой классификации, в современном английском языке можно выделить слова **простые** и **сложные**; **непроиз-**

водные (корневые) и производные; полноосновные и аббревиатурные. [Арбекова, 1977: 17].

В современном языке все чаще встречаются осложненные лексические единицы. When I got to the Alconburys' and rang their entire-tune-of-town-hall-cljck-style doorbell I was in a strange world of my own – pauseous, vile-headed, acidic [Helen Fielding. Bridget Jones's diary]. Данные единицы мало изучены и представляют большой интерес в плане исследования их принадлежности к слову или словосочетанию, а порой и к предложению, а также их синтаксической функции и стилистической роли в предложении.

Данные конструкции – это лексические единицы, образованные нетипичным способом. Наиболее близким способом словообразования к способу образования подобных осложненных лексических единиц является словосложение. Отличие заключается в том, что в словообразовании данных лексических конструкций принимают участие и служебные части речи.

Словосложение представляет собой способ словообразования, в то же время оно может использоваться как средство выражения синтаксических отношений внутри предложения. [Степанов, 1981: 322]. Другими словами, каждому типу сложного слова должен соответствовать, за некоторыми исключениями, определенный тип или несколько типов словосочетаний, поскольку между ними имеется определенная соотносительность.

Соотносительность моделей сложных слов с моделями словосочетаний предполагает, во-первых, использование в построении сложного слова законов или правил построения словосочетания; во-вторых, широта смысловой сочетаемости слов – членов словосочетания, влечет за собой и широту сочетаемости компонентов сложного слова.

В связи с тем, что подобные словосочетания граничат со сложными словами английского языка, следует рассмотреть критерии разграничения сложных слов от словосочетаний.

Известно, что большинство лингвистов выделяют три критерия идентификации сложных слов:

1. фонетический;
2. орфографический;
3. семантический.

Однако ни один из этих критериев в отдельности не является совершенным. Проиллюстрировать это можно следующими примерами:

- 1) a black bird – черная птица
a blackbird – дрозд

В данном случае ударение помогает нам определить, какое из двух слов сложное. Однако, в следующих примерах ударение ни о чем не говорит, так как оно в обоих случаях одинаковое: *an often-used book* – часто используемая книга; *This book is often used* – книга часто используется.

2) Считается, что сложные слова в отличие от словосочетаний всегда пишутся слитно или через дефис. Тогда *wide-spread* относится к сложным словам, а *wide spread* к словосочетаниям, но на самом деле написание вторично и само должно опираться на критерии различения сложных слов и словосочетаний.

3) Иногда сложное слово отражает отношения или явления полностью соответствующие тем, что выражены соответствующим словосочетанием: *well-done job* – *the job is done well*, что затрудняет классификацию данных структур и отнесение их либо к словосочетаниям, либо к сложным словам, в отличие от таких случаев, как *blackboard*, где сложное слово имеет совершенно другое значение по сравнению с соответствующим словосочетанием, в результате чего вполне правоммерным является словосочетание *a green blackboard*. [Звягина, 1996: 28]

В итоге большинство авторов приходит к выводу, что нужно учитывать все данные критерии в совокупности.

Таким образом, согласно вышеуказанным критериям: цельности, оформленности, синтаксической и позиционной самостоятельности, а также наличием единого семантического значения для всех компонентов конструкции, подобные структуры можно назвать словами, т. е. лексическими единицами.

С точки зрения словообразования лексические конструкции осложненной структуры неоднородны. Для русского языка, как для флективного, свойственно объединение слов, принадлежащих к одному частеречному классу. Однако это не типично для английского языка, где объединяются различные части речи, причем в образовании «лексических конструкций осложненной структуры» принимают участие и служебные части речи, что совершенно не характерно для традиционного словообразования английского языка, и что отличает строение лексических конструкций осложненной структуры от строения сложных слов.

***

АРБЕКОВА Т. И., 1977. Лексикология английского языка (Практический курс). – М. Высшая школа.

- ЗВЯГИНА А. И., 1996. Трансформация предикативных структур в атрибутивные в современном английском языке.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.
- МАСЛОВ Ю. С., 1998. Введение в языкознание. – М. Высшая школа.
- СТЕПАНОВ Ю. С., 1981. Имена. Предикаты. Предложения. – М.

Е. А. Цыкина

ОБРАЗ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

«Эстетическая деятельность, – пишет Бахтин, – собирает рассеянный в смысле мир и стужает его в законченный и самодовлеющий образ... Эстетический акт рождает бытие в новом ценностном плане мира, рождается новый человек и новый ценностный контекст – план мышления о человеческом мире» [Бахтин 2000: 209].

Образ признаётся неотъемлемой частью художественного произведения, но как любое сложное понятие насыщается разными смыслами. В самом широком общеэстетическом смысле в образе обнаруживают «всеобщую категорию художественного творчества», присущую искусству форму воспроизведения, истолкования и освоения жизни путём создания эстетически воздействующих объектов. Образ трактуют и более узко – как элемент или часть художественного целого, который обладает «как бы самостоятельной жизнью и содержанием» (например, характер). Наконец, образ понимают как способ существования произведения, «взятый со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и значимости» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 669–670].

В гносеологическом аспекте образ всегда является вымыслом. Он – представление общего через единичное, абстрактного через конкретное, отвлечённого через чувственно-наглядное, осязаемое [Кухаренко 1979: 12–13]. Созерцающий мир, художник приближается к его всеобщим закономерностям и запечатлевает их в образном инобытии действительности. Образная первооснова искусства программирует образный характер воссоздаваемой в тексте картины мира вне зависимости от предмета его изображения: даже имитируя строгость и последовательность мысли, художественный текст не предлагает её «чистой» картины, что было бы естественным, например, для вневлич-

ностного и стремящегося к объективности научного познания [Щирова, Тураева 2005: 15].

Писатель кодирует наиболее важную информацию в виде образов, которые, в свою очередь, кодирует языковыми средствами. Глобальная связность художественного текста проявляет себя на уровне его образной системы. Более того, именно образная система, обусловленная эстетико-философской концепцией автора, его мировоззрением и индивидуальным стилем, является наиболее личностным компонентом последнего. Изучение образных средств помогает более глубоко проникновению в особенности восприятия мира автором, склад его мышления [Тураева 1986: 44, 46–47].

Содержание произведения, становящееся формой, есть нечто иное, как превращающаяся в образ поэтическая идея. Образ – «мельчайшая клеточка художественной ткани» – позволяет определить само искусство как мышление в образах. Это мышление носит диалогический характер, основывается на фантазировании и предполагает переживание. Конкретные формы соотнесения отражения и преобразования в искусстве бесконечно многообразны, однако, каковым бы ни было это соотнесение, оно является непреложным законом художественного освоения мира человеком. Искусство – способ образного моделирования действительности. Моделирование – это не адекватное, а изоморфное или гомоморфное отражение эмпирической данности, т. е. отражение, восстанавливающие её некоторые связи и отношения [Каган 1997: 265, 270]. Общим законом художественного творчества является зависимость его успешного завершения от изначальной образности, поэтичности замысла. Чем более поэтичен, т. е. эмоционально и образно-конкретен замысел, тем менее он поддаётся словесному изложению. Отражение действительности при этом всегда выступает в художественном образе в виде её преобразования. Образ не копирует реальность, даже если он рождается «в процессе прямого и непосредственного изображения предмета, факта или явления мира. Задача художника – не хроникальная, а художественно-творческая» [там же: 74, 86, 87]. Иными словами, художественное отображение действительности всегда предполагает активную позицию художника.

Художественное мышление направлено на творческое моделирование естественного процесса освоения мира. Сущностными признаками художественного мышления выступают эмоциональность, субъективность, содержательная двуплановость и ассоциативная образность. Создание речевой образности базируется на способности словесного знака к двойному означиванию. Эмоционально-образное представление предмета коммуникации, имеющее своей целью акти-

визацию художественного мышления адресата и стимулирование его эмоциональных реакций, – это установка на декодирование смысловой, образной и эмоциональной информации, а в конечном итоге – концептуальных смыслов текста через осмысление тропики как составляющей макроструктуры целого текста [Азнаурова, 1988: 107].

Стилистическая маркированность текста и, в частности, использование тропов, выступает важным средством утверждения авторской позиции и убеждения в ней читателя. Следует подчеркнуть, однако, что неправомерно ограничивать понятие образности метафоричностью. Первичный (словесный) образ – понятие значительно более широкое, чем метафора: оно включает в себя метафору, но не сводится к ней. Образ может нести и синсематичное слово художественного текста. Слово – материальная данность художественной речи: участвуя в создании общеэстетического образа, слово становится его формой, но, выступая частью образа, оно выступает и как часть содержания, как первичный словесный образ. Иначе говоря, через слово воплощается и словом создаётся чувственная конкретность образа [Кухаренко 1979: 26, 23]

Образность причисляется к языковым маркерам одной из базовых концептуальных основ психологизма текста – интериоризации [Щирова 2000]. Особую значимость образного начала в интериоризированных текстах связывают с природой моделируемой в них реальной внутренней речи, которую называют «языком образов и схем». Пример «всцело интериоризированного текста» – текст «потока сознания» представляет собой «совершенно условную форму изображения душевного процесса». Словами и синтаксисом, присущим речи как средству общения, хотя и «разорванным», писатель передаёт в «потоке сознания» ту внутреннюю речь, которая не достигает ещё (или достигает лишь частично) организованного воплощения в слове. При этом условность имитируемого в тексте образного начала сознания является бесспорной. Те психологические структуры, которые и в жизни, и в литературе строит и познаёт человек, являются «воображаемыми образными моделями». Мир этих образов личности не существует по принципу образец – копия и не предназначен охватить объект прямолинейно и целостно. Они воспроизводят этот объект схематически. Душевная жизнь индивида в её целостности и динамике не покрывается типологической формулой или даже сочетанием многих формул, поскольку сами формулы не являются психологической реальностью. Они – условность, образ, модель, выявляющая функции человека или господствующие ключевые признаки его поведения [Гинзбург 1999: 14, 17].

Анализируя систему образов психологического текста и обращаясь к специфике процессов восприятия и концептуализации, составляющих основу реального когнитивного цикла, И.А. Щирова вводит понятие “лестница интериоризации”. Это понятие подразумевает, с одной стороны, иерархические отношения между чувственным восприятием как основой мышления персонажа и «его» собственно мышлением, а с другой – иерархические отношения внутри системы образов, которые участвуют в процессах чувственного восприятия. Если перцептуальные (визуальные, слуховые, тактильные, обонятельные и пр.) образы запечатлевают продукт работы органов чувств, то метафорические (в широком смысле слова) – свидетельствуют о более осознанном восприятии окружающего мира, об активном способе реализации познавательных способностей субъекта в процессе освоения им ценностей мира. При этом если в плане изображённой реальности языковой образ (троп) является вехой мироосмысления персонажа, то в плане реальной коммуникации – маркером оценочной авторской позиции [Щирова 2000: 80, 109].

Изучая образное начало психологического текста как средство выражения авторской позиции, целесообразно помнить о том, что эта позиция всегда формируется «внутренне-диалогизованным словом», т.е. лежит выше монологической позиции [Бахтин 1979: 21]. Персонажи изображаемого художественного мира, подчёркивает Е. А. Гончарова, сочетают в себе характеристики объекта познания (для автора и читателя) и субъекта «индивидуализированного» сознания, потому что автор не может создать характеры героев, целиком подчиненные его познавательной и коммуникативной субъектности и субъективности. Входя в систему отношений фикционального мира литературного текста, персонажи могут действовать по законам «упорствующей реальности» «неуправляемой объективности» (выражения Бахтина) [Щирова, Гончарова 2006: 107]. В плане изображённой коммуникации образ в составе квазисознания воссоздаёт духовный облик героя и свидетельствует о его интенсивной внутренней жизни, высокой степени интеллектуальной и эмоциональной рефлексии. В плане реальной коммуникации, однако, персонаж является не более чем фикцией, продуктом языковой личности писателя, порождением его креативного начала. Это означает, что, делая выводы об образах, принадлежащих квазисознанию, мы должны видеть в них имплицитные средства выражения субъективно-оценочной позиции автора по отношению к изображаемому. Внутренняя форма любого образа всегда личностна, она несёт в себе след авторской идейности, его «вычлняющей и претворяющей инициативы», благодаря чему образ предстаёт *оценённой*

человеческой действительностью, культурной ценностью, выражением исторически относительных тенденций и идеалов [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 673] (курсив мой – Е. Ц.).

***

- АЗНАУРОВА Э. С., 1988. Прагматика художественного слова. Ташкент.
- БАХТИН М. М., 2000. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.
- БАХТИН М. М., 1979. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд., М. ГИЗБУРГ Л., 1999. О психологической прозе. М.
- ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ, 2001. М.
- КАГАН М. М., 1997. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.
- КУХАРЕНКО В. А., 1979. Интерпретация текста. Л.
- ТУРАЕВА З. Я., 1986. Лингвистика текста, М.
- ЩИРОВА И. А., ГОНЧАРОВА Е. А., 2006. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.
- ЩИРОВА И. А., ТУРАЕВА З. Я., 2005. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб.
- ЩИРОВА И. А., 2000. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX в. СПб.

А. В. Черняева

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЗМЕНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Цель данной статьи – дать краткий обзор работ, посвященных различным глаголам со значением изменения в английском языке, и обосновать актуальность их исследования в свете фреймовой семантики. Рассматриваются такие глаголы изменения, как *change, alter, modify, vary, modulate, adapt, adjust, revise, rectify, convert, transmute, disguise, affect, reverse, customize, amend, twist, falsify, innovate, revolutionize, metamorphose* и др., объединяемые по наличию семы «change» в их компонентном составе и в более широком смысле – по принадлежности к одной концептуальной сфере.

Изменение – категория, характеризующая состояние, альтернативное стабильности, переход из одного состояния в другое, смену

содержания во времени. Многогранность явления, его значимость в жизни человека обуславливают большой интерес к его изучению. Особое внимание при анализе данной понятийной категории лингвисты уделяют глагольным лексемам. Глаголы изменения состояния выделяются во многих классификациях. Имеется значительное количество узкоспециализированных работ на материале английского, русского и немецкого языков, в которых в том или ином ракурсе рассматриваются глаголы изменения [Назаров, 1987; Лобанова, 1988; Крючкова, 2002; Бондаренко, 2003; Денисенко, 2004; Кропотова, 2004; Сахарова, 2004; Романцова, 2005].

В целях обоснования актуальности исследования вышеперечисленных глаголов необходимо остановиться на работах, в которых анализируются глаголы изменения в английском языке. К настоящему моменту выявлены следующие случаи их рассмотрения.

1. При классификации каузативов со значением изменения состояния [Назаров, 1987]. Автором выделяются три ЛСГ: 1) изменение состояния неодушевленного предмета (paint, stain, bend и др.); 2) изменение состояния одушевленного предмета (wound, cure, fatten и др.); 3) изменение эмоционального состояния (please, terrify, surprise и др.)

2. При изучении предиката изменения с целью сравнения предикатных знаков с различной частеречной принадлежностью [Лобанова, 1988].

3. При исследовании непроизвольного качественного изменения с целью выявить влияние семантики и конкретных сем каждого из описываемых глаголов на формирование их общего категориального значения, их комбинаторику, парадигматику и синтагматику [Крючкова, 2002]. Автором выделяются 2 макрогруппы: 1) глаголы с векторно различным значением (нарастания признака – bloom, ease, grow, increase mature, убывания признака – age, degenerate, fuse, faint, melt и цветковые изменения – blacken, redden и др.); 2) изменения без проявления векторности (change, alter, vary, mutate). При этом bloom, faint, degenerate являются прототипами всего класса.

4. При исследовании глагольных конструкций изменения состояния [Бондаренко, 2003].

5. При исследовании концепта «изменение состояния» на модели Verb-adjective [Сахарова, 2004].

Среди приведенных исследований второе характеризуется широкой охватностью: оно не ограничено только глагольной лексикой, но включает также существительные, (например, «She turned her assertion into question», «I had exceptional advantages in facility in repartee, which

improved by practice». Вследствие этого важные моменты, касающиеся только класса глаголов, здесь не могут быть описаны со всей полнотой.

Первый и четвертый случаи представляют собой рассмотрение глаголов изменения в рамках традиционного «полевого» подхода. Результаты данных исследований представляют большую ценность с точки зрения системной организации лексики, однако не объясняют, что стоит за языковыми единицами, принадлежащими к одной семантической сфере, и что определяет сходство и различие значений этих единиц [Болдырев, Акулинина, 2000: 163]. Как отмечает Е. Г. Беляевская, основным методом изучения структуральной парадигмы является компонентный анализ (в разных вариантах). Автор отмечает, что несмотря на многочисленные достоинства, этот метод имеет и ряд недостатков:

1. как правило, он не выявляет различия между синонимами;
2. позволяет зарегистрировать, но не объяснить принципы контекстуального варьирования семантики единицы;
3. практически не применим к изучению семантических приращений, возникающих в речи и обуславливающих ситуационную семантическую индивидуальность высказывания [Беляевская, 2000: 9].

Недостатки компонентного анализа, используемого при «полевым» подходе, могут быть преодолены с помощью когнитивного подхода, который прослеживается в работах Ю. В. Крючковой и Т. А. Сахаровой и о преимуществах которого будет сказано далее. Ю.В. Крючкова, рассматривая глаголы произвольного изменения, сосредотачивает внимание на их индивидуальных свойствах, на ситуациях изменения без эксплицитного каузатора извне, что составляет отличие от глаголов, рассматриваемых в статье. Автор исходит из прототипического принципа организации лексики – одного из методов когнитивной семантики, имеющего несомненные преимущества по сравнению с принципами формальной логики.

Что касается работы Т. А. Сахаровой, то ее диссертация посвящена анализу структурирования и функционирования языковых единиц, передающих изменение посредством глагольно-именных сочетаний, в которых первый элемент выражает изменение, а второй – именует характер этого изменения. Принципы когнитивизма заключаются, прежде всего, в моделировании характера отношений в режиме «воспринимающий субъект – воспринимаемая ситуация». Не ограничиваясь простой констатацией факта, автор определяет возможные способы взаимодействия индивида со средой (темпоральные, пространственные, вхождение в ситуацию в качестве деятеля, отстраненность наблюдателя и т. д.). Представляя собой глубокое и серьезное

исследование, работа ограничена моделью verb-adjective. Это говорит о том, что за пределами анализа остается целый пласт полнозначной глагольной лексики. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее ее изучение в рамках когнитивного подхода.

Согласно этому подходу, объединение тематически родственной лексики происходит не на основе выделения общих семантических компонентов в структуре значений слов, а на более общих когнитивных основаниях. Это означает наличие когнитивной модели, точнее когнитивного контекста (блоков знания/когнитивных структур у некоторых авторов) в основе формирования языковых единиц. Эти когнитивные контексты Р. Лэнкер называет «cognitive domains» [Langacker, 1991], Ж. Фоконье и Дж. Лакофф – ментальными пространствами [Fauconnier 1999, Lakoff, 1990], Ч. Филлмор – фреймами [Fillmore, 1977], Е. Г. Беляевская – концептуальными схемами [Беляевская, 2000]. В данной статье используется термин «фрейм».

Как отмечает Н. Н. Болдырев, теория лексических полей, послужившая основой фрейма, занимается в основном исследованием групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических полей как собственно языковых феноменов. Фреймовая семантика предполагает выяснение того, как и в каком объеме в языковой единице отражена когнитивная (неязыковая) информация. При этом подчеркивается отсутствие четкой грани между языковым значением и человеческим опытом, то есть непрерывность перехода от языка к опыту. В рамках когнитивной семантики семантика языковых единиц рассматривается как отражение процессов концептуализации и категоризации в языке [Болдырев, 2004: 24].

С точки зрения когнитивной семантики, для анализа значения слова необходимо установить его когнитивный контекст – структурировать фрейм, показав, какие участки этого фрейма и каким образом схвачены знаком (формулировка Е. С. Кубряковой, М. В. Никитина).

С точки зрения фреймовой семантики, языковая единица приобретает свое значение в результате выделения («профилирования» – термин Р. Лэнкера), или высвечивания конкретного участка в пределах соответствующего фрейма. По мнению Ч. Филлмора, лексическое значение передает определенную сцену (ситуацию), которая соотносится с фреймом посредством «перспективы» – фокусировки внимания на отдельных участках фрейма. В зависимости от того, какая характеристика фокусируется в значении того или иного глагола, он может быть отнесен к определенной группе. Привлечение фреймовых структур помогает объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне. Например, в предложении «Не

watched her moving from her childhood to maturity» глагол движения передает длительный, многофакторный процесс внешнего и внутреннего изменения человека. Вне фреймового подхода, в рамках традиционных классификаций данный глагол будет причисляться только к глаголам перемещения.

Таким образом, фрейм как когнитивная модель является концептуальной схемой, налагаемой на концептуальную сферу «изменение», тем самым, обеспечивая семантическую общность и разнообразие глаголов с общим значением изменения. Наличие синонимов в рамках одной концептуальной сферы объясняется активизацией различных участков фрейма, а также активизацией тех или иных его факультативных компонентов [Болдырев, Акулинина, 2000].

В данном случае *обязательными компонентами фрейма* являются субъект и предикат, когда речь идет о непроизвольном изменении. Когда в фокус говорящего попадает направленное изменение, то обязательными компонентами становятся субъект, предикат и объект изменения. *Факультативными компонентами фрейма «изменение»* по предварительному анализу будут следующие компоненты: целенаправленность/нецеленаправленность изменения (adapt, modify, disguise), указание на причину изменения (transfigure), векторность изменения (develop – как правило, увеличение, reduce – уменьшение), степень изменения (transform, revolutionize, convert – кардинальное изменение, modify – легкое), указание на объект изменения (modulate one`s voice, amend a law/text, twist smb`s words, convert religious or political beliefs), оценочность (falsify, twist – негативность, amend, reform – позитивность), каузация (affect). Имея динамическую структуру, фрейм хорошо объясняет закономерности лексико-семантического и контекстуального варьирования семантики слов.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о преимуществах фреймового подхода при анализе семантики глагола и объясняет актуальность исследования указанных глаголов, которые не подвергались детальному изучению с данных позиций.

***

БЕЛЯЕВСКАЯ Е. Г., 2000. Принципы когнитивных исследований: проблема моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. Ч. 1. Тамбов.

БОЛДЫРЕВ Н. Н., 2004. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. №1. Тамбов.

- БОЛДЫРЕВ Н. Н., Акулинина Н.А., 2000. Когнитивный аспект лексической категоризации английских глаголов звучания // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Тамбов.
- БОНДАРЕНКО С. В., 2003. Функционально-семантическая категория изменения состояния: глагольные конструкции английского языка. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к.ф.н. М.
- ДЕНИСЕНКО В. Н., 2004. Концепт изменение в русской языковой картине мира. М.
- КРОПОТОВА Л. В., 2004. Семантико-синтаксическая характеристика глаголов с общим значением изменения в немецком языке. Киров.
- КРЮЧКОВА Ю. В., 2002. Семантический подкласс глаголов со значением непроизвольного качественного изменения. Диссерт. на соиск. уч. ст. к.ф.н., СПб.
- ЛОБАНОВА Г. А., 1988. Реализация предикатов изменения в современном английском языке. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к.ф.н. Л.
- НАЗАРОВ С. И., 1987. Семантика и функционирование английских каузативных глаголов, обозначающих изменение состояние предмета. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к. ф. н. Л.
- РОМАНЦОВА Л. М., 2005. Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка. Белгород.
- САХАРОВА Т. А., 2004. Языковая актуализация концепта «изменение состояния» на примере модели Verb-Adjective. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к. ф. н. Барнаул.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ	3
АРНОЛЬД И. В. О роли толковых словарей в обучении английскому языку.....	3
ГОНЧАРОВА Е. А. Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации литературного текста.....	6
НИКИТИН М. В. О соотношении знака и значения.....	15
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА: СИНХРОНИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	24
КИСЕЛЕВА С. В. Метафорическое употребление партитивных глаголов.....	24
КЛЕПИКОВА Т. А. Валентность как когнитивная теория.....	28
ПРОКОПЧИК О. Д. Комическая функция английских паронимов.....	36
ПУЗАНОВА Н. А. Семантические механизмы омонимии.....	41
ШРАМКО Л. И. Особенности реализации значения неконтролируемости у глаголов, имплицитующих способ действия.....	45
ФЕНОМЕН ТЕКСТА: ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ	52
АНДРЕЕВА В. А. «Смещаемость» литературно-повествовательных жанров и их «внутренняя мера».....	52
ВОРОНЦОВА Т. И. О ментальных пространствах балладного дискурса (на материале литературных баллад).....	58
ПЕЛЕВИНА Н. Н. Актуализация авторской позиции в прямой иносубъектной речи научного текста.....	63
ТИМОФЕЕВА З. М. Комбинаторная игра в сфере субъектно-объектных отношений в постмодернистском художественном тексте.....	69
ЩИРОВА И. А. Наука о текстах, теория текста, лингвистика текста: проблемы терминологии и дисциплинарного статуса.....	75
ЯКОВЛЕВА Е. В. Индексальная референция и транспредикативность.....	82
СЛОВО И ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ	88
АФАНАСЬЕВА А. Л. Культурная составляющая в лексике художественных произведений.....	88
БОЧЕГОВА Н. Н. Концепты “work” и “job” как константы американской культуры.....	92
ВЫШЕНСКАЯ Ю. П. Куртуазная традиция в средневековой английской поэзии.....	99
КОНОНОВА И. В. Языковая репрезентация англосаксонской морально-этической концептосферы периода утверждения христианских ценностей.....	102

СЕРГАЕВА Ю. В. Традиция и креативность в номинации.....	110
ТАРНАЕВА Л. П. Культурный концепт в контексте проблем межкультурной коммуникации.....	118
ФИЛИМОНОВА О. Е. Репрезентация социальных эмоций в благотворительном тексте.....	122
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	130
ФЕТИСОВ А. Ю. К вопросу об эквивалентности и адекватности в переводе.....	130
ГОЛОСА МОЛОДЫХ	133
АВДЕЕВА О. А. Адъективный характер концептуального пространства «старость» в английском языке.....	133
АЛЕНДЕЕВ П. В. Аллюзия как средство объективации авторской картины мира.....	138
БОЙЦОВА С. С. К вопросу о лингвокогнитивных особенностях комического.....	142
ВАЦКОВСКАЯ И. С. Резонансная информация в политическом дискурсе.....	147
КИРЬЯКОВА А. С. Особенности влияния научного стиля на реализацию категории адресованности в тексте литературно- критического эссе Джойс Кэрол Оутс «‘Alice in the Wonderland’ and ‘Alice through the Looking Glass’ by Lewis Carroll».....	152
ЛЕВИЦКИЙ А. Г. Коммуникативная роль фразеологизмов в немецких народных сказках.....	155
ЛЕВКОВИЧ А. В. Особенности когнитивного подхода к изучению категории эмотивности (на примере частичного структурирования концепта «гнев»).....	159
ЛЫЧЕВА А. Е. Микрополе <i>управление персоналом</i> как объект терминологического исследования.....	166
МУРАНОВА О. С. Об особенностях композиционной структуры текста научно-популярной статьи.....	170
НЕСМЕЯНОВ А. В. Диахронический аспект изучения немецкой эпиграммы.....	178
ОСТРОУМОВА А. В. Когнитивно-прагматические основы англоязычного мнемонического повествования: к вопросу об актуальности исследования.....	183
ПЕТРОВА А. Ю. О модусной природе оценки.....	187
ПИСАРЕВСКАЯ А. К. Прецедентный текст как лингвокультурологическое воплощение диалогизма.....	191
ПОЛУЭКТОВА А. В. Проблема определения глагольной синонимии: прототипический подход.....	195
РАДЮШКИНА А. А. Лингвостилистические особенности Евангелия от Луки.....	202

РЕЗАНОВА А. Н. Прагматика дисфемии в современном английском языке.....	207
РОМАНОВА О. В. Концептуальная основа образования подкласса английских глаголов со значением принуждения.....	212
СЛАВЯНСКАЯ Н. В. К вопросу о специфике реализации функции воздействия в тексте эссе: постановка проблемы.....	218
СМОЛОНОГИНА Е. А. Один из аспектов стандартизации словарной статьи одноязычного толкового словаря (на материале немецкой исторической лексикографии).....	222
ФИЛИППОВА С. Г. Интертекстуальные включения как сигналы адресованности в художественном тексте.....	227
ЦАРЬКОВА Н. В. Лексические конструкции осложненной структуры.....	231
ЦЫКИНА Е. А. Образ как средство выражения авторской позиции.....	234
ЧЕРНЯЕВА А. В. Глаголы со значением изменения в английском языке (обзор лингвистических исследований).....	238

Подписано в печать 03.05.07. Формат 60×84¹/₁₆. Печать – ризография.

Тираж 200 экз. Объем 15,4 п.л. Бумага офсетная. Заказ 394.

Отпечатано в ООО «Политехника-сервис»
191023, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 6